

ИГОРЬ АНДРОСОВ

НА
ПЕРЕКРЕСТКЕ

ПРЕЖДЕ
СТРАТЕГИИ

Эта книга о международном
кризисе лета 1939 года,
давшем толчок к началу
второй мировой войны...

ИГОРЬ АНДРОСОВ

**ПЕРЕКРЕСТКЕ
НА
ТРЕХ СТРАТЕГИИ**

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1979

66.4
А66

А $\frac{11101-010}{078(02)-80}$ Без объявл. 0801000000

В Москве и Берлине стояла ночь, и небо тяжело от звезд. Они светили ярко, назойливо, когда еще их сотрет неизбежный рассвет. По краям эта летняя ночь словно таяла — в Токио начиналось утро. На Западе, за Атлантикой, день уже кончался, тонул в синем, подернутом бензиновыми пятнами вашингтонском закате. На планете в зависимости от поясного времени — 22 и 23 августа 1939 года.

Японский посол в Берлине генерал Осима посетил статс-секретаря Вейцекера в полночь 22 августа. Время и час визита посла миновали все рамки дозволенного. Но, кроме прислуги статс-секретаря, вряд ли кто был в претензии. Вейцекер понимал душевное состояние японского генерала. Подтянут и сосредоточен, лицо покрыто пятнами нервного румянца, который не мог скрыть даже мягкий свет в кабинете тактичного хозяина.

Генерал, посвятивший всю свою энергию заключению прочного военного союза с Германией, предпринимавший шаги зачастую вопреки прямым инструкциям Токио, был фанатиком этого союза, и немцам, как он полагал, это следовало, по крайней мере, ценить. Впрочем, сам Осима, лишенный сентиментальности, понял за многие годы службы в Берлине, что здесь ему не дожидаться сочувствия, как, впрочем, и на родине, где его самовольство расценивалось весьма критически.

У него были все основания негодовать. Перед самым отлетом в Москву Риббентроп сообщил послу, что Германия намерена начать новую политику.

Если принять во внимание, что сделал Осима для заключения военного договора с Германией, путанные маневры рейхсминистра можно было расценивать как шаги азартного любителя в дипломатии. Осима поставил на карту военного пакта с Германией не только карьеру, но и шел на весьма опасный риск — представлять мнение Берлина в Токио, а это редко поощряется в дипломатии вообще, а в японской в особенности.

Вейцекер, стараясь говорить спокойно, сообщил Осиме, что германская «новая политика» значительно улучшит отношения Японии и СССР. Последнее было особенно «утешительно», если иметь в виду, что многие месяцы Токио боролся за остронаправленный антисоветский пакт, что было связано с его далеко идущими планами, и вот тебе: «новая политика».

Японское правительство было просто оскорблено бесцеремонным поведением Берлина. Газета «Июмиури» 27 августа 1939 года поме-

стила «Заявление армии», в котором, в частности, говорилось с горечью, скупой, но очевидной: «То, что наша вчерашняя союзница Германия вступила в союз с СССР, вызывает крайне напряженные отношения... Поведение Германии вызывает немалое неудовольствие у японского народа. В данный момент правительство императорской Японии отбрасывает прежний курс политики по вопросу обсуждения мероприятий в отношении Европы...»

В Белом доме, равно как и в государственном департаменте, призывали ничему не удивляться. Поставленная на широкую ногу американская разведка своевременно сообщала о намерениях Берлина. Об одном из источников поведал в своих мемуарах, вышедших в 1973 году, крупный американский дипломат Ч. Болен. Он рассказал, что в германском посольстве в Москве отыскался некий Джонни, дипломат среднего класса, но отлично информированный, который передавал Ч. Болену, тогда первому секретарю американского посольства в Москве, копии всей германо-советской переписки.

Джонни, а точнее Ганс Генрих Хёрворс фон Биттенфильд, работал на спецслужбе США, по крайней мере, с 1936 года и со временем был вознагражден — после крушения рейха стал первым послом ФРГ в Лондоне. «Государственный департамент, — пишет Болен в своих мемуарах, — был нам крайне признателен за способность представить заблаговременное предупреждение о пакте... Мы, — продолжает он, — были единственным правительством, кроме правительства Германии и СССР, у кого были все тексты переговоров».

Лондон. На Британских островах советско-германский пакт о ненападении менее всего мог оставить равнодушными руководителей английской дипломатии. На самом деле, компетентно отмечает в своих известных «Дипломатических документах» Оливер Харви 3 августа, «вести о германо-советском пакте о ненападении, поступившие сегодня, вызвали полный шок правительства его величества, хотя предупреждение поступило из Вашингтона еще несколько недель назад, но телеграмма затерялась где-то в общем потоке бумаг...»

Любой комментатор такого чрезвычайного события может лишь остановить перо и принять факт таким, каков он есть. Что мог иметь в виду английский министр иностранных дел, не обратив внимания на документ необычайной важности на самом пороге войны, когда принято проверять даже самые, казалось бы, невероятные версии?

Если выстроить в ряд неслыханные нелепости, совершенные английской дипломатией в период «умиротворения», то и тогда этот

случай .смотрится с высоты неприступной профессиональной глупости.

Английская «Дейли телеграф» 23 августа писала: «Цена, которую инициатор антикоминтерновского пакта заплатит за русскую подпись на пакте о ненападении (по мнению иностранных кругов), будет заключаться в отказе от какой бы то ни было поддержки Японии и предоставлении России свободы действий на Дальнем Востоке».

В «Фигаро» прорезался голос буржуа. Это был Владимир д'Ормессон. «В настоящей путанице и неразберихе Германия вообразила, что ее соглашение с Москвой вызывает у нас смущение... Это означает, — заключает Владимир д'Ормессон, — что она ничего не понимает во французском характере. Мы не переставали твердить, что Польша, Франция и Англия перед возможностью войны были и останутся солидарными».

Премьер-министру Франции Даладье предстояло сказать французскому народу нечто более достойное, чем ссылка на французский характер, которая была бы уместнее в другое время и при других обстоятельствах...

Берлин, 24 августа, 4 часа утра. «Ночью в таверне большое оживление, — фиксировал известный американский публицист У. Ширер, — около двух мы узнали условия советско-германского пакта. Они оказались гораздо шире тех, о которых предполагали... Несколько германских редакторов — Халфилд, Крейнкг, Силекс, — кто еще позавчера истерично писал о большевиках, пришли сюда, заказали шампанское и вовсю откровенничают о своих старых пробольшевистских симпатиях... Они опьянены. Корреспонденты, особенно английские, пьют шампанское и коньяк, чтобы как-то прийти в себя». Эти легкие на подъем и комментарии люди присутствовали не на одном фашистском сборище, где большевизм предавался анафеме под гул, топот и крики «хайль!», где неистовствовал маленький и неуклюжий, преданный заумной фанатичной идее человек. Людям в таверне случалось видеть его и в ложе Мюнхенской оперы, видеть горение его глаз при первых аккордах «Нибелунгов». Люди, что спорили о пакте в таверне, были и в Мюнхене, видели они и умиротворенных, ничем не обеспокоенных Гитлера, Чемберлена, Даладье, Муссолини... Потом они бесстрастным языком телетайпа сообщали об уничтожении Чехословакии — словом, многое видели на своем веку люди, собравшиеся поговорить о советско-германском пакте... «Цель Сталина, — гудели в таверне, — разжечь войну между Востоком и

Западом, в результате которой наступит вселенский хаос, после чего выступят большевики и коммунизм установится в этих странах или там, что от них останется...»

«Джо Барнет потрясен новостью, потому что он здесь единственный, кто бывал в России, и вместе со мной до хрипоты спорит о случившемся. Мы сидим вместе с германскими редакторами. Те шумят, гогочут и хвастают, утверждая, что Англия теперь воевать не посмеет, отрицая все, что им предписывалось говорить эти последние шесть лет их нацистским руководством...»

Берлин, 24, полночь. «Ночью Берлин смотрится по-военному. От самой моей квартиры вдоль улицы они установили зенитки, даже на крыше И. Г. Фарбениндуэстри. Мне кажется, это те же самые зенитки, которые я видел осенью прошлого года. Может быть, Гитлер нападет на Польшу сегодня ночью. Многие думают именно так. Я лично думаю, что это зависит от Англии и Франции. Если они еще раз скажут, что они выполняют свой долг по отношению к Польше, Гитлер будет ждать. И получит то, что хочет, без войны... Получил текст выступления Чемберлена в парламенте. Гитлер определенно боится твердой позиции. Вчера английский посол летал на встречу с Гитлером. Он сказал ему, что англичане выполняют свои обязательства по отношению к Польше в случае германского нападения, несмотря на русско-германский пакт...»

И снова и снова он возвращается к пережитому.

«Германское радио неожиданно прервало музыку, и диктор сообщил, что Германия и Россия решили заключить пакт о ненападении. Я был в «Геральд трибюн» и ничего этого не слышал, пока мне не позвонил Джо... Теперь я припоминаю неясный намек на Вильгельмштрассе (МИД Германии), что ближе к вечеру будут новости.

Германская пресса на следующий день выглядела изумительно. Геббельсовская «Ангрифф», наиболее озлобленная против красных газета, писала: «Мир стоит перед свершившимся фактом: два народа вступили на общую основу в их внешней политике, которая в течение долгой и традиционной дружбы создала основу для взаимопонимания».

И так далее, и тому подобное. Бедные Джо Барнет и Уильям Ширер! История разворачивалась со скрежетом танков, гаубиц и зениток; разворачивалась перед самой таверной, в которой они обсудили тысячи политических пустяков, в которой ветреной осенью 1938 года они, может быть, вздохнули по поводу Мюнхена — они были *честными* буржуазными корреспондентами, не без способностей. и не без житейского опыта.

Они думали над судьбами многих стран, но никогда не задумывались над судьбами далекой, заснеженной России. Они сами не хотели ей лиха, но никогда не задумывались над тем, что та самая

Россия для их правительства — большая, но, к несчастью, подвижная мишень, в которую бесприцельно не попадешь.

Об этом ни У. Ширер, ни Д. Барнет не могли знать, да если бы им кто-нибудь и рассказал про это в таверне, они все равно бы не поверили... Мир ахнул и замер, когда Австрию поглотил рейх. Мир неделю уговаривал Гитлера, чтобы избежать войны из-за Чехословакии. На исходе лета 1939 года мир окончательно понял, что его провели в марте 1939 года. Польша в силу ее нелояльности ни к одному из межвоенных союзников вызывала меньше сочувствия, но ее все равно жалели в таверне.

Но ни Джо Барнет, ни умеренно знаменитый впоследствии Уильям Ширер никогда не раскладывали, что же произойдет с Россией, хотя не раз ломали голову над событиями, которые должны были произойти в связи с ней, из-за ее мощи, из-за ее слабости, из-за того, что Россия не допустит этого и поможет тому-то. Они, конечно же, не верили в пропаганду большевиков, как не верили в пропаганду Гитлера. Они вряд ли верили и своим собственным газетам, потому что, умудренные опытом, знали, как они делаются.

В таверне сидели два человека, умеющие хорошо складывать слова в строчки. Они были растеряны, подавлены. Они уже видели, как ставят зенитки, хоть и не слышно было пока, как они стреляют...

Москва, 24 августа 1939 года. Сообщение о советско-германском договоре о ненападении опубликовано во всех газетах и передано советским радио. Странное и нелегкое чувство владело в эти минуты людьми. Голос диктора сообщал о заключении договора о ненападении, значит, о мире, но люди, вслушиваясь в напряженный голос, вчитываясь в скупые газетные строчки, испытывали чувство неумемной тревоги, которое рождает лишь близкая война.

Может быть, это чувство было вызвано неискоренимым злом, которое видел каждый советский человек в фашизме, может быть, пониманием личной ответственности за свой дом, за село, за судьбу всех таких же городов и сел, но вернее всего то было понимание неизбежных сложностей, понимание тех еще неясных тревог, что с собою несли новости из Европы.

Взволнованный и утомленный голос диктора воспринимался в притихших московских улочках и дворах с особой, тревожной серьезностью. Женщины, зябко поеживаясь от нетеплого ветра и нежаркой погоды, повернувшей уже на осень, притихли перед репродукторами с неосознанным еще чувством того, что этот тревожный знак, холодящий сердце, каким-то невероятным образом касается их сыновей, мужей и братьев. Мужчины хмурились и курили — вот-вот ударит их нелегкий солдатский час...

Хотя, приглушенные расстоянием, уже звучали выстрелы — с весны на далекой монгольской границе бушевали бои, — люди жадно читали скупые сводки, думая о сражающихся и от души желая им победы. Это были не «линейные построения возможных сил на бумаге», как писали французские газеты, и тем более не воображаемая английской прессой «свобода рук на Востоке». Это была война, в которой гибли, побеждали и снова гибли наши русские солдаты.

Весть о советско-германском пакте в психологическом климате тех дней вряд ли кто мог воспринять иначе как моральную мобилизацию, как поиск внутреннего резерва в себе самом и в окружении. Так бывает всегда, когда беда не за горами. Это было основное; этим жили и партия, и люди, перенесшие на своих плечах тяжести не одного военного похода.

Резкие повороты всегда, а особенно в политике, неизбежно вызывают сомнения у людей. Так могло быть и на сей раз, но не это определяло отношение к происходившему — уверенность в неизбежности свершенного, в том, что дела обстоят именно так, и нет им сейчас другого хода — вот что было главным в те августовские дни.

...Возникает вопрос, и вопрос вполне естественный. Каково было состояние тех людей в Кремле, которые, неся ни с чем не соизмеримую ношу ответственности за судьбу завоеванного социализма, должны были подписать пакт о ненападении со злейшими врагами нашей страны, непримиримейшим и яростным врагом коммунизма как социального и философского учения, лютыми врагами цивилизации вообще?

Для советских руководителей это был суровейший день.

Контурсы войны носили угрожающе конкретный характер, и нужно было решать...

ГЛАВА ПЕРВАЯ ЛАБИРИНТЫ БРИТАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

М

1

асштабы и потрясения той войны, 1939—1945 годов, вошедшей в историю как вторая мировая, никогда не перестанут поражать воображение человечества. И никогда не потеряет остроты вопрос: как все это могло случиться? Почему на исходе первой половины XX века мир оказался ввергнутым в неслыханный кровавый катаклизм, а блистательные достижения разума, оказавшиеся в руках современных варваров, использовались для того, чтобы истребить самый разум. Почему фашистская ночь смогла опуститься на древние государства континентальной Европы — той части света, которую на Западе принято называть колыбелью цивилизации.

Коль скоро там вспыхнул пожар второй мировой войны, то Запад и попытался дать объяснение. В общих чертах расхожая концепция, предложенная миру, сводится к тому, что поколение политиков Англии, Франции, некоторых других стран, на памяти которого прошла война 1914—1918 годов, получило столь стойкое отвращение к оружию, что просмотрело назревавшую войну в самом центре Европы.

Капитальная ошибка, и это единодушно теперь признают на Западе, заключалась в том, что перед лицом эскалации сначала дерзких требований, а затем агрессии правительства Англии и Франции встали на путь «умиротворения», шаг за шагом уступая домогательствам тех, кто вознамерился бросить к своим ногам весь мир. Задним числом утверждается — если бы своевре-

менно в ответ была употреблена сила, то войны не случилось бы, мир был бы сохранен. Эта оценка политики «умиротворения» совершенно справедлива, но сама политика эта вырвана из контекста всей системы тогдашних международных отношений. В Лондоне и Париже правили не дети, а опытные политические деятели, которые проводили «умиротворение», преследуя нужные и понятные им цели.

«Умиротворение», бессмысленное само по себе, обрело глубокий смысл в рамках генеральной внешнеполитической стратегии Запада — попытаться направить агрессию держав, составивших к середине тридцатых годов фашистскую «ось», против Советского Союза. «Умиротворение» было производным от политики «баланса сил», которую традиционно практиковала Англия. Современные проклятия на Западе в адрес предвоенного «умиротворения» вызваны не раскаянием, а сожалением — в те годы Запад не преуспел в политике «баланса сил». СССР сумел расстроить в канун второй мировой войны заговор международной реакции, продиктованный антикоммунистическими мотивами. Случившееся действительно в высшей степени поучительно не только в историческом плане, но имеет далеко не академический интерес и в наши дни.

2

С социально-политической точки зрения стратегию «умиротворения» можно рассматривать как единую классовую стратегию империализма, заостренную против Советского Союза. В советской историографии глубоко и всесторонне проанализирован вопрос об «умиротворении» в международных отношениях межвоенного периода. «Политика попустительства и пособничества гитлеровской агрессии в Европе имела целью не только «умиротворить» Гитлера и направить агрессию фашистской Германии на восток, но и добиться изоляции Советского Союза», — отмечается в коллективном труде «История внешней политики СССР» (Москва, «Наука», 1976). Объективно курс на «умиротворение» агрессора представлял собой не что иное, как антикоммунизм, привнесенный в сферу международных отношений.

Застрельщиком «умиротворения» в то время была Англия. В Лондоне обдумывались акции в этом направ-

лени, которые соответствовали и давним английским внешнеполитическим традициям. Последние, как известно, исходят из того, что политика «баланса сил» якобы «универсальна», а в истории английской внешней политики занимает место «классической».

Теория этой политики к нашему времени детально разработана. Из множества значений, которые на Западе вкладывают в понятие «баланса сил», нас более всего интересуют два. Первый случай, когда противостоят друг другу два государства. «Государство «А», — пишет американский апостол концепции «баланса сил» Г. Моргентгау, — может проводить империалистическую политику по отношению к государству «Б», а государство «Б» может реагировать на это проведением политики статус-кво или проводить собственную империалистическую политику по отношению к государству «А». Так немудрено и просто на бумаге выглядит первый вариант.

Основной вариант политики «баланса сил» его исследователи видят в иной схеме. Допустим, имеются три государства (или союза государств) «А», «Б» и «В». Причем между государствами «А» и «Б» происходит конфронтация, протекающая в условиях мира или уже переросшая в войну. В этом треугольнике, где двое враждуют, а третий в споре участия не принимает, перед государством «В» открываются возможности проведения политики «баланса сил». Суть внешнеполитической деятельности государства «В» заключается в одновременном подогревании противоречий между государствами «А» и «Б» и поддержании равновесия между ними. Государство «В» в данном случае не связывает себя на длительную перспективу ни с комплексом «А», ни с комплексом «Б». Государство «В» исполняет функции государства-балансира, держась при этом вдали от «арены главного конфликта». Государству «В» надлежит умело и своевременно использовать свой военно-экономический потенциал, который должен быть весьма весомым для поочередной поддержки государств «А» или «Б». Для создания необходимого «равновесия» государство «В» оказывает поддержку военную, экономическую или политическую наиболее слабому из конфронтирующих государств. Разумеется, все это для того, чтобы в результате взаимного истощения враждующих сторон государство «В» получило для себя выгоду.

Принцип «баланса сил» находился в центре внимания американских политиков буквально с первых дней существования республики. Прямая военная помощь Франции позволила США возобладать в войне за независимость, которая для Парижа была не больше, чем очередная схватка с Англией. В 1790 году, когда А. Гамильтоном была развита теория «просвещенного эгоизма», Т. Джефферсон разработал различные модели политики «баланса сил», вытекающие для США в связи с ожидавшейся тогда войной между Великобританией и Испанией за колонии последней — Луизиану и Флориду. Т. Джефферсон подчеркнул предпочтительность поддержки Испании Соединенными Штатами как стороны более слабой, но и указал на политические формы реализации «баланса сил», такие, как выжидание благоприятного момента, экономия сил, игра на противоречиях противников, выработка условий политической и экономической сделки и другие методы. «Мы должны рассматривать с чрезвычайным беспокойством, — заключал Т. Джефферсон, — любые попытки каждой из держав захватить владения другой на нашей границе, так как мы считаем, что интересы нашей собственной безопасности заключаются в соответствующем балансе между соседями».

«Сценарий» Джефферсона, написанный в 1790 году для несостоявшейся войны в канун XVIII века, во многом напоминает лавирование американской дипломатии в 1914—1918 годах при одном существенном (если не главном) различии: «отцы-основатели» США, формулируя государственные интересы американской буржуазии, исходили из факта относительной военной и экономической слабости своей страны. Программа «перестройки» мира, провозглашенная президентом В. Вильсоном, опиралась на мощь Соединенных Штатов в эпоху империализма.

В. И. Ленин характеризовал империализм как монополистический, загнивающий капитализм — канун пролетарской революции. Одной из ведущих закономерностей монополистического капитализма, выведенных В. И. Лениным на основе всестороннего анализа противоречий империализма, была неравномерность его развития, «ибо при капитализме *немыслимо* иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников дележа, силы об-

щезакономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо *равномерного* развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может»¹.

Неравномерность развития различных государств, по мнению буржуазных теоретиков, например Макиндера, раскрывала возможность максимального использования механизма «баланса сил». Небесполезным подспорьем для доктрины «баланса сил» являлись так называемые геополитические учения Макиндера, Мэхэна и Спайкмэна. Несмотря на различные задачи, стоявшие перед этими псевдоучеными, соответственно отражавшими империалистические интересы своих стран: Макиндер — Англии; Мэхэн и Спайкмэн — США, их объединяет общая методологическая платформа.

Метод геополитиков подхватили последователи политики «баланса сил» уже потому, что он ставит во главу угла разделение мира на произвольные пространства, которые якобы сами по себе таят закономерности господства или подчинения. Геополитика не ограничивается простым указанием сфер влияния тех или иных государств; в перспективе она нацеливает то или иное государство не менее чем на мировое господство.

Американские теоретики не скрывают, что опыт политики «баланса сил» унаследован ими от Великобритании, и в то же время они претендуют на место основателей школы «баланса сил». Одна из типично американских черт этой политики — ее всепоглощающий прагматизм. «Тот, кто ведет игру на «балансе сил», — Спайкмэн пишет, — не может иметь постоянных друзей. Он не отдает предпочтения какому-либо одному государству, но только исключительно достижению равновесия сил. Друг сегодня — враг завтра».

Спайкмэн делает вывод о том, что США в состоянии балансировать чуть ли не обоими полушариями земного шара. Однако само расположение США, по Спайкмэну, может быть стратегически весьма опасно для них самих, поэтому Вашингтону совсем не безразлична обстановка в Европе. Касаюсь доктрины Монро, он отмечает, что она, будучи «мерой нашей собственной силы», явля-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 417.

лась «выражением той позиции силы, к которой мы стремились... Должен был пройти почти век развития пароводства, прежде чем мы смогли понять защитную роль самого западного полушария». То, что европейские державы не могли создать опасности для США, «было обусловлено как их занятостью обеспечением баланса сил в Старом Свете, так и ростом нашей мощи».

Так исторически подкрепляется Спайкмэном необходимость для Соединенных Штатов не допускать в Европе единоличного господства одного государства. Роль супербалансира, которую примеряла на себя в различных исторических условиях американская дипломатия, не сводится лишь к контролю над действиями Великобритании по поддержанию европейского «баланса сил», как это было между двумя мировыми войнами, отнюдь: теоретические основы политики «баланса сил» США предусматривают известные меры в этом направлении собственными руками.

3

В целом западные авторы смотрят на то или иное политическое равновесие далеко не с одинаковых позиций, однако смысл различных точек зрения можно свести к такому положению: в мире существуют великие державы (Спайкмэн так и пишет, что вопрос о «балансе сил» — это вопрос политики великих держав), которые отстаивают свои интересы на международной арене при помощи инструмента силы. Происходит некое взаимодействие «сил» в мире, в результате чего появляется как бы равнодействующая всех их, которая и реализуется в существовании «баланса сил» во всем мире. Государства-де заинтересованы в сохранении этой системы и действуют согласно описанным нами схемам.

В. И. Ленин не отрицал возможность государств находиться в известном по отношению друг к другу равновесии. Но он никогда не придавал понятию равновесия самодовлеющего характера. Равновесие сил в межимпериалистических международных отношениях есть в конечном итоге не что иное, как временный синтез межимпериалистических противоречий, своего рода их «мгновенный отпечаток», но противоречия эти рано или поздно возьмут свое. Периоды таких «равновесий» быстротечны, поскольку существующие противоречия мож-

но лишь «отложить», «упрятать вглубь» при помощи политики поддержания «равновесия» путем определенных временных компромиссов между враждующими странами, то есть, как выражаются буржуазные политологи, путем проведения политики «баланса сил».

Империализм подорвал систему возможностей *капиталистического* «равновесия», сделал ее еще более шаткой. Еще более условными он сделал средства восстановления этой системы именно потому, что само «равновесие» базировалось на основе неразрешимых противоречий. Именно империализм в своем развитии создал условия, идущие вразрез с политикой «баланса сил» в любом ее понимании. В. И. Ленин еще до Великой Октябрьской социалистической революции отметил стремление к интернационализации капитала как тенденцию империализма. Именно этим объясняется тот факт, что при самой высокой степени государственного антагонизма между Германией и Францией германский концерн Стинеса не прекращал деловых отношений с промышленниками Франции. «В 1926 году было подписано первое соглашение между германской индустрией, производящей поташ, и соответствующей французской индустрией», — пишет Шелленберг. Речь шла о стратегическом сырье, но для германских и французских монополий это не имело никакого значения, поташ был выгодным товаром. Соглашение между фирмами было секретным.

Вопреки «изоляционизму» американские монополии после первой мировой войны помогали восстановлению Германии. Аналогичным образом действовали финансово-промышленные круги Лондона, которые явно опережали государственную политику восстановления германской военно-экономической мощи. Таких примеров в истории современного империализма можно отыскать много.

Интернационализация капитала шла не всегда одной дорогой с интересами государства, этот процесс иной раз развивался вопреки политике «баланса сил», проводимой буржуазными правительствами. Разумеется, интернациональные связи капиталов лишь сбивали направление политики, но коренным образом в период между двумя мировыми войнами его не меняли. Тем не менее это наслоение на политику «баланса сил» было весьма существенным, сильным ударом по доктрине «ба-

ланса сил» в целом. Межимпериалистические противоречия завершили этот удар по компасу империалистической политики.

Мощнейшим ударом по универсализму доктрины «баланса сил» явилась победа Великой Октябрьской социалистической революции. Появление на мировой арене Страны Советов опрокинуло ведущий принцип политики «баланса сил» — принцип абсолютного прагматизма «державы-балансира».

Разрыв между реальной жизнью и буржуазной наукой международных отношений, постулировавшей всеобщую применимость принципов «баланса сил», становился тем более, чем больше обострялись империалистические противоречия.

Английский исследователь Мартин Вайт пишет: «Историк скажет, что баланс существует, если ему кажется, что противостоящие группы равны в силе. Государственный деятель скажет, что баланс существует, когда он думает, что на его стороне большая сила, чем на другой. И еще он скажет, что его страна поддерживает баланс, когда она обладает свободой примкнуть к одной стороне или другой в зависимости от своих интересов». К этому суждению следует добавить, что «спор» между буржуазными политиками и историками о «балансе» значительно шире.

Буржуазные политики не останутся в долгу перед последующими поколениями буржуазных исследователей. Они без тени смущения пользуются термином «баланса сил» в случаях, когда речь идет о заключении агрессивных союзов, нарушениях суверенитета стран, политическом нажиме и шантаже, а также прямой агрессии и интервенции. Массовое использование термина «баланс сил» является как отражением общепризнанного, универсально-силового подхода к внешней политике со стороны буржуазных идеологов и политиков, так и косвенным указанием на тот факт, что проведение политики «баланса сил» никогда не воспроизводит на практике заданной модели, а реализует ее лишь с известной степенью приближения или даже приводит к результатам, прямо противоположным задуманным.

Вопреки утверждениям многих буржуазных авторов о том, что после мировой войны Лига Наций¹ заменила

¹ Лига Наций — международная организация, существовавшая в период между двумя мировыми войнами. Устав Лиги Наций

собой «силовую политику», а «баланс сил» заменила «превосходящая сила», ничего подобного в действительности произойти не могло в силу империалистических противоречий, пронизывающих всю Версальскую систему. Известный английский экономист и член английской делегации на Парижской мирной конференции Дж. Кейнс отмечал: «Было бы глупостью действительно верить, будто в мире, каков он есть, может быть место таким выдумкам, как Лига Наций, будто принцип самоопределения национальностей представляет что-либо иное, кроме ловкой формулы для перестройки баланса сил в собственных интересах». Один из авторов «Четырнадцати пунктов» В. Вильсона, У. Липпман, с глубоким пессимизмом отмечал, что развитие событий низвело абстрактно-прекрасные истины вниз по «иерархической лестнице от «прав человека» до *прав* Франции, Италии и Британии соответственно». И наконец, Спайк-мэн, анализируя Версальскую систему, замечает: «Лига изменила юридические обязанности государств, но, по существу, не изменила силовой организации международного сообщества».

Провал расчетов влиятельных американских кругов на то, чтобы, используя усиление США после первой мировой войны, единолично влиять на европейские дела (это выглядело бы как политика «доминирующего балансира»), усилил роль Англии как европейского ба-

---

был подписан на Парижской мирной конференции в 1919 году 44 государствами. Местом пребывания основных органов Лиги Наций была Женева.

Деятельность Лиги Наций в 1920—1933 годах носила враждебный по отношению к Советской стране характер. Лига Наций была орудием поддержания Версальской системы международных договоров, закрывших итоги первой мировой войны и имеющих четко выраженную антисоветскую направленность.

15 сентября 1934 года 30 государств, членов Лиги Наций, обратились к Советскому Союзу с предложением вступить в Лигу. Советское правительство решило принять предложение, рассчитывая на то, что в новых условиях, сложившихся после выхода из Лиги наиболее агрессивных государств, Лига Наций сможет хотя бы в некоторой степени помешать развязыванию новой мировой войны. СССР внес ряд предложений, направленных на укрепление коллективной безопасности и превращение Лиги Наций в действительное орудие мира. Однако Запад отклонил советские предложения, что обусловило бесславный конец Лиги Наций как инструмента международного сотрудничества.

лансира. Лондон, имея под рукой такого давнего силового статиста, как Франция, казалось, мог занять традиционную роль европейского балансира. Однако на сей раз дело обстояло несравненно сложнее. Франция приобрела господствующие позиции в капиталистической Европе.

Наиболее воинственные французские деятели, такие, как маршал Фош, недвусмысленно ставили вопрос о расчленении Германии. «И республика, если она будет основана на тех же принципах централизованной власти и милитаризма, — отмечалось в меморандуме Фоша, — объединит в одно целое Германию. Она будет представлять столь же серьезную угрозу европейскому миру...» Вывод Фоша сводился к тому, что единая Германия рано или поздно будет иметь возможность восстановить армию. Фош требовал отодвинуть границу Германии до Рейна.

«Баланс сил», который означал: Франции — Европа; Англии — господство на море и особые отношения с США, ослабление Германии до степени, предлагаемой французами, все менее устраивал Лондон. «Согласно этим толкованиям, — очень осторожно отмечал в своих мемуарах «Правда о мирных договорах» Ллойд Джордж, — успех устава Лиги Наций... следует искать не в восстановлении доброжелательных отношений между воевавшими народами, а в создании условий, которые установили бы бесспорное стратегическое превосходство победителей...» Здесь берет свое начало беспокойство английского руководства о «бесспорном стратегическом превосходстве» Франции.

4

Не останавливаясь подробно на исходе Парижской конференции 1919 года, подведшей черту под первой мировой войной, подчеркнем еще один немаловажный момент, который впоследствии сыграл важную роль в формировании внешнеполитической стратегии Англии между двумя мировыми войнами. «Величайшая опасность в данный момент заключается, по моему мнению, в том, — писал Ллойд Джордж 25 марта 1919 года, — что Германия может связать свою судьбу с большевиками и поставить все свои материальные и интеллектуальные ресурсы... на службу революционным фанатикам,

чьей мечтой является завоевание мира для большевизма силой оружия. Такая опасность не химера. Нынешнее германское правительство неустойчиво, неавторитетно, не имеет престижа; оно остается у власти только потому, что нет альтернативы...»

Вот исходная точка отсчета запланированного антисоветизма английского руководства, который в конечном итоге деформировал до неузнаваемости сам версальский порядок и дальнейшую английскую политику «баланса сил», направленную, как всегда, на создание удобного для английских дипломатических манипуляций «равновесия» держав на Европейском континенте. Антисоветизм во внешней политике и вызов господству Франции, заложенные в Версальской системе, самым причудливым и противоречивым образом переплетались во внешнеполитическом мышлении правящей элиты Англии.

В Лондоне знали, что требования, предъявленные Германии Францией, особенно в области репараций, приведут в недалеком будущем к конфликтам, которые так или иначе потребуют английского вмешательства. Как заметил Ллойд Джордж по поводу французской позиции в комиссии по репарациям, «выбор Пуанкаре в качестве первого председателя был роковым: не могло быть уже и речи о рассудительности и умеренности. Он считал своей обязанностью быть безжалостным... Он действовал как судебный пристав, у которого есть личные счета с должником и который думает не столько о взыскании долга, сколько об утолении своей злобы».

Частичная стабилизация капитализма в середине двадцатых годов вылилась в области международных отношений в крайне противоречивые формы и характеризовалась подчас прямо противоположными тенденциями во внешнеполитических кругах стран Версальской системы. Империалистическим кругам стран-победительниц удалось сговориться относительно курса по отношению к Германии, но осуществление его неизбежно наталкивалось на противоречия в лагере победителей. Вопрос репараций и вопрос предоставления Франции гарантий стали главными вопросами повестки дня. Тот факт, что в 1922—1924 годах английское правительство не склонно было безоговорочно поддерживать Францию ни по вопросу о репарациях, ни по вопросу о предостав-

лении гарантий, находит подтверждение в характеристике английской позиции У. Черчилля. «Великобритания не могла иметь перед собой иной задачи, как использование всего своего влияния и всех своих ресурсов в течение многих лет на то, чтобы тесно связать Францию с Германией в экономическом, социальном и моральном отношениях», — писал он.

Комплексный характер урегулирования проблемы репараций вылился в борьбу английской дипломатии за собственный вариант решения «вопроса о гарантиях». Лондон имел при этом всестороннюю поддержку США. Германская дипломатия использовалась таким образом, что сама идея английских гарантий Франции была направлена против французского влияния в Европе. Уже вмешательство Англии в рурский конфликт было, по мнению Даунинг-стрит, эффективным средством проведения политики «баланса сил». Англия домогалась роли арбитра.

Когда 11 января 1923 года Рур был оккупирован франко-бельгийскими войсками, Англия повела сложнейшую игру, опираясь на монополистические круги США. Английский посол в Берлине д'Аберон подчеркивал: «В послевоенном развитии Германии американское влияние было решающим — устраните действия, принятые по американскому совету... — и весь курс германской политики был бы совсем иным...»

На Лондонской конференции в августе 1924 года британская дипломатия даже не пыталась найти общее решение с дипломатией Парижа — это не входило в ее задачи. Но повысить роль своего политического влияния в Европе, встав решительным образом на сторону Германии, Лондон был готов любой ценой. Мощным средством нажима могло бы быть для Англии сближение с экономически могущественными Соединенными Штатами.

Как отмечают американские исследователи в известной книге «Соединенные Штаты и их место в международных делах» под редакцией А. Невинса и Дж. Хакера, «вне рамок Лиги Наций США стремились реализовать ряд других соглашений — те, которые имели отношение к межсоюзническим долгам. Однако весьма скоро выяснилось, что долги и репарации связаны единой цепью. И мы, таким образом, становились банкирами и маклерами одновременно, не имея при этом ника-

кой власти над поверженными врагами. Получалось следующее: чтобы собрать межсоюзные долги, мы должны были помочь Германии выплатить ее репарационные взносы... Как частные банкиры мы предоставляли кредиты Германии, которые выплачивались Англии, Франции, Бельгии и Италии, а те платили нам. Получив часть военных кредитов назад, мы кончили тем, что позволили Германии перевооружиться и превратиться снова в угрозу европейского мирного устройства. Такова была дорога экономической программы Гардинга — Гувера, по которой мы шли».

Результатами всего был «план Дауэса», который предусматривал применение различных средств финансового стимулирования германской экономики, предложив ей международный заем в сумме 800 миллионов золотых марок. Это была немалая победа английской дипломатии, отвергавшей французские методы «прямого действия», выразившиеся в оккупации Рура, но даже это меркло в сравнении с созданием в 1925 году «системы Локарно»¹. Воспользовавшись ею, Берлин выдвинул программу пересмотра практически всех положений Версальского договора, и если большинство из этих требований не были удовлетворены, то политическая дискуссия по ним проложила маршруты для последующих германских требований по трем основным группам вопросов: 1) территориальные, то есть те статьи Версальского договора, «целью которых была защита территориальной неприкосновенности и безопасности Франции и Бельгии»; 2) изменение оккупационного режима Саарской области и эвакуация Кельнской зоны, а также сужение и отмена оккупации Рейнской области; 3) заметное ослабление контроля над вооружением Германии. Кроме этих проблем, «климат Локарно» позволил германской дипломатии в двусторонних переговорах с Италией поставить вопрос об Австрии и начать интенсивные переговоры с Бельгией о возвращении Германии округов Эйпен и Мальмеди.

---

¹ Локарнские договоры о гарантии западных границ Германии и арбитраже. Парафированы 25 октября 1925 года в Локарно. Основной целью Локарнских договоров являлось стремление вовлечь Германию в антисоветский фронт, а также подготовка условий для новой антисоветской интервенции.

Политическое и военно-стратегическое усиление Германии после Локарно, а также реализация германской дипломатией «духа Локарно» предопределили в той же мере политическое и стратегическое ослабление Франции и, что не менее важно, обозначили прогрессирующий паралич политической активности Лиги Наций, ее неспособность предпринимать решительные действия против угрозы международному порядку и миру.

Перестройка версальской структуры, формально проходившая в рамках Лиги Наций, заметно уменьшила роль самой Лиги Наций, поскольку важнейший регион в Европе — границы на Рейне отныне охранялись Рейнским гарантийным пактом. Больше того, созданные в Восточной Европе различные закрытые группировки по типу Локарно стремились непременно ориентироваться в своем политическом развитии на Англию или Италию. Даже Малая Антанта — сугубо французской ориентации и та старалась учитывать веяния времени.

Английская политика гарантий в сочетании с умелым дозированием американских капиталов в Германию, регулируемых «планом Дауэса», означала падение роли Франции в европейской и мировой политике. Восточные границы Германии подлежали лишь арбитражу, иными словами, практически оставались открытыми. В то время даже трудно было себе представить, до какой степени это усилило позиции Германии, даже безоружной и несостоятельной экономически. Е. Вискерман, весьма щепетильная в своих исследованиях до вопросов чести Веймарской республики, отмечает с полной откровенностью: «Теперь немцы чувствовали себя свободными трудиться открыто над ревизией восточных границ».

Но дело здесь, в конце концов, не только в этом. Англия, проводя второй этап коррекции версальского равновесия в ущерб политическому влиянию Франции, в то же время делала акцент на антисоветский курс. Известный советский дипломат и ученый В. П. Потемкин отмечал: «Англии Германия была нужна как противовес гегемонии в Европе, как сила, которая может пригодиться для разгрома большевистской России».

Оценку роли Локарно в британской политической мысли с предельной ясностью определил один из авторов локарнской политики, О. Чемберлен: «...Германия

когда-нибудь снова станет сильной. Лишь немногие немцы серьезно надеются на то, что, вновь обретя силу, Германия направит ее против Британской империи... однако можно с уверенностью утверждать, что, как только Германия соберется с силами, в ней возникнет постоянное движение за исправление двух наиболее оскорбительных для всякого немца статей мирного договора, предусматривающих создание «польского коридора» и раздел Силезии».

5

Следующим этапом создания европейского «баланса сил» по английскому образцу и подобию были бесконечные переговоры о разоружении, в которых с вступлением в Лигу Наций принимала участие и Германия. Стратегическое положение Британских островов и обширные колонии возвели в закон формулу, по которой Англия в мирное время имела минимальную армию и соответственно большой морской флот. Внешняя политика Англии веками создавала острову завидное положение «изоляции», так же как и возможность не иметь постоянных союзов, но строго ориентироваться на поддержание европейского равновесия сил. Это равновесие зачастую было осуществимо, учитывая размеры военноморских сил страны, при минимальной сухопутной армии — то был закон законов английской внешней политики.

Это давало английским представителям в комитете по разоружению возможность демагогических выступлений в роли арбитра. «В области разоружения Великобритания решительным образом урезала до основания свои силы, не дожидаясь, пока это сделают другие, а другие делали как раз наоборот» — так комментирует этот вопрос Саймон, которому больше других пришлось заниматься разговорами о разоружении в Женеве. Это положение английской дипломатии на протяжении многих лет обсуждения вопроса о разоружении (1925—1932 гг.) на различных уровнях, от подготовительных комиссий до Международной конференции по разоружению, играло в различных условиях особую и выгодную для Германии роль.

Сущность позиции Великобритании на конференции по разоружению всесторонне освещена в советской исто-

рической науке. «С одной стороны, тяжелое финансовое положение делало для Англии желательным некоторое сокращение военных расходов; кроме того, она была заинтересована в сокращении сухопутных и воздушных сил некоторых континентальных держав, в особенности Франции, — отмечает советский историк профессор В. И. Попов. — С другой стороны, она не хотела идти на дальнейшее сокращение морских вооружений».

Английская дипломатия в целом держалась буквы версальских соглашений и говорила: Германия вооружаться не может, поскольку так гласит Версальский договор, но и Франция разоружаться не может, поскольку разоружение согласно тому же договору должно быть всеобщим. Казалось, позиция была тупиковая, ибо обе стороны формально были правы. Но тут нет-нет да и возникала мысль о том, что сама-то Великобритания давно уж разоружилась, имея под этим в виду разоружение сухопутных сил, о характере которых в английской стратегии мы уже говорили.

Характерен для позиции Даунинг-стрит проект англичан от сентября 1932 года. Проект, как и следует быть, сформулирован был по-английски непросто, но более вдумчивый анализ показывает, что Англия исподволь подготавливала германский отказ от дальнейших обсуждений вопроса о разоружении на данной основе. Как очень туманно изобразил дело Саймон, когда обмен нотами между германским и французским правительствами был в той стадии напряжения, что грозил провалу всей конференции, британское правительство вмешалось в сентябре 1932 года, огласив заявление, которое несколько охладило атмосферу и возродило надежды. Мы подчеркивали, что мы ни в коей мере не можем поддержать игнорирование Германией ее обязательств по договорам, даже в случае, если конвенция по разоружению не будет заключена, но мы истолковываем германские требования как призыв к такому устройству, которое базируется на факте, что ограничение германских вооружений, заключенное в договоре, было направлено и провозглашено стать предшественником всеобщего ограничения вооружений для других.

Великобритания, следовательно, поддерживала не давнюю союзницу Францию, а, наоборот, Германию. Это происходило на фоне реваншистского разгула в самой

Германии. Важным было то, что в тон официальной дипломатии начала прицельно выступать по вопросу равенства в вооружениях и германская пропаганда. Она могла затрагивать предметы, которые дипломатия Вильгельмштрассе должна была пока держать про запас. Гитлер в декабре 1931 года поносил коммунизм как «начало общей мировой катастрофы», пробивалась мысль и о том, что «Германия должна быть освобождена от версальских оков». В согласии с такими выступлениями прозвучало в рейхстаге выступление военного министра фон Шлейхера 26 июля 1932 года. Речь транслировалась по радио и была полна самых резких выпадов против Франции и, пожалуй, впервые содержала открытую угрозу пересмотра Версальского договора.

Вот на каком фоне в сентябре того же года британская дипломатия выступила со своим заявлением о том, что германское разоружение 14 лет назад было предложением для разоружения Франции, о которой Гитлер сказал: «Французский милитаризм вместе с русским большевизмом представляет в настоящее время одну из величайших опасностей для спокойного развития человечества».

В сентябре 1933 года гитлеровская Германия покинула Лигу Наций. Освобождение Германии от версальских ограничений имело, по понятным причинам, огромное значение для ее усиления и дальнейшего ослабления Франции, что соответствовало в целом интересам политики «баланса сил», не без искусства проводимой Великобританией в период борьбы Берлина за права на новые вооружения. Эта политика соответствовала антисоветскому курсу английской внешней политики, который не был чужд и правящим кругам Франции.

Начиная с Локарно маршруты антисоветизма в европейской международной жизни все более настойчиво пересекались с силовыми позициями Франции в Европе. С ростом германского милитаризма все более уязвимым становилось и стратегическое положение Франции в Европе.

Нельзя сказать, чтобы этого не понимали в Париже. Поэтому демонстративный отход Германии от предписаний Версаля вызвал озабоченность в первую очередь в Париже. Вероятность гитлеровского похода против СССР из Парижа смотрелась в несколько менее радужных тонах, поскольку западные границы Германии в до-

говорном отношении висели на тонком волоске — Лорно.

Однако постепенно «инерция падающего баланса» и ее отдельные последствия для Англии стали овладевать умами реалистически мыслящих английских политиков. «Страшная опасность нашей нынешней внешней политики состоит в том, — говорил 14 марта 1934 года У. Черчилль в английском парламенте, — что мы непрерывно понуждаем французов ослабить себя... Я не могу даже представить себе более опасной политики. Можно чем-то оправдать изоляционизм, можно чем-то оправдать союзы, но ничем нельзя оправдать ослабление державы на континенте, с которой вы находитесь в союзе...» То были редкие ростки политического реализма в правящей элите Великобритании.

Доминирующая тенденция во внешнеполитической теории и практике Лондона коренилась в планах столкновения Германии с «большевистской Россией», которые с приходом к власти германского нацизма, казалось, приобретали все более актуальный, «оперативный» характер. Наиболее красноречивым свидетельством такого положения вещей явился «Пакт четырех», подписанный в Риме 15 июля 1933 года. Несмотря на то, что известная степень остроты межимпериалистических противоречий препятствовала реализации единого антисоветского курса, прочерченного «Пактом четырех», сама идея такого объединения, будучи, по существу, далекой от реализма, оставила глубокий след в британской политической теории. Выступая в своем избирательном округе по вопросам вооружения Англии 20 ноября 1936 года, А. Иден говорил о возможности достижения «новой западноевропейской договоренности» и о том, что британское оружие в этом случае *«могло бы быть использовано для защиты Германии, в случае, если она окажется жертвой неспровоцированной агрессии»*. В своих мемуарах 1962 года А. Иден, с редкой откровенностью вскрывая преемственность идеи антисоветского объединения Западной Европы, отмечал, что «она находилась в согласии с национальным умонастроением того времени и, возможно, *актуальна поныне. НАТО и наши коллективные обязательства на Среднем Востоке и в Юго-Восточной Азии находятся в согласии с принципами, которые я изложил 25 лет назад*» (подч. мной. — И. А.).

На примере «Пакта четырех» история предоставила правящим кругам Англии и Франции редкую возможность заглянуть в недалекое будущее: любая реализация антисоветских планов с помощью Германии политически, экономически и даже стратегически неизбежно вела к нарушениям территориального статус-кво, затем к эскалации гитлеровских претензий, далее к нарушению европейского «равновесия» в пользу Германии. И наконец, к развязыванию фашистской Германией мировой войны с целью установления мирового господства. Тем не менее политика «умиротворения», стартовавшая в 1933—1934 годах, прошла все эти этапы за чрезвычайно короткий с исторической точки зрения срок — в шесть неполных лет.

6

Первой и сравнительно легкой политической победой Германии был Саарский плебисцит. Гитлер действовал верными методами: в Сааре и в самой Франции гитлеровская агентура развернула кампанию за присоединение области к Германии. Гитлер, по существу, имел полную уверенность в исходе предприятия. Лаваль, чтобы не портить картины своих политических «успехов» в отношениях с Италией, заявил о своей незаинтересованности в исходе плебисцита, что было, конечно, прямым ударом по его же соотечественникам в Сааре.

Саймон пишет, что его беспокоило вмешательство в саарские дела Германии или Франции, а потому следовало «вести международные войска в Саарскую область для сохранения порядка во время плебисцита.. Фон Хорьх (германский посол в Лондоне) сначала реагировал неблагоприятным образом, заявив, что: «Саар принадлежит Германии и иностранные войска в Сааре просто невымыслимы», но Гитлер, — без тени юмора пишет Саймон, — видел дальше и понимал, что наш план очень расположен для выполнения задачи бесшумной передачи Саара Германии». Плебисцит был внушительно выигран Германией 13 января 1935 года. Саймон был удовлетворен тем, что нашел в Гитлере «благоразумного партнера»; Лаваль был весьма доволен ходом дел с Германией и особенно с Италией; Лига Наций подтвердила факт: Гитлер мирно добился первой внушительной победы в политической области.

Далее на повестке дня стояли вопросы перевооружения Германии. 13 марта 1935 года Германия открыто заявила, что она считает себя свободной от обязательств, запрещающих ей создание военной авиации; 16 марта в Германии с большим пропагандистским шумом была введена всеобщая воинская повинность.

С точки зрения английского равновесия сил в Европе происходил сдвиг в пользу явного преобладания Германии над Францией, и с точки зрения всех факторов: политических, экономических и военных — Германия если пока и не становилась сильнее Франции, то запланированные в 1934—1935 годах мероприятия были направлены на резкий скачок Германии в области вооружений, то есть на достижение качественно нового этапа в области милитаризации.

В сложном комплексе проблем, из которых буржуазная политическая наука синтезирует понятие «баланса сил», превалируют военно-политические аспекты — обстоятельство, которое, на наш взгляд, предопределяет несостоятельность концепции в целом. Однако и в комплексе военно-политических проблем не существует устойчивых приоритетов, поскольку они в каждом данном случае определяются как стратегическими интересами правящего класса, так и конкретной внутривнутриполитической и внешнеполитической обстановкой, в которых осуществляются поставленные цели. В рассматриваемом нами случае формирования военно-политической стратегии Великобритании вопросы военно-стратегического порядка определялись политическими задачами английского империализма на международной арене. Следовательно, военно-стратегические установки лишь подтверждают в данном случае задачи, поставленные внешнеполитической стратегией Лондона.

Устойчивым принципом политической жизни Великобритании в межвоенный период было повторяемое на разные лады английскими политическими деятелями различных внешнеполитических ориентаций положение о том, что «нельзя от государств ожидать позиции, при которой они становятся объектами применения автоматических военных обязательств, кроме тех районов, где затрагиваются их жизненные интересы». Эта замысловатая формула означала лишь то, что английское руководство отказывалось конкретизировать какие-либо свои политические обязательства вообще и специфическую

английскую форму таких обязательств по отношению к отдельным странам на континенте, как предоставление гарантий. И дело здесь, конечно, не в том, что Англия не имела средств оказания конкретной военной помощи, а как раз в противоположном: английское правительство на всем протяжении межвоенных лет не имело таких средств именно потому, что, в сущности, не имело ясного намерения при каких-либо обстоятельствах воевать на континенте, а следовательно, и решительно порывать с традициями политики «баланса сил». Именно по этой же причине стремительное нарушение европейского баланса непосредственно коснулось английской политической жизни именно в сфере германского вооружения и лишь потом коснулось вопросов политического и военно-стратегического усиления Германии, то есть тех проблем, которые в первую очередь тревожили руководство в Париже.

Объективные противоречия между английским и французским империализмом при проведении «умиротворения» определили и специфику подходов этих стран в политике. Это проявилось в различных политических и военно-стратегических оценках усиления Германии: если в Париже обращали внимание на рост влияния Германии в странах Восточной Европы и на Балканах и введение всеобщей воинской повинности, что означало усиление сухопутных сил, то в Лондоне «масштаб» таких оценок был значительно меньше, и концентрировались они прежде всего на усилении германской военно-морской и военно-воздушной мощи.

Это привело в дальнейшем и к серьезным расхождениям во внешнеполитической деятельности английско-го и французского правительств.

В начале февраля 1935 года в Лондон прилетела французская правительственная делегация. После трех дней переговоров было издано коммюнике, которое, помимо всего прочего, показывало: наряду с традиционными формулами поддержания «баланса» на Европейском континенте английское правительство, как, впрочем, и французское, было заражено неистребимой бациллой все того же антисоветизма. Формальная поддержка англичанами французов равным счетом ничего не значила, поскольку опять же не было обнаружено никаких средств поддержать французскую сторону. «Ничто бы не послужило более восстановлению дове-

рия (1), — отмечалось в этом документе, — проектам мира между нациями, как их общая договоренность путем свободных переговоров между Германией и другими государствами. Такая общая договоренность могла бы создать положение для обеспечения безопасности в Европе, в особенности путем заключения пактов, достигнутых с помощью свободных переговоров между заинтересованными сторонами и обеспечивающими взаимопомощь в Восточной Европе и систему, которая предусмотрена в Римском договоре относительно стран Центральной Европы».

Схема была прямым противопоставлением известным советским предложениям и даже плану Восточного Локарно, а следовательно, была прямо направлена против СССР. В подтверждение последнего предположения следовал параграф, предлагающий создание специального воздушного пакта между странами, входящими в Локарно. Это обстоятельство не вызывало сомнений относительно антисоветского характера предприятия в целом. План с точки зрения его устремленности к границам СССР был превосходен, но гитлеровцы в это время не хотели никаких проектов, которые осуществлялись бы совместно.

В результате десять дней спустя немцы ответили в том смысле, что они хотели бы встретиться только с англичанами. В этой немудреной игре все было очевидно: Гитлер внимательно изучал английскую политику восстановления Европы на английский манер, видел он также, и на этот счет есть свидетельства в его высказываниях, как усиливаются трения между Англией и Францией. А что касается английского антисоветизма, то этому гитлеровцев не нужно было учить.

Весной 1935 года Саймон и Иден посетили Берлин. Саймон по прибытии в Лондон запомнил, что английские лидеры говорили французам о том, что в Берлине речь пойдет только об англо-французском коммюнике, и поэтому пишет по поводу «практических результатов поездки»: «Германия стремится к установлению хороших отношений с Англией, но она настроена решительно идти своим курсом в вопросе перевооружения; она выжидает время объединить в своих границах всех немцев, включая Австрию; она не боится изоляции и не намерена присоединяться к коллективной безопасно-

сти; она хочет получить свои колонии обратно перед возвращением в Лигу Наций...»

В заключение Саймон писал весьма любопытные вещи: «Все это довольно безнадежно, ибо, если Германия не объединится для утверждения солидарности в Европе, остальная Европа должна объединиться для сохранения солидарности, несмотря на Германию. Это не сможет предохранить от последнего взрыва, это только отдалит его». И далее, писал Саймон с безверием человека, на глазах которого рушатся «непоколебимые» идеалы, «мы можем полюбоваться любопытнейшим зрелищем, как британские тори объединяются с русскими коммунистами под аплодисменты Лиги Наций. Может быть, и нет другого пути, но спасет ли это мир? Я самым прискорбным образом сомневаюсь в этом».

Из этих пространных рассуждений нам ясно, что английское правительство получило весьма убедительные данные относительно мощи фашистской Германии и дальнейших перспектив ее милитаризации, но выводы, продиктованные хотя бы той же мыслью о нарушении равновесия в Европе, реализовывались правящими кругами Великобритании весьма медленно. Англо-германское морское соглашение, заключенное в том же году, свидетельствовало лишь о том, что инерция антисоветизма все основательней опрокидывала расчеты политики «баланса сил».

Согласно этому соглашению мощь военно-морского флота Германии должна была составлять 35 процентов «в отношении совокупной морской мощи Британской империи». Это составляло тоннаж 420,6 тысячи тонн. Кроме этого, Германия получала права строить подводные лодки в размере 45 процентов тоннажа подводного флота Великобритании. В случае если Германия захотела бы иметь больший подводный флот, она должна была предварительно информировать о своем решении Англию — тем самым подводный флот рейха практически ничем не ограничивался.

То был шаг, который никак не укладывался в рамки «уравнения Франции и Германии в вооружениях». Соглашение, конечно, вызвало бурю негодования в Париже, но англичане отговаривались лишь тем аргументом, что соглашение с Германией по поводу любых вооружений лучше, чем бесконтрольное вооружение Германии. Таков был общий ход рассуждений в Лондоне, но

в искренность его, право же, трудно было поверить, поскольку к этому моменту Германия уже сделала достаточно много, чтобы доказать, что и в дальнейшем в области вооружений она не согласится ни на чей контроль.

Политический опыт старого тори позволил У. Черчиллю определить контуры того замкнутого круга, в котором вращалась английская внешняя политика в эти критические годы. «Эквилибриум, которого мы сумели достичь по вопросам военно-морских вооружений, — отмечал он 11 июля 1935 года, — полностью подорван и сокрушен, — и вскоре мы станем свидетелями незамедлительного создания новых видов морских вооружений и увеличения общего тоннажа...»

7

1934—1936 годы были переломным периодом с точки зрения просчетов английской политики «баланса сил»: если усиление Германии, на протяжении многих лет исподволь подталкиваемое Лондоном, происходило двумя параллельными курсами — восстановления Германии до уровня великой державы, способной противостоять Франции, и создания в лице Германии ударного кулака против СССР, то теперь эти цели явно пересекались: антисоветский импульс во внешней политике Англии вопреки логике европейского «баланса сил», а значит, в конечном итоге и вопреки государственным интересам не только Франции, но и самой Англии толкал английское правительство на открытое поощрение германского милитаризма. Иного разумного обоснования политики «умиротворения» приблизительно с рубежей 1935—1936 годов нет и быть не может.

С точки зрения расчетов английских авторов политики «умиротворения» последняя являлась тщетной попыткой синтезировать в новых исторических условиях политику «баланса сил» и антисоветизма, то есть синтезировать «рациональные» и «иррациональные» (с точки зрения «классических» буржуазных постулатов силовой политики) начала в едином внешнеполитическом курсе. С другой стороны, несостоятельность и последующий крах политики «умиротворения» обозначил кризис «универсализма» самой концепции «баланса сил».

На исходе первой мировой войны Макиндер на осно-

вании весьма путаных геополитических рассуждений обосновывал вывод о значимости стран Восточной Европы для борьбы за мировую гегемонию. Ключ к достижению стратегического господства британского империализма, по его словам: «Кто правит Восточной Европой, тот правит «хартлендом» (то есть пространством, в общих чертах совпадающим с территорией России, а затем Советского Союза); кто правит «хартлендом», командует «Мировым островом» — правит Миром». Абстрагируясь от рецептов Макиндера, следует указать: это понимали в Лондоне и в Париже. Но самое пристальное внимание странам Восточной и Юго-Восточной Европы уделялось в Берлине.

Политическому проникновению в страны Восточной и Юго-Восточной Европы предшествовала германская экономическая активность в этих странах. Версальские соглашения оставили именно в этом районе нерешенный комплекс этнических проблем, что в полной мере использовалось как гитлеровской пропагандой, так и ее дипломатией и разведкой.

Вопрос Польши требует особого рассмотрения. Заклучив сразу после прихода гитлеровцев к власти договор о ненападении с Германией, Польша трактовала его значительно шире, и уже к визиту французского министра иностранных дел Барту в 1934 году польская внешнеполитическая ориентация была прочно связана с рейхом, о чем и поведал ему польский коллега Бек. «После 1936 года, — пишет западный историк Э. Вискерман, — Бек играл вопросом тешинского меньшинства в отношениях с Чехословакией с простой целью заработать дешевую популярность внутри страны и продемонстрировать свою солидарность с Гитлером против Бенеша». Естественно, Гитлер пользовался этим, а также антисоветизмом польских правящих кругов для эффективного влияния на политику Польши. Следовательно, Польша была, пожалуй, первой страной, которую Гитлер «отыграл» на свою сторону, причем не последняя роль в этом принадлежала Англии.

Бенеш в своих мемуарах припоминал, как в 1933 году он в Женеве договорился с польским министром иностранных дел Бекком о возможности соглашения между Малой Антантой и Польшей. Бек незамедлительно приехал в Прагу, и начались переговоры, но, как утверждает Бенеш, после обмена телеграммами с Варшавой

Бек получил из Варшавы решительное «нет» и ни с чем вернулся домой.

Памятуя о своем договоре с Германией, польские руководители официально сообщили Бенешу: «Польское правительство подчеркивает, что между Польшей и Чехословакией ровным счетом ничего не обсуждалось...» Такая реакция Польши чрезвычайно показательна как сама по себе, так и как симптом зависимости Польши от нацистского рейха уже в 1935 году. Фактический преемник Пилсудского маршал Рыдз-Смыглы в статье «Могла ли Польша избежать войны» писал: «Начиная с 1933 года Пилсудский прощупывает Европу в поиске новых союзников».

Ревизионистско-фашистская Венгрия для германской дипломатии не представляла проблемы. Территориальные амбиции тогдашнего Будапешта были велики, и никто, кроме близкой по духу реваншистской Германии, не мог помочь их осуществлению. Правда, в дальнейшем выяснилось, что ревизия границ с помощью фашистского рейха очень дорого обходилась как венгерской экономике, так, конечно, и политике. Но так или иначе Венгрия была ранним и прочным союзником нацистского рейха.

Положение Румынии было сложным, определялось как общим положением дел в Европе, так и положением в Малой Антанте или в Балканском пакте, вновь созданном французской дипломатией на старой и порядком расшатанной основе. Малая Антанта объективно была объединена общностью интересов сохранения версальских границ и антисоветской направленностью, и во имя этих целей она могла функционировать под эгидой любой сильной державы капиталистического мира. Балканский пакт 1934 года был подписан между Грецией, Румынией, Турцией и Югославией. Более того, новый блок, конечно, во всех отношениях отражал положение лидера, в данном случае Франции. Единство пакта, которое, надо сказать, было весьма сомнительным, полностью зависело от внешнеполитического положения Франции. Политика «умиротворения» не только не способствовала сплоченности Балканского пакта, но опять же, как и в Малой Антанте, вызвала разброд и неуверенность, что облегчило гитлеровской Германии усиление политического, экономического и идеологического влияния в этом регионе Европы.

Англо-французская дипломатия стремительно проигрывала свои позиции государствам, стремившимся к реваншу. Гитлеровская Германия разными путями и средствами подготовила важнейший плацдарм для развертывания военного наступления. Англия, ведомая антисоветизмом правящих кругов страны, не могла остановить дальнейшее усиление гитлеровской Германии. Доминирующее идеологическое влияние непримиримого антисоветизма на английскую внешнюю политику между двумя мировыми войнами сломало сначала ориентиры в английской политике «баланса сил», а затем и пагубнейшим образом опрокинуло само европейское равновесие, что сорвало организацию отпора агрессору.

Политика «баланса сил» вообще редко рекламируется, но в данном случае, когда дипломаты и государственные деятели умалчивают о политике «баланса сил», проводимой Англией в межвоенный период, мы имеем дело с более сложным явлением. Так, например, общепризнанный интеллект Даунинг-стрит Ванситарт отрицает само ее существование в то время. Он отвергает политику «баланса сил» в английской дипломатической практике вообще и делает это со всей неистовостью политика, который недоволен не самой политикой «баланса сил», а ее недостаточной эффективностью. Вот что он пишет: «Во-первых, политика «баланса сил» была абсолютно хороша и разумна для своего времени... Во-вторых, и, это будет сюрпризом для многих, мы в действительности никогда не придерживались этой политики. В конце XIX века мы были до такой степени германофилами, что наша дипломатия постоянно склонялась на сторону тройственного союза, хотя мы были вполне уверены в том, что он сильнее франко-русской комбинации...»

Субъективизм такого подхода вполне очевиден, как налицо и раздражение автора по поводу «неполной» отдачи политики «баланса сил». Но спектр политических средств воздействия на «равновесие» весьма многообразен с точки зрения того же буржуазного «классического» учения о «балансе сил». Джордж Каннинг, к примеру, еще в первой трети XIX века писал по поводу курса Лондона к странам континентальной Европы: «Наша действительная политика всегда заключалась в том, чтобы не осуществлять вмешательств, за исключением крайних случаев, но и тогда не в качестве решающей

силы». Конечно, и это предписание к политике «баланса сил» не может исчерпывать всех политических средств воздействия на «баланс».

Еще одно отрицание политики «баланса сил» мы находим в речи А. Идена 22 ноября 1935 года: «Система баланса сил имеет много врагов. Им мы можем ответить, что такая система поддерживала мир в течение весьма значительного периода. В конце концов она потерпела неудачу, которую и должна была потерпеть. Сохранение мира при помощи баланса сил требует постоянного и точного соответствия сил... Лига Наций позволила нам избежать просчетов политики «баланса сил»... Я хорошо понимаю постоянную и лютую враждебность изоляционистов по отношению к Лиге... Но те, кто видит опасность этой страны в изоляционизме, введены в заблуждение. Такая политика угрожала бы самой национальной безопасности, так как мы могли оказаться в политической изоляции, не будучи в географической изоляции». И здесь английский лидер спорит о методах проведения политики «баланса сил», но не по ее существу.

Если рассматривать политику Англии на протяжении всего межвоенного периода, становится видно, что участие Великобритании в политической системе послевоенной Европы всегда носило характер политической или военно-стратегической обособленности. Не менее важно и то, что политическая зависимость Англии от стран континента на фоне обостряющегося конфликта между Германией и ее возможными противниками отнюдь не возрастала. Модификация Версальской системы, которая происходила при непосредственной инициативе Лондона, имела своим следствием «размывание» обязательств Великобритании. «Политика гарантий» рейнской границы в 1925 году согласно Локарно при всей ее беспомощности имела большую эффективность перед лицом разоруженной Германии, чем, скажем, гарантии Польше в 1929 году, которые, по свидетельству самых больших авторитетов английской внешней политики, не имели никакого материального обеспечения.

Мы в нашем историческом экскурсе пока не рассматриваем политику «умиротворения» во всем ее историческом и социальном масштабе. Мы ставили себе более ограниченную задачу — вскрыв социальные корни «умиротворения» как единой империалистической стратегии,

указать на те особенности английской политики «умиротворения», которые определялись противоречиями между английским и французским империализмом, а также проследить, какое преломление нашли эти противоречия в политическом сознании правящей элиты Великобритании и какое влияние этот процесс оказал на изменения в ее традиционных внешнеполитических приоритетах. Только под этим углом зрения можно рассматривать политическую теорию и практику английского империализма между двумя мировыми войнами, и только под этим углом зрения можно определить место и роль теории «баланса сил» как отражение суммы межимпериалистических противоречий в классово ограниченном, социальном мышлении правящих кругов империалистических государств.

Дело не в эффективности теории «баланса сил» на том или ином этапе международных отношений, а в объективной невозможности для бузжуазного внешнеполитического мышления отойти от более чем субъективной оценки международной жизни, даже когда она влечет за собой такую «иррациональную» близорукую политику умиротворения.

Те, кто в Лондоне с поразительной самоуверенностью делал раскладки в плане «баланса сил» и надеялся извлечь из этого неслыханные выгоды для Англии, в азарте политического покера утрачивали чувство реального. Они совершенно упустили из виду, что правила этой игры не были тайной за семью печатями для других держав. В их столицах были такие же игроки, которые разыгрывали свои партии. Во всяком случае, в Берлине имели собственные виды на будущее. К этому мы и обратимся.

Военно-политическая стратегия национал-социалистов питалась из обширных резервуаров экспансионистских устремлений прусского милитаризма. От юнкерской Пруссии до Великой Германии и далее к мировому господству — такова стремительная эволюция разбойничьих планов германского крупного капитала. Успехи и поражения прусского милитаризма, а затем и германского империализма синтезировались в ряде военных и политических доктрин, в совокупности своей обобщавших обширный «опыт» в области внешнеполитической экспансии. Опыт этот наследовался каждым последующим поколением германских господствующих кругов, и носителем этой дурной наследственности непременно являлся германский генеральный штаб. В нем, как в гене, аккумулировались социальные заказы германского крупного капитала, и именно вокруг него сообразно изначально запрограммированной цели вновь создавался механизм германской военной машины.

Версальский договор лишь сбил ритм, но ни в малой степени не нарушил работу механизма наследственности, как это нередко пытаются доказать западные исследователи вопроса. Вердикт, ограничивающий германскую армию 100 тысячами солдат и офицеров, казалось, поставил крест на долгосрочной политике германской экспансии. Помимо всего прочего, сама цифра была исполнена для прусской военщины горькой символики: еще 130 лет назад армия Фридриха II насчитывала 200 тысяч и тем гарантировала величие Пруссии, суще-

ствовавшее, впрочем, главным образом в представлении Берлина. Но сама эта мысль была невыносима для прусского юнкера.

В довершение всего 160-я статья Версальского договора запрещала сохранение «большого генштаба», что с точки зрения идеологии пангерманизма являлось утратой не меньшей, чем роспуск восьмимиллионной кайзеровской армии. Сохранение генштаба во что бы то ни стало — такова была основная задача спланированного отступления германской военщины, последовавшего после Версаля. 7 июля 1919 года генерал Сект писал Гинденбургу, что, «если ему удастся сохранить генштаб, если не по форме, то по духу, тогда он сможет рассматривать свою деятельность как нечто большее, чем деятельность могильщика генерального штаба». С классовых позиций германского империализма Сект правильно понимал задачу сохранения генштаба как сохранение идейно-политической целостности векового института прусской военщины.

Политические идеалы ведущих германских генералов послевоенного периода не блистали разнообразием. «Нам нужно снова стать сильными, а как только мы вернем себе силу, — говорил Сект, — то мы, конечно, вернем себе все, что мы потеряли». Лозунг этот объединял многотысячную армию офицеров кайзеровской армии, вынужденных прятаться под различными вывесками спортивных, охотничьих и иных обществ по всей Германии.

Характерной особенностью германской военщины на протяжении многих десятилетий было то обстоятельство, что чем более громогласно германские военные стратеги декларировали свою аполитичность, тем сильнее на деле становилась зависимость политики от военно-стратегических доктрин германских генералов. Итогом такого развития стала единая военно-политическая стратегия фашизма, где внешнеполитические концепции служили для создания благоприятных условий осуществления агрессии. Это решающее положение национал-социалистской внешнеполитической теории и практики во многом заимствовано из германской (в основном, конечно, прусской) военной мысли конца XIX — начала XX века, обосновывающей кровавые устремления германского монополистического капитала.

Эту тенденцию представлял реакционер до мозга ко-

стей граф Альфред фон Вальдерзее, который настойчиво предлагал германскому императору начать превентивную войну либо против России, либо против Франции, то есть делал как раз то, чего старательно избегал его шеф Мольтке, а именно — самым прямым образом вмешивался в планирование внешней политики. Однако вмешательство профессионального военного в сферу «чистой» политики было в конечном счете отвергнуто. Его преемника на посту начальника генерального штаба фон Шлиффена принято считать «узким профессионалом», жившим в мире военных абстракций. Шлиффен, однако, не только разработал пресловутую стратегию войны на два фронта, но он, пожалуй, первый бросил в жертву решению военно-стратегической задачи такое внешнеполитическое условие, как традиционный нейтралитет Бельгии. И пятнадцать лет спустя, через год после смерти самого Шлиффена, в августе 1914 года, бельгийский нейтралитет был растоптан.

Однако особый интерес представляют военно-политические планы Ганса Секта, германского генерала, которому по праву принадлежит зловещая честь сохранения в рамках рейхсвера ядра германской военной мощи и развитие военно-политической стратегии германского милитаризма в тяжелейший для него послеверсальский период. Политические идеалы Секта не вызывали сомнений: военная диктатура фашистского образца должна была увенчать временное и вынужденное внутривнутриполитической обстановкой Германии буржуазно-демократическое развитие Веймарской республики. Ведущая роль Секта в военных кругах Веймарской республики была отнюдь не случайной: общественно-политические воззрения генерала отличались известной перспективой с точки зрения интересов германского капитала. Профессиональные интересы германской военщины не заслоняли для него политических задач, стоящих перед Веймарской республикой. Будучи ярким врагом коммунизма и Страны Советов, он тщательно всматривался в перспективы послеверсальского развития Германии, и незавидная роль пушечного мяса для версальских хозяев в их походе против Советской России ни в коей мере не могла его устроить. «Нельзя унижать себя до превращения в ландскнехтов западных демократий» — таков был лозунг Секта. Подобные тенденции были весьма распространены в рядах фанатичных кайзеровских генералов,

крепко помнивших не только Восточный, но и Западный фронт 1914—1918 годов.

Уже 11 ноября 1918 года, в день подписания перемирия в Компьенском лесу, когда в заштатном госпитале метался на больничной койке Адольф Шикль-грубер, в Германии были люди, которые на ощупь искали пути к новой политической концепции, концепции, которая обещала дать щедрые плоды в будущем, но в условиях навязанного Германии Западом мира не могла обещать ничего, кроме мелких уступок со стороны победителей. Все вращалось на оси «восточной» политики. «С весны 1918 года, — вспоминает генерал-майор Макс Гофман, участник и глава (на первой встрече) переговоров в Брест-Литовске, — я стал на ту точку зрения, что правильно было бы выяснить положение дел на Востоке, то есть отказаться от мира и пойти походом на Москву». А уже в 1922 году родился «план Гофмана», в котором говорилось, что «объединенные державы должны путем совместной военной интервенции свергнуть Советскую власть и экономически восстановить Россию в интересах английских, французских и немецких экономических сил». Это была уже вполне серьезная заявка на политическую теорию.

В плане, однако, не учитывалась реальная обстановка тех дней: Германия, раздираемая внутренними противоречиями и подавляемая экономическим бессилием, не могла пока быть серьезной ставкой в борьбе против Советской России в глазах империалистических кругов Англии, Франции и США. План не содержал и «серьезной» социально-политической концепции, согласно которой Германия могла бы стать постоянной цитаделью против проникновения «большевизма» в Западную Европу. Сходные с Гофманом тенденции прослеживались и в некоторых слоях германских промышленников. Рациональное зерно концепции Гофмана было взято Арнольдом Рехбергом. «Грядущая война закончится не компромиссным миром, а полным уничтожением большевизма и его помощников», — писал он начальнику политического отдела рейхсвера Шлейхеру.

Однако все эти построения носили характер временных, преходящих комбинаций, а идея легкого похода против большевизма таяла в сознании лидеров Антанты по мере того, как военные и политические успехи молодой Советской Республики все более доказывали

прочность Советской власти. Что касается участия в единой антисоветской интервенции германской армии, то минусы такого предприятия перевешивали его выгоды: социально-политическая обстановка в стране была ненадежной. И в переписке Рехберга с Гофманом в 1919 году можно уловить нотки пессимизма относительно намеченной сделки с Антантой. «Следя за ходом переговоров (в Версале. — И. А.), я боюсь, — писал генерал Рехбергу, — как бы Антанта, заполучив мой план, не стала бы его проводить в жизнь сама, без нас...»

Масштабно мыслил и генерал Сект. Считая, что великая борьба между державами Запада, начавшаяся в 1914 году, не может быть закончена в течение одной войны, он полагал, что она будет состоять из нескольких фаз. Истощение сил всех участников первой мировой войны — таков результат первой фазы. За ней должна последовать фаза экономической борьбы, которую увенчает окончательная и решающая война. Отсюда следовал ряд выводов, которыми руководствовались наиболее дальновидные деятели германского милитаризма в период между двумя мировыми войнами. Сект сделал попытку оценить европейскую ситуацию с точки зрения того же «баланса сил». Получалось, что для усиленного экономического и военного восстановления Германии необходима существенная коррекция тактики пангерманизма. Для обеспечения выгодных политических, экономических и военных исходных позиций для Германии необходимо создание системы союзов между побережьем Атлантики и Ближним Востоком, в которую под руководством Германии должны были войти Голландия, Бельгия, Швеция, Дания, Норвегия, Австро-Венгрия (до 1919 г.), Румыния, Болгария, Греция и Турция. Союз с Японией должен был стать основой германской дальневосточной политики.

Построения Секта весьма близко напоминали разработанные впоследствии геополитической школой Гаусгофера схемы обоснования разбойничьих актов фашистской агрессии. Сект во многом следовал путем традиционных империалистических альянсов и стремился к использованию противоречий между Версальской системой и Советской Россией. Он не в полной мере осознавал мощные классовые пружины, заложенные в политическом противостоянии двух систем. Этот коренной фактор послеверсальских международных отношений,

инстинктивно использованный в первые месяцы после Октябрьской революции другим крылом германской военщины, расчетливо и социально обоснованно с точки зрения финансового капитала Германии был использован лишь во внешнеполитическом механизме национал-социализма. Пока же Сект вполне доверял проведение внешней политики гражданскому правительству Веймарской республики, тем более что оно создавало благоприятные возможности для восстановления германской военной машины. Эти два противоположных на первый взгляд подхода и легли в основу внешнеполитических поисков лидеров Веймарской республики. Их практическая реализация в сфере внешней политики зависела прежде всего от объективных противоречий в мире и в Версальской системе, определявших преобладание одного или другого подхода. Не в последнюю очередь формирование внешней политики Веймарской Германии зависело и от оценки германским руководством внешнеполитических установок Лондона и Парижа. Сект впервые после поражения Германии в первой мировой войне предпринял попытку оценить европейскую ситуацию с точки зрения германской, или, точнее говоря, пангерманской, схемы «баланса сил».

2

Внешняя политика Веймарской Германии вынуждена была совершать сложнейшие маневры в запутанном лабиринте Версальской системы. Возможности такого маневрирования обеспечивались противоречиями двойного характера, которыми была опутана Версальская система. Антисоветская направленность версальской машины дополнялась все усложнявшимися противоречиями в самом лагере победителей, и эти два фактора определяли активность германской дипломатии. Политические и экономические решения версальских соглашений поставили Германию в исключительно трудное положение. В этих условиях антисоветские тенденции Берлина пришли в жестокое противоречие с реальностью, которая вопреки оголтелому антикоммунизму германской буржуазии и милитаристских кругов диктовала единственно возможную альтернативу — политическое и экономическое соглашение с Советской Россией.

Реакционный немецкий публицист Родерих фон Ун-

герн-Штернберг в наиболее концентрированном виде сформулировал дилемму, стоявшую перед германским руководством. «Соглашение с русскими, все равно какую политическую организацию они имеют или будут иметь, — писал он, — ...может вывести нас из политической безнадежности, в которой мы сейчас прозябаем». Насущные интересы германских деловых кругов привели к реализации тенденции к экономическому сотрудничеству с Советской Россией. Однако в 1921 году аналогичные тенденции обнаружались не только в Германии, но и в других капиталистических странах Европы, что вызвало беспокойство в среде германских промышленников. В январе 1921 года министр иностранных дел Симонс уже вынужден был успокаивать германских промышленников: ни Англии, ни какой иной стране, по его мнению, не удастся вытеснить германскую промышленность с русского рынка, ибо без того «знания России», которым обладают только немцы, успешные экономические контакты с ней невозможны.

Тут грянул экономический кризис 1920—1921 годов, обостривший все межимпериалистические противоречия, который с неслыханной силой ударил по Германии. Стремление развязать межимпериалистические узлы за счет Советской России возродилось в господствующих кругах Англии, Франции и США, где заговорили о необходимости усиления блокады Советской России. Все это создало объективную возможность для заключения политического и экономического соглашения между Советской Россией и Веймарской Германией.

Соглашение 6 мая 1921 года, означавшее фактическое признание Германией Советской России, было производным от сложной политической и экономической конъюнктуры в Европе. Необходимость смены тактики привела к падению правительства одной группировки германских монополистов и к приходу правительства Вирта — Ратенау. Оно, пытаясь использовать всевозрастающие противоречия в лагере победителей, хотело опереться на Англию в борьбе против экспансионистской политики Франции. Сама логика развития международных отношений внутри Версальской системы вела к тому, что любая попытка соглашений между Германией, с одной стороны, и Англией, Францией и США — с другой, могла быть предпринята исключительно на антисоветской основе. Так случилось и на этот раз. Политика

Ратенау, направленная на изменение репарационной политики и на сотрудничество с Англией, привела к идее международного консорциума по эксплуатации естественных ресурсов Советской России.

В начале января 1922 года на заседании верховного совета союзников в Каннах один из ведущих авторов проекта, Ратенау, потребовал согласия держав-победительниц на предоставление Германии особых привилегий в эксплуатации русских богатств. Репарации Франции и Англии должны были поступать за счет германских прибылей, выкачанных из России. Двадцатилетняя история международных отношений между двумя мировыми войнами стала впоследствии свидетелем многих военных политических и экономических соглашений, направленных против СССР, однако первое из них — по сути дела, попытка превращения социалистического государства в сырьевой придаток Запада — было разработано финансовыми кругами Германии.

3

Именно в это время германская буржуазия выбросила козырь «большевистской угрозы», который уже в это время становился неотъемлемой частью социальной демагогии крепнущего национал-социалистского движения. Широко толкуя термин «большевистской угрозы», германская пропаганда имела в виду не только влияние Октябрьской революции, но и социально-политические процессы в собственной стране, которые грозили революционным взрывом. Инфляция, открывшая перед германскими монополистами новые, невиданные ранее возможности ограбления трудящихся, позволяла им продавать товары за границей ниже мировых цен. Такова была цена германской «конкурентоспособности». Германский рабочий класс проявил революционную сознательность и боеспособность при подавлении реакционного мятежа Канна и Лютваца. За короткий срок была создана 100-тысячная красная армия Рура.

Это уже были факты, которые внушали серьезное беспокойство правящим кругам Антанты. Германия в годы мирового кризиса 1919—1923 годов стала слабым звеном мировой империалистической системы. Германский монополистический капитал не преуспел как во внешней политике — экономическая экспансия против

СССР провалилась, — так и внутри страны, встретив отпор трудящихся. В этих условиях тенденция к сотрудничеству с Советской Россией была в определенной степени классовым отступлением германской буржуазии в области внешней политики. Как заметила к концу 1921 года даже буржуазная газета «Фоссише цайтунг», германская политика игры на противоречиях и запугивании призраком революции не принесла лавров германской дипломатии. Однако вскоре наметился новый поворот к германо-советскому сотрудничеству.

6 января 1922 года Каннская конференция была вынуждена вынести решение о созыве международной экономической конференции в Генуе, на которую приглашалось и Советское правительство.

Капиталистический мир деятельно готовился к решающей битве, которая должна была состояться в древнем итальянском городе. В те весенние дни 1922 года правящие круги западных стран напряженно вглядывались в необъятные просторы Советской России, которые, как им казалось, таили в себе все необходимое для излечения больной экономики капитализма, а это с их точки зрения, как выяснилось, означало уплату Советской Россией царских и военных долгов, компенсацию за «ущерб», причиненный революцией, плюс право на русский рынок и русские природные богатства.

1 апреля советская делегация, следовавшая в Геную, проездом остановилась в Берлине. Правительство Вирта — Ратенау буквально по часам рассчитывало «шаги» маневров между возможной договоренностью с РСФСР и последними надеждами уладить конфликт с версальскими хозяевами путем получения займа. Главным вопросом бесед в Берлине был вопрос о взаимном отказе от претензий. 3 апреля Ратенау согласился на отказ от претензий к Советской России. Однако уже 4 апреля вопрос был вновь поставлен германской дипломатией. Канцлер Вирт впоследствии признал, что «незадолго до Генуи Германия хотела избежать каких-то сепаратных действий». Однако 13 апреля стало ясно, что рассчитывать на займы от капиталистических стран Запада Германии не приходится.

Советская дипломатия тем временем была весьма активна. После англо-советских консультаций на вилле Альбертис об условии урегулирования долгов и других претензий беспокойство германских представителей воз-

росло до предела. И 16 апреля 1922 года на основе взаимного отказа от претензий и последовательного проведения принципа равенства в Рапалло было подписано советско-германское соглашение. Оно нанесло ощутимый удар политической и экономической стороне Версальской системы, подорвало изоляцию Советской России. Рапалльский договор определил в известной степени внешнеполитические линии Веймарской республики на ряд последующих лет.

Все это не ускользнуло от пристального внимания наиболее дальновидных политиков Запада. «Как и вас, меня глубоко тревожит гегуэзский инцидент, — писал 26 апреля 1922 года Черчилль лорду Керзону, — я уже давно предвидел, что Германия и Россия могут пойти вместе, и часто говорил об этом в своих публичных речах. Политика, которую я считал наилучшей для того, чтобы предотвратить или хотя бы оттянуть такую дурную комбинацию, заключалась в том, чтобы укрепить доверие Франции и заключить тройственное соглашение между Англией, Францией и Германией в целях взаимной помощи и поддержания всеобщей безопасности».

Гегуэзская конференция еще туже затянула узлы империалистических противоречий, которые прозорливо отметил мрачный пророк послеверсальской Европы Кейнс. Франция неукоснительно требовала от Германии выплаты репараций. Репарационный план на 1922 год предусматривал выплату Германией 720 миллионов марок в валюте и 1 миллиард 450 миллионов золотых марок в товарных поставках. Петля репараций затягивалась все туже. Поиски внешнеполитических решений выхода из создавшегося положения не привели к осязаемым результатам. Тогда пошли по линии международных связей монополий. Именно поэтому 22 июня 1922 года германским канцлером стал Вильгельм Куно, ориентировавшийся на сотрудничество с американским финансовым капиталом. В основу внешнеполитической линии нового правительства легла стратегия Стиннеса, направленная на союз с монополистическим капиталом США и на использование англо-французских противоречий. Был выработан известный «план Дауэса».

А тем временем Франция попыталась «разрешить» проблему репараций, введя войска в Рур. Это привело к серьезным внутривнутриполитическим осложнениям в Гер-

мании. На ноги поднялись и национал-социалисты, но характерно, что в период рурского кризиса реваншистские лозунги национал-социализма уступили место антикоммунистическим выступлениям. Они страшились революционной энергии масс. Гитлер и Розенберг, рискуя войти в противоречие с собственной антиверсальской программой, недвусмысленно указали в сторону «общего врага» — большевизма. Как справедливо отмечает в своем труде «История германского фашизма» Конрад Гейден, политика, принятая национал-социалистической партией во время рурской войны, стала в дальнейшем одним из устоев будущей внешней политики национал-социалистов. План единого антибольшевистского блока, «поскольку этот план мобилизует весь мир на крестовый поход против России, логически должен вести к соглашению с Францией». В этих выступлениях фашистских лидеров было заложено зерно будущей внешнеполитической стратегии «третьего рейха», развитое в дальнейшем на сотнях страниц «Майн кампф». Баварский путч в ноябре 1923 года означал «громадный прогресс» на пути слияния национал-социализма с германской военщиной. Дело оставалось за главой рейхсвера Сектом. «Пивной путч» Гитлера — Людендорфа был очень близок политическому идеалу Секта — фашистской диктатуре, опиравшейся на массовое движение, к тому же 9 ноября 1923 года президент Эберт передал всю исполнительную власть в руки Секта.

Империалистические державы находились в состоянии вооруженного мира, который был метко охарактеризован французским журналистом Пертинаксом, заявившим, что «никогда еще так жестоко не царило в Европе правило: каждый для себя, и никто за всех». Французская оккупация Рура была неадекватно воспринята английскими правящими кругами; по их мнению, это было свидетельством недопустимого усиления Франции. В английском парламенте поспешно подсчитывалось соотношение английского и французского военных потенциалов. На заседании 11 марта 1925 года отмечалось, что при наличии у Англии 216 самолетов против 900 французских самолетов на континенте «Ла-Манш с точки зрения противовоздушной обороны более не существует, и мы превратились в континентальную нацию...».

Все это резко ускорило продвижение «плана Дауэ-

са». Его социальные и политические посылки можно понять, лишь сделав экскурс в историю внешней политики США времен президента Вильсона. Программа президента предусматривала закрепление экономического господства Сосдиненных Штатов политическими средствами, такими, например, как роль лидера в Лиге Наций. Однако Октябрьская революция во многих аспектах затруднила достижение экспансионистских целей США. Президент понимал, что роль мирового лидера в послевоенном мире потребует от США занять место ведущей державы в борьбе с влиянием примера Страны Советов; он стремился дать бой коммунизму «на дальних подступах». Такой взгляд на вещи тогда не был доступен представителям американского делового мира. Эйфория финансового могущества создавала иллюзию полной безопасности для американского капитала. Нужны были тревожные толчки мирового кризиса, чтобы напомнить американским монополистам простую истину о единстве мирового капиталистического хозяйства.

Усиление международных позиций СССР, выступление германского пролетариата ставили на повестку дня вопрос об укреплении внутренних и международных позиций германского монополистического капитала. Неприимимые противоречия между победителями и побежденными неуклонно ослабляли классовые позиции германской буржуазии, что не импонировало господствующим кругам Англии и США. Во исполнение этой программы задачей № 1 было восстановление дезорганизованной германской экономики. Этой цели и служил «план Дауэса», вступивший в силу 30 апреля 1924 года. Золотой ливень американских займов хлынул в Германию. За шесть лет, с 1924 по 1929 год, прилив иностранных капиталов в Германию составил сумму более чем 21 миллиард марок. Около 15 миллиардов из них составляли американские займы.

Далее, по замыслу англо-американских финансовых стратегов, должен был сыграть известную роль политический климат Рапалло: германские товары должны были хлынуть на советский рынок, что обеспечило бы приток необходимых Германии средств и тормозило бы индустриализацию Советской России. Европа должна была платить США за счет средств, поступающих из Германии в счет репараций. А Германия должна была естественно «черпать новые силы, новую кровь» главным

образом за счет российских рынков — таков был замысел единого фронта мировых монополий. Все это ставило новые и сложные проблемы перед дипломатией того, кто наложил отпечаток на германскую политику двадцатых годов, — Густава Штреземана.

Личности Густава Штреземана на Западе посвящено бесчисленное множество исследований, в основном освещающих так называемую «метаморфозу Штреземана», его послевоенные (после 1918 года) превращения из пангерманиста и сторонника крупных аннексий чуть ли не в «пацифистски» настроенного деятеля. В самой постановке вопроса коренится и решение проблемы. Судьба пангерманизма в известной степени персонифицировалась фигурой Густава Штреземана. «Планом Дауэса» началась метаморфоза самого пангерманизма, получившего в глазах американских кредиторов известные социальные обоснования в противостоянии «неотвратимой коммунистической угрозе» и материальную основу в виде кредитов США.

«Планом Дауэса» были созданы известные экономические предпосылки для канализации германской агрессии в восточном направлении. Штреземан так же, как и Сект среди военных, отчетливо видел далекие стратегические рубежи германского империализма. В отличие от других представителей германского капитала Штреземан понимал, что к намеченным рубежам — пересмотру версальских ограничений и в конце концов насильственному переделу мира — следует двигаться поэтапно. Каждый из этапов должен иметь свою внешнеполитическую тактику. Штреземан отдавал себе отчет в том, что «зима тревоги» германского империализма в известной степени осталась в прошлом, даусизация Германии открывала широкие перспективы для ее экономического возрождения. В письме к принцу Фридриху Вильгельму, сыну Вильгельма II, Штреземан предельно ясно очертил проблемы, стоящие перед внешней политикой Веймарской республики. Вот они: 1) разрешение репарационного вопроса в приемлемом для Германии смысле; 2) защита немцев за границей; 3) исправление восточной границы Германии: присоединение к ней Данцига, «польского коридора» и Силезии. В дальнейшем аншлюс Австрии.

Эти требования непосредственно смыкались с будущей внешнеполитической программой национал-со-

циалистов. Однако реальный их смысл отнюдь не был идентичным. Если Штреземан добивался поэтапной отмены версальских повинностей, то Гитлер, как мы увидим позднее, использовал эти же требования для осуществления первой стадии агрессии в Европе.

Германские политики школы Штреземана пытались доказать английскому послу в Берлине д'Абернону две основные мысли: 1) Германия нужна Англии для борьбы с Францией; 2) сильная Германия будет плацдармом против большевизма. Эти увещевания достигли своей цели: английский посол был вполне уверен и соответственно убеждал Лондон как в классовых, а стало быть, в антисоветских позициях, так и в антифранцузских настроениях руководителей Веймарской республики. Он записывает в дневнике 25 декабря 1923 года: «Что касается надежности, то для доказательства ее наличия я могу назвать Штреземана, д-ра Сименса, Вирта, Ратенау, Куно, Розенберга, Мальцена и Шуберта — все они люди слова... Этот вопрос очень важен для определения будущих отношений между Англией и Россией. Если Англия может положиться на честность Германии на Востоке... то ее сотрудничество может оказать значительную помощь».

Штреземан был автором афоризма, который со временем стал достоянием «золотого фонда» нацистской внешней политики. «В конечном счете, — говорил он перед выборами в рейхстаг 29 декабря 1924 года, — всегда будет решать политика силы. Но если нет силы, то надо бороться с помощью идей». Такой генеральной идеей, умело интерпретированной Штреземаном, была идея большевистской «опасности». Жонглирование ею, как и использование противоречий между Англией и Францией, привело к заключению локарнских соглашений, политически оформивших в середине двадцатых годов германскую экспансию на Восток.

Какие же коррективы внесла система договоров в Локарно в Версальскую систему? Германия, вступив в Лигу Наций, становилась политически полноправным членом европейского союза государств, что было в равной степени как победой германской дипломатии, так и дипломатии Англии. Главное заключалось в том, что стратегические позиции Франции в Центральной Европе были ослаблены отсутствием в локарнских соглашениях гарантий границ Польши и Чехословакии, государств,

связанных с Францией союзными обязательствами. Общий абрис локарнских соглашений свидетельствовал о том, что основные коммуникационные линии зловещей политики умиротворения были заложены. Восточные границы Германии были открыты для будущей ревизии, а оставление СССР вне рамок Локарно было убедительным тому свидетельством.

Германская дипломатия до отказа использовала возможности локарнского курса. Штреземан не хотел связывать себя действиями, вытекающими из статьи о санкциях Устава Лиги Наций, направленной, по существу, против СССР. На то были веские причины. Германия, аргументировал Штреземан, осталась бы де безоружной перед лицом Советского Союза как в экономическом, так и в военном отношении. Следовательно, Германии нужно увеличить свою вооруженную мощь. Однако на это пока Лондон и Париж пойти не могли. Истинный смысл лавирования германского правительства заключался в том, что Германия хотела сохранить «русскую карту» в дальнейшей игре против Англии и Франции. Автоматическое подчинение статье 16 Устава Лиги Наций лишало в дальнейшем Германию инициативы в использовании жупела коммунистической угрозы. Этот ход германской дипломатии был продиктован заботой о дальнейшей милитаризации Германии и с внешнеполитической точки зрения подготавливал ее новый этап и тем самым оказывал огромную услугу будущей фашистской стратегии.

Система локарнских соглашений недвусмысленно указывала Германии, чем именно компенсировать претензии к Версальской системе. В отличие от западных границ Германии, зацементированных рейнским гарантийным пактом, германские восточные границы оставались открытыми и подлежали лишь третейскому разбирательству.

Среди исследователей этого периода истории на Западе существует тенденция представлять локарнские соглашения чуть ли не как первый шаг на пути к коллективной безопасности в Европе. Так, английский историк А. Тэйлор в своей книге «Происхождение второй мировой войны» замечает, что «если целью международного соглашения является удовлетворение всех сторон, то Локарно был действительно очень хорошим договором». Трудно представить себе суждение, более далекое

от истины. Локарнские соглашения не обеспечивали безопасности даже всех участников Версальской системы (Польши и Чехословакии). Любые разговоры о коллективной безопасности не имели равным счетом никакой цены без участия в них Советского Союза. И, наконец, локарнские соглашения только загнали вглубь коренные противоречия Версаля и тем самым катализировали их обострение. Неизбежность нарушения Германией локарнских предписаний коренилась в самой системе Локарно, дополняющей политически экономическое усиление Германии согласно «плану Дауэса». Восточное направление экспансии вполне совпадало с начальным этапом доктрины пангерманизма. Но это неизбежно приводило к столкновению западных стран, и прежде всего Франции с Германией на центральноевропейском плацдарме.

4

«Для того чтобы понять корни внешней политики Густава Штреземана, министра иностранных дел, нужно обратить внимание на его связи с американским капиталом и вместе с тем на его позиции в вопросе о Советском Союзе и германо-советских отношениях», — с полным основанием отмечает польский исследователь Януш Поевски. Действительно, германская дипломатия того периода рассматривала сколько-нибудь перспективный курс в возможности лавирования лишь при условии постоянного притока американских капиталов. 24 апреля 1926 года Германия заключила с Советским Союзом договор о дружбе и нейтралитете. Эти шаги дипломатии Штреземана, как и дискуссии о применении статьи 16 Лиги Наций, должны были возыметь на Англию и Францию гипнотический эффект сближения с СССР, целью которого должна была стать дальнейшая внешнеполитическая стабилизация Германии при неизменном укреплении ее экономики с помощью США и Англии.

С другой стороны, германская внешняя политика в эти годы создавала все условия для бесперебойного действия механизма «плана Дауэса», который сыграл значительную роль в развертывании военно-экономического потенциала Германии. Связи крупнейших германских монополий, таких, как «Стальной трест» и «И. Г. Фарбениндустри», с монополиями США, щедрые субсидии

коалиционного правительства Мюллера привели к быстрой модернизации и реконструкции предприятий германской промышленности. Объем, направления и темпы роста германского промышленного потенциала контролировались непосредственно руководителями рейхсвера и лично Сектом. Ему принадлежит хитроумный план, нацеленный на вооружение будущей германской армии образцами новейшего оружия. С этой целью усилия промышленности сводились не к массовому производству оружия, а к непрерывному совершенствованию всех видов оружия по единому плану и единым стандартам в экспериментальных мастерских при крупнейших предприятиях. Все мероприятия вкупе не замедлили дать эффект. В 1929 году тринадцать стран мира, в том числе Франция, Китай, Испания, Бельгия, сообщили Лиге Наций, что Германия является для них главным поставщиком оружия и боеприпасов.

5

Все это шло рука об руку с подъемом реваншистских и экспансионистских сил в Германии. Возрождение идеологии мирового господства обгоняло экономическое возрождение и восстановление военно-промышленного потенциала страны. Стремительно шло организационное и идейное слияние милитаризма и национал-социализма.

Первая встреча генерала Секта с Гитлером произошла еще 11 марта 1923 года, нацистский фюрер произвел на главу рейхсвера «чрезвычайно... сильное впечатление». Похоже, генерал был близок к тому, чтобы указать на человека, который мог бы должным образом использовать диктаторскую власть в поддержку рейхсвера. Выработан был план государственного переворота — похода из Баварии на Берлин. Однако тактические разногласия выявились как раз в области внешней политики — по вопросу о пассивном сопротивлении французской оккупации Рура.

Фашистский фюрер лучше видел, где в то время проходила линия фронта — на гребне классово-поляризации внутри самой Германии. После кратковременных распрей между рейхсвером и национал-социалистами в середине 20-х годов наступил период, который с точки зрения развития идеологии фашизма в Германии можно

считать периодом взаимного проникновения идей милитаризма и нацизма. Непосредственным результатом этого явился выход в свет гитлеровской «Майн кампф».

Идеология германского фашизма взяла на вооружение и развила, с одной стороны, теоретические постулаты германских милитаристов, а с другой — внешнеполитическую практику дипломатии Веймарской республики, разработанную Ратенау и Штреземаном. Внешнеполитические лозунги национал-социализма сыграли далеко не последнюю роль в приходе к власти Гитлера и его партии. Национал-социалистская мысль ни в теории, ни на практике не отводила внешней политике самостоятельной роли, а рассматривала ее лишь как производное от военных планов германского милитаризма, что привело впоследствии к образованию единой военно-политической стратегии германского империализма. И еще. Именно германский фашизм с помощью сложного механизма социальной демагогии, шантажа и насилия свел внешнюю и внутреннюю политику Германии к единому знаменателю — антикоммунизму.

В годы «холодной войны» У. Черчилль, работая над обширным трудом о второй мировой войне, с отвращением окинув взглядом кровавые злодеяния фашизма, изрек: «Фашизм был тенью или уродливым детищем коммунизма». Мы приводим здесь совершенно безнравственное даже с точки зрения буржуазной морали «суждение», чтобы проиллюстрировать, как много лет спустя неистово и абсолютно алогично пытались откреститься от собственного детища лидеры буржуазного мира. У. Черчилль просто-напросто нарушает связь между собственными исследованиями, которые косвенным образом могут быть полезными при определении исторических корней фашизма в Германии, ибо в мемуарах о первой мировой войне именно он писал о планах, «которыми так много бредили наяву в момент перемирия» архитекторы Версальской системы, будучи уверенными в том, что «подчинить своей власти бывшую русскую империю... — это вопрос мировой политики (подчеркнуто мною. — И. А.)». Покорить Россию мы могли лишь с помощью Германии. Германию нужно пригласить помочь нам в освобождении России». Исторические корни фашизма нужно искать в общем русле антикоммунистической, антисоветской направленности глобальной политики империализма.

Версальская система, Локарно и экономическое восстановление Германии при помощи планов Дауэса и Юнга, переход к политике умиротворения и, конечно, сама политика умиротворения — таковы последовательные этапы, обеспечившие извне рост германского фашизма.

Первые шаги национал-социализма в области внешней политики по рисунку были очень похожи на замыслы Гофмана — Рехберга. Уже в начале двадцатых годов «Фолькишер беобахтер» провозглашала: «Когда гроза соберется над немецкими землями на востоке, необходимо будет отправить туда сто тысяч самоотверженных людей... Польша походит на утопающую истеричку, которой надо дать удар по голове для того, чтобы она очнулась и позволила вытащить себя из воды. Главное — это нанести русской армии второе поражение под Танненбергом и погнать ее обратно в Россию. Это исключительно дело немцев, и это будет началом нашего возрождения...» и т. д. и т. п.

В сравнении с продуманной тактикой выжидания, зарождавшейся тогда в военных и гражданских руководящих кругах Веймарской республики, сентенции Альфреда Розенберга, перу которого принадлежала эта статья, были, конечно, детским лепетом, однако мысль о крестовом походе против Советской России прослеживалась здесь совершенно очевидно.

Антибольшевистские построения Рехберга, Гофмана и Людендорфа свидетельствовали о том, что задолго до откровения фашистского идеолога подобные планы муссировались как в среде германских предпринимателей, так и в среде кайзеровских офицеров. В то же время лидеры национал-социализма стремились не утратить перспективу межимпериалистической борьбы. Вопреки ожиданиям первые выступления нацистских лидеров были окрашены в тона снисходительного сострадания к французам. Зато уже в феврале 1921 года Гитлер испепеляет проклятиями Англию, «которая с дьявольским умыслом травит до смерти ирландский народ». То была наспех переписанная у Людендорфа, Гофмана и Рехберга программа континентальной Европы, социально заостренная против большевизма, реваншистски направленная против Англии.

Что касается противOVERсальских лозунгов, то они формулировались уже в первых пунктах национал-социалистской партии за год до описанного выступления

Розенберга в феврале 1920 года. Требования «объединения всех немцев в Великую Германию», отмены версальских договоров, «территорий и земель для пропитания народа» были всего лишь вульгаризованной интерпретацией концепций пангерманистов, преломленных классовыми боями 1918—1919 годов. Вскоре партия отказалась от третьего пункта программы — возвращения колоний в пользу требования о расширении рейха на восток.

Изменение третьего пункта (одного из 25) программы изменило, по существу, и смысл программы 1920 года. Социально-демагогические лозунги программы были вскоре выброшены за борт, антиверсальская направленность не могла создать партии политической индивидуальности, ибо то был лозунг всех групп германской буржуазии, и только третий пункт, определивший расширение рейха на восток, приобрел плоть и кровь в национал-социалистских «идеях». Четыре года, предшествовавшие работе Гитлера над «Майн кампф», были с точки зрения германской крупной буржуазии испытанием национал-социализма в области стратегии, тактики, идейной оснащенности и методов борьбы, — испытанием на прочность в классовой борьбе против прогрессивных сил Германии в 1919, 1921 и 1923 годах.

Национал-социалистская партия Германии проделала большой путь, прежде чем занять вместе с крайним германским милитаризмом передовые рубежи в борьбе против рабочего класса Германии. «Я хотел бы стать сокрушителем марксизма; эту задачу я выполню», — заявил Гитлер после провала баварского путча. Но для этого, как постепенно стал понимать сам нацистский фюрер, нужно было стать больше, чем «барабанщиком» послеверсальской Германии, нужно было стать стратегом, способным в обстановке общей конфронтации капиталистического мира и Советской Республики возглавить антикоммунистическую борьбу внутри Германии в русле общего развития германского капитализма, направленного к военно-экономическому восстановлению милитаризма германского рейха. Для разработки такой стратегии необходимо было использовать опыт германского милитаризма, накопленный в годы подготовки первой мировой войны и в послеверсальский период.

Когда в 1925 году увидел свет первый том «Майн

кампф», никто в Германии не был удивлен тем обстоятельством, что антикоммунизм как система взглядов был положен в основу гитлеровского учения. «Новым» был совсем иной аспект, а именно то, что антикоммунизм стал узловым пунктом старой схемы пангерманизма, старого компаса к империалистическому господству. Еще в годы политического дилетантизма фюрер вместе с тем прилежно изучал труды столпов расистской теории под руководством А. Розенберга и Д. Эккарда. Оказалось, что теория о расовом неравенстве изобретена еще в середине прошлого века французами Габино и Лапужем. Ницше, певец сверхиндивидуализма, давным-давно разработал «мораль господ», покоящуюся на учении о «воле к власти», а Грант утвердил расистскую теорию даже в художественной литературе. Гитлеру предстояло социальной демагогией трансформировать недовольство широких народных масс в плоскость расового антагонизма, создав тем самым динамическую модель реакционной диктатуры.

Основой «восстановленной Великой Германии» согласно «Майн кампф» может быть только расовый принцип. Новая Германия должна быть населена исключительно немцами и существовать как единое государственное образование при диктатуре единого вождя. Немцы должны получить земли, без которых якобы невозможно их «свободное» существование. Но как, где и когда? «Национал-социалистское движение должно стремиться к уничтожению диспропорции между населением и пространством, рассматривая последнее и как источник пропитания, и как основу силовой политики», — следовал ответ. Словом, право территориальных приобретений коренится в самом факте господства арийской расы.

По вопросу, где и сколько земель должна иметь Германия, Гитлер в корне расходится с традиционными постулатами пангерманистов. «Восстановление границ 1914 года, — рассуждал Гитлер, — политический абсурд», близкий к преступлению. В былые времена Германия имела иные границы, и это было ее право. Поиски жизненного пространства «должны отличаться от устремлений Гогенцоллернов к приобретению колоний в Африке». «Территориальная политика не может проводиться в Камеруне, — предупреждал Гитлер, — она (и это составляет первое «теоретическое» открытие на-

цистского лидера) должна сегодня проводиться почти исключительно в Европе». «Мы, национал-социалисты, — торжественно декларирует Гитлер, — сознательно подводим черту под внешней политикой Германии довоенного времени. Мы начинаем там, где Германия кончила 600 лет назад, мы кладем конец военному движению германцев на юг и запад Европы и обращаем свой взгляд к землям на восток... Мы переходим к политике будущего — к политике территориальных завоеваний. Но если мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь думать о России и подвластных ей окраинных государствах».

Это высказывание из «Майн кампф» довольно известно, но следует отметить, что это был не простой клич фашистского фюрера: «Назад, на восток». Отнюдь нет!

Здесь нацистский лидер намертво спаял два фактора, создавшие впоследствии богатые иллюзии у правящих кругов Англии, Франции и США. С одной стороны, это положение отражало единую антисоветскую стратегию империализма между двумя мировыми войнами, об опасности какой предупреждал еще В. И. Ленин в первые послереволюционные годы. С другой стороны, оно содержало узловой момент будущей политики «третьего рейха». Оголтелый антикоммунизм в сочетании с «поисками жизненного пространства» стал впоследствии мощным оружием Гитлера в дипломатической борьбе с «умиротворителями». В развитие этого ключевого положения Гитлер позднее заявлял: «Мне придется играть в мяч с капитализмом и сдерживать державы Версаля при помощи призрака большевизма, заставляя их думать, что Германия — послушный оплот против красного потока. Для нас это единственный способ пережить критическое время, покончить с Версалем и вновь вооружиться».

Определив основного противника в лице СССР, Гитлер затем обрисовал позиции Германии в мире империалистического соперничества. «Франция всегда стремилась и всегда будет стремиться, — писал Гитлер, — чтобы Германия не стала единым государством, Франция хочет сохранить ряд небольших германских государств, силы которых будут уравновешивать друг друга... Франция есть и будет непримиримым врагом Германии». «Я никогда не поверю тому, что Франция способна по

собственной воле изменить свои намерения в отношении нас, — продолжает Гитлер, — эти намерения в конце концов являются лишь выражением французского инстинкта самосохранения... Я не мог бы действовать и не действовал бы иначе, чем Клемансо».

Гитлер синтезировал в общей схеме германской «реальной политики» конфигурацию силовых политик Великобритании и Франции. Внимательно вглядываясь в зигзаги английской внешней политики, он отмечал: «Англия всегда стремилась и будет стремиться, чтобы ни одна из континентальных держав не заняла положения мировой державы. Поэтому Англия старается сохранить определенное равновесие сил среди европейских держав, ибо оно, очевидно, является необходимым условием для господства Британии в мире... Только враги Британии могли выиграть от исчезновения Германии из числа великих континентальных держав Европы».

Социально-политические пружины «Майн кампф», конституировавшие антикоммунизм во всех сферах жизни, извиняли в глазах той же германской буржуазии человеконенавистнические «экстравагантности» доктрины. Планы завоевания мирового господства на несколько шагов опережали действительность капиталистической Германии. Но дипломатия Штреземана уже трудилась над восстановлением экономических и политических позиций Германии. Крупп, Тиссен и другие закладывали фундамент ее будущего военного потенциала, а германские военные создавали новую военно-теоретическую оснащенность германского рейхсвера.

Выход в свет «Майн кампф», помимо всего прочего, имел определенное внешнеполитическое значение. Если деятельность политиков Веймарской Германии давала основания для расчетов западных правящих кругов утлить колониальный голод Германии за счет восточной экспансии, идеи Гитлера сделали эти расчеты *постоянной* иллюзией рулевых Запада, превратившихся впоследствии в губительный для человечества курс «умиротворения».

В двухтомной фразеологической гимнастике будущего фюрера «третьего рейха» нигде не было намека, в какой именно последовательности он собирается решать экспансионистские задачи германского империализма. Да этого и не могло быть, поскольку лихорадочные экономические циклы первого этапа общего кризиса

капитализма постоянно меняли накал империалистических противоречий между Германией, с одной стороны, Англией и Францией — с другой.

6

1929—1932 годы явились свидетелями расцвета сотрудничества между фашизмом и милитаристскими кругами Германии. Пути, приведшие рейхсвер к союзу с национал-социалистами, были различны, но результат был один — постепенное организационное единство, завершившееся господством национал-социализма и достижением «полного идейного и политического сотрудничества рейхсвера с нацистской партией». Процесс фашизации рейхсвера проходил на фоне восстановления военно-экономического потенциала Германии, и это во многом обусловило его темпы, эффективность и стабильность. До 1929—1930 годов это был процесс перехода на идейно-политические платформы верхушки рейхсвера. С 1930 года он стал массовым и в среде молодого офицерства Веймарской республики. В 1930 году союз рейхсвера с национал-социализмом был освящен самим Сектом, которого уже ни в коем случае нельзя было упрекать в какого-либо рода политических импровизациях. Какой должна быть армия «третьего рейха»? Давным-давно Людендорф пришел к выводу, что разрешение европейских вопросов возможно только с помощью войны. Гитлер впоследствии сделал вывод о том, что война является нормальным состоянием нации. В нашумевшей книге «Тотальная война» старый генерал писал: «Центр тяжести тотальной войны в народе». Гитлер же наиболее полно выразил свои взгляды о характере армии накануне своего прихода к власти 4 декабря 1933 года в письме к полковнику Рейхенау. «Я вижу предпосылку для любого вооружения, — отмечал он, — в волевом и духовном восстановлении нового немецкого народного единства». И пояснял далее, что перевооружение возможно лишь на «широкой базе единства нацистской идеологии».

Итак, национал-социалистская идеология оплодотворила германский милитаризм политической стратегией и тактикой достижения целей мирового господства. Что же принес германский милитаризм в арсенал внешнеполитических планов национал-социализма? Сохранив

идейно-политическую целостность генерального штаба, Сект и другие обеспечили тем самым бесперебойную разработку военно-теоретической мысли германского милитаризма. Германские военные стратеги, как ни странно, должны были ответить национал-социалистскому политическому руководству приблизительно на ряд тех же вопросов, что и кайзеровские офицеры Вильгельму II в 1914 году. Вот они: 1) возможно ли с политической и военной точек зрения осуществить задачу последовательного разгрома Франции, Англии и СССР; 2) как лучше обеспечить политические, экономические и стратегические условия ведения войны; 3) где наносить первый удар — на Западе или на Востоке; 4) каковы способы сокрушения основных противников Германии в Европе?

В политическом отношении в канун первой мировой войны кайзеровская дипломатия не создала благоприятных условий для осуществления военной стратегии германского милитаризма. Межимпериалистические противоречия между блоками были настолько велики, что расколоть Антанту германской внешней политике казалось не под силу. С 1871 по 1914 год германский генеральный штаб бился над одной проблемой, а именно: как, «ведя оборону минимальными силами на одном фронте, предпринять широкое наступление большей частью армии на другом»?

Мольтке-старший до 1879 года, то есть до заключения австро-германского договора, планировал нанесение первого сокрушительного удара на Западе. Затем такой удар планировался против России на Востоке. Лишь в 1892 году Шлиффен поставил под сомнение военную стратегию Мольтке — Вальдерзее. К жизни были возвращены предостережения Клаузевица, который, анализируя опыт наполеоновской кампании в России, пришел к заключению о невозможности завоевания больших территорий с большим населением. Отправным пунктом в планировании генерального штаба с 1905 года стал известный план Шлиффена, предполагавший быстрый разгром Франции, который целиком покоился на идее скоротечной войны. 4 января 1913 года Шлиффен умер. Его последними словами были: «Укрепляйте правый фланг!», то есть сосредоточивайте максимум германских корпусов на фланге, охватывавшем Париж, что, по мнению германских стратегов, являлось пред-

посылкой для разгрома Франции. Однако, как известно, в результате операций русской армии в Восточной Пруссии германское наступление захлебнулось, война затянулась, что в конечном счете привело к поражению. Репутация «великого плана» была серьезно подмочена.

Однако после Октябрьской революции политическая обстановка в Европе изменилась. Изменились и военно-стратегические установки: на востоке появился ряд «буферных» государств: Польша, Румыния, Чехословакия и Прибалтийские страны, что открыло возможности для антисоветских интриг. Коль скоро эти страны служили пешками во враждебной политике к СССР как Англии, так и Франции, в Берлине надеялись избежать повторения ошибок 1914 года, то есть войны на два фронта с самого начала.

К приходу гитлеровской партии к власти постепенно складывалась единая нацистская военно-политическая стратегия, в которой взаимозависимость политических и военно-стратегических аспектов не было однозначной. С одной стороны, считалось само собой разумеющимся, что военная теория должна быть подчинена единым политическим планам. С другой стороны, реализация того или иного варианта военно-стратегической доктрины требовала определенных внешнеполитических условий для своего успешного осуществления. С этой точки зрения нацистская дипломатия начиная с 1933 года неизменно была занята созданием благоприятных условий для последующих действий вермахта. Главной социально-политической основой германской военно-политической теории двадцатых-тридцатых годов был антикоммунизм. Основой же военно-теоретической мысли оставалось наследие Шлиффена, подкрепленное разработанной германским генералитетом в двадцатые-тридцатые годы теорией «тотальной войны».

Анализ военно-политической стратегии не будет полным, если исключить из рассмотрения один из важнейших идейных компонентов ее — фашистскую геополитику¹. Геополитика была призвана играть роль пропаган-

¹ Геополитика — реакционная буржуазная теория, стремящаяся путем ссылок на географические факторы, путем извращенного толкования данных экономической, политической и физической географии обосновать агрессивность внешней политики империалистических государств. Геополитики стремятся доказать, что агрессивность империалистических держав определяется не природой империализма, не стремлением монополий к получению максимальных

дистского стержня, вокруг которого строились доводы в пользу той или иной внешнеполитической агрессии фашизма. Она в сочетании с другими постулатами фашизма должна была создать видимость единой и научно обоснованной идеологии, способной по замыслам национал-социалистских лидеров противостоять идеологии марксизма-ленинизма. Национал-социалистская внешняя политика, в которой насилие было бесспорно и единолично детерминирующим фактором, не могла не считаться с другими силовыми факторами в Европе и в мире. А если так, то национал-социалистская внешняя политика нуждалась в теории, которая бы вновь «открывала» и разрабатывала далее схему вечного двигателя «реальной политики» — схему «баланса сил».

Фашистская геополитика, разумеется, никогда не давала готовых рецептов для германской внешней политики именно потому, что ее первая функция — иллюзорный дар внешнеполитического предвидения — была эффективным орудием постоянного обмана масс относительно истинного значения разбойничьих акций фашизма. Рисковать таким орудием не следовало. Особенно зловещую роль сыграла геополитика в обосновании и предсказании «неизбежной гибели буферных государств Центральной Европы». Однако для исследователя внешнеполитических концепций национал-социализма именно эти «откровения» геополитиков могут быть полезными для рассмотрения внешнеполитической стратегии фашизма в целом.

В области создания национал-социалистской идеологии Гитлер фанатично стремился к тому, чтобы она хотя бы формально отвечала требованиям идейно-политической завершенности и хотя бы номинально подчинялась законам логики. И это вполне понятно. «У марксистов, — говорил он в 1925 году в Штутгарте, — есть свое мирозерцание. Мы должны противопоставить им наше национальное мирозерцание». Нацистский фюрер из кожи лез вон, дабы создать национал-социалистскому учению академическую респектабельность, основательность и обеспечить его собственной исторической

прибылей, а якобы естественными условиями и географическим положением. Геополитика стала частью официальной доктрины германского фашизма.

предтечей. Однако здесь его дело было безнадежным. Марксизму-ленинизму как интернациональному учению следовало противопоставить единое национальное учение с собственными классиками и собственной немецкой школой. Французы Габино, Лапуж и англичанин Чемберлен мало того, что не были немцами, изобрели расовую теорию, не имея в виду арийскую исключительность. Что же касается праотцев геополитики, то и здесь царил национальная разношерстность.

Хотя в конце XIX — начале XX века в среде немецких профессоров, географов и экономистов, стоявших на позициях пангерманизма, можно отыскать идейные истоки геополитики, решающее слово принадлежало опять же английскому географу Х. Маккиндеру. «Рациональным зерном» учения Маккиндера было предсказание, обращенное к творцам Версальской системы, о смещении равновесия сил в пользу сухопутных государств. Это положение было подхвачено германской геополитической школой во главе с генералом Гаусгофером. В западной историографии времен «третьего рейха» и послевоенного периода бытовало мнение, что идеи генерал-майора Гаусгофера, его карты, статистика, информация и планы с самого начала чуть ли не руководили действиями Гитлера. Такая трактовка «творчества» Гаусгофера и его адептов до абсурда упрощала деятельность национал-социалистского ядра командования вермахта и нацистских дипломатических стратегов. Ни одно сколько-нибудь серьезное исследование функциональной роли геополитики в системе стратегического планирования германской агрессии не подтверждает такого суждения. Философское наследие геополитики хотя и иррационально и мистично, но в его практических предписаниях национал-социалистская геополитика Гаусгофера могла найти руководство, по существу, на все случаи жизни.

Первым из пангерманистов, выдвинувших тезис о необходимости для Германии «жизненного пространства», был Фредерик Лист. По его мнению, для экономического прогресса Германии необходимо расширение ее территории ни больше ни меньше как от Балтийского моря на севере до Черного и Адриатического морей на юге.

Более основательным авторитетом германской геополитики был фон Бюлов, который через головы многих

поколений германских политиков давал «практические» советы по германской агрессии против Франции. Вот что он писал: «Если, положим, одно государство сильнее другого, то оно неизбежно вытеснит последнее из речной долины и займет позиции последнего». И далее, чтобы никто не сомневался, о чем идет речь: «Рейн никогда не может стать естественной границей между Францией и Германией, ибо объединенная Германия будет всегда обладать стратегическим преимуществом перед Францией... Франция никогда не сможет защитить Бельгию, противодействовать вступлению армии объединенной Германии в Голландию». Итак, могут существовать только государства, обладающие естественными границами. Что касается маленьких государств, витийствовал фон Бюлов, созданных вопреки принципам политической стратегии, то «они обречены на гибель, ибо они не обладают ни естественной защитой, созданной самой географией, ни людской мощью и материалами, требуемыми для военных действий». Более того, писал он, само их существование будет постоянным источником войны. Совершенно очевидно, для какой цели германские геополитики сдули архивную пыль с полузабытых заветов фон Бюлова. Созданный Версальской системой пояс центральноевропейских государств должен был стать объектом такого раздела, который, по мнению фон Бюлова и фашистских геополитиков, создал бы «стратегическое равновесие». Так национал-социалистские геополитики перебрасывали мост к концепциям Маккиндера, который также придавал первостепенное значение господству в этой части Европы.

Последователем Ф. Листа, заложившим «философский» фундамент геополитических построений, был Фридрих Ратцель. Его мистическая теория биологического характера роста государства придала статичной модели геополитиков необходимый импульс динамизма. «Каждый народ, — писал Ф. Ратцель, — должен воспитываться в духе концепций пространства, возрастающего от малого к большому, и этот процесс должен повторяться вновь и вновь для того, чтобы предотвратить возврат к мышлению категориями малых пространств». Понимая значение морской мощи государства, Ратцель предписывал Германии либо союз с британской военной мощью, либо приобретение собственной морской мощи. От милитаристского воспитания населения (что Ратцель

называет «ростом культуры») во многом зависит рост государства. Ратцель, обобщив опыт юнкерского объединения германских государств вокруг Пруссии, приходит к универсальному выводу: рост государства, отмечает он, происходит путем объединения или поглощения меньших объединений большими. Однако уже в этом он видит возможность дальнейшей экспансии. Ведущая тенденция к объединению передает согласно Ратцелю тенденции к территориальному росту — таков закон пангерманизма, внесенный в сферу геополитической казуистики. «На этой маленькой планете, — приходит к заключению воинствующий пангерманист, — есть место лишь для одного великого государства».

С точки зрения всех поколений германских милитаристов, это заключение Ратцеля — истина в последней инстанции, однако всех их объединяет и вопрос: как этого добиться? Если Ратцель оставался в рамках «чистой науки» и не касался реальных внешнеполитических построений, то это за него сделал Рудольф Челлен, шведский географ и государствовед. Для Челлена геополитика — это «наука, которая выражает государство как географический организм или как явление (феномен) в пространстве», утверждающий себя в пяти проявлениях, а именно: территории, экономике, населении, обществе и правительстве. Далее следует традиционный для геополитического мышления семантико-мистический бред, который имеет, однако, вполне «земную» цель: если территория — это тело государства, тогда оно, подобно всякому биологическому организму, должно расти. Этот рост, по Челлену, должен происходить либо за счет колонизации, либо путем объединения, либо же путем завоевания. Далее Челлен переходит к прямому политическому подстрекательству. Россия, рассуждает он, имея континентальную мощь, лишена выхода к океану; Англия, обладая огромной морской мощью, не имеет возможности к территориальному росту. Германия же лишена всех этих факторов. Поэтому, упрекая Ф. Листа в «континентальном мышлении», Челлен нацеливает германскую внешнеполитическую экспансию не только в Центральную и Восточную Европу, но также во Францию, Малую Азию, Месопотамию и Украину, а также в балтийские провинции России. Дарданеллы и Рига, Гамбург и Багдад — вот, по мнению Челлена, краеугольные камни германской империи. «И вот когда-

то, — без тени юмора и стеснения изрекает Челлен, — равновесие между великими державами будет восстановлено».

Эйфория Челлена долго будоражила пангерманистов. Челлен, пожалуй, ближе всех подошел к империалистической философии насилия, «рассматривая империалистическое государство прежде всего как силу... имеющую источник развития в самой себе», отождествляя ее с биологическим организмом, имманентные свойства которого — расти в пространстве, в постоянной борьбе за существование.

Однако в наибольшей степени «учение» Гаусгофера вытекало из геополитических построений английского географа Маккиндера. Основой этого «учения» было положение Маккиндера о том, что Европа, Азия и Африка представляют собой единое целое, так называемый «мировой остров». Ключи к этому «мировому острову», отмечал Маккиндер, лежат в пространстве, весьма приблизительно ограниченном реками Янцзы и Волгой, Гималаями на юге и Ледовитым океаном на севере. Свойство этого пространства — его неуязвимость для морских держав. Маккиндер, далее, вывел правило, которое, как зловещее заклинание, повторяло целое поколение германских геополитиков: «Кто правит Хартландом — «сердцем земли» (так Маккиндер называл пространство в четырехугольнике Янцзы — Волга, Гималаи — Ледовитый океан. — И. А.), тот командует «мировым островом», а кто правит «мировым островом», командует миром». Далее Маккиндер признал господствующее положение Германии в горловине Европейского континента, что способствовало, по его мнению, ее преобладающему положению в Хартланде, подобно тому как положение македонцев и римлян помогло им завоевать гигантские империи в прошлом.

Базируясь на идеологическом фундаменте фашизма, германская геополитика должна была отражать не только глобальную экспансию гитлеровского рейха, но и фиксировать последовательные этапы осуществления этой программы. В туманных рассуждениях германских геополитиков должны были найти отражение и реальные противоречия, сложившиеся в период между двумя мировыми войнами в Европе и мире. «Идеи» Гаусгофера и его учеников никогда не вступали в противоречие с варварскими теориями нацизма, как это пытаются до-

казать западные исследователи. Характер взаимоотношений расистских теорий нацизма и концепций Гаусгофера всегда определялся прямой подчиненностью этих концепций человеконенавистническим планам национал-социалистского учения. В этом подчинении можно рассмотреть два узловых момента, а именно: во-первых, немецкая геополитика была призвана обеспечить национал-социализму солидное теоретическое обеспечение. Учение, рассчитанное на «тысячелетие» и претендующее на владение умами миллионов, должно было логически из чего-то вытекать, чтобы сделать заявку на единоличное господство над массами на ближайшее тысячелетие.

Во-вторых, как отмечает американский социолог Вейгарт, Гаусгофер пытался «направить мышление Гитлера от снов к реальностям и возможностям континента...». В отличие, скажем, от реальностей, которыми могли оперировать генеральный штаб и министерство иностранных дел, геополитический институт в Мюнхене, где трудился Гаусгофер, не был скован в своей широковещательной деятельности по разработке долгосрочных «прогнозов». Большинство из них были безошибочными, поскольку опирались на достоверное знание планов Адольфа Гитлера. Если «Майн кампф» говорил об объединении всех немцев в «Великую Германию», включая аншлюс Австрии, то в 1934 году журнал геополитиков мог «безошибочно предсказать»: «Австрия может стать полем битвы во второй мировой войне. Военной слабости можно избежать лишь в том случае, если великая держава вновь возьмет под охрану австрийскую территорию». Возможности для подобного рода спекуляций были практически неограниченными благодаря прямым контактам Гаусгофера с окружением Гитлера и прежде всего с Гессом».

Там же, где речь шла об анализе военных и политических реальностей, писания Гаусгофера и его учеников никогда не носили характера безоговорочных выводов и тщательно маскировались за совершенно непроходимой семантикой языка геополитиков, полным геополитических символов. Между тем реальный «баланс сил» никогда не ускользал от внимания германской геополитической науки, закодированный в терминах «океанических» и «континентальных» держав, в которых в действительности отражались объективные

противоречия между английским и германским империализмом.

Наиболее интенсивно проводилось оформление геополитических захватнических планов Германии в отношении ее восточных соседей. Понимая значение этого района для сохранения версальского «равновесия сил» с точки зрения интересов Франции, геополитики предупреждали: «Франция будет защищать свои позиции в Средиземноморье так же ревностно, как и позиции в середине Европы». Гальванизация идей фон Бюлова помогла обосновать ликвидацию Чехословакии. «Чешское национальное государство, — отмечал Альберт Гаусгофер в мае 1938 года, — в границах сегодняшней Чехословакии было мыслимо лишь тогда, когда бы не существовала германская мощь».

При разработке своих глобальных концепций Х. Маккиндер, чье учение стало теоретической основой германской геополитики, широко использовал исторические корни европейского «равновесия сил» и анализировал изменение этого равновесия в категориях пространственных изменений. Конфликт между континентальной и морской мощью — это, конечно, не что иное, как империалистическое соперничество между Великобританией и Россией при промежуточной роли Германии в Европе. Евразийский район, по мнению Маккиндера, неуязвимый для морских армاد Великобритании и бывший в середине века открытым для господства конных кочевников, ныне покрытый сетью железных дорог, является стержнем мировой политики. Россия заняла место обширной татаро-монгольской империи, оказывая постепенный нажим на Турцию и Персию, Скандинавию и Польшу, Индию и Китай.

Ключевые позиции России в мире соответствуют ключевым позициям Германии в Европе — здесь, пожалуй, завершается учение Маккиндера с его традиционной английской боязнью единоличного господства какой-либо державы (или группы держав) на континенте, указывающего на опасность русско-германского союза, и начинается бесшабашная эксплуатация возможности указанного Маккиндером силового конгломерата. Ни словом не упоминая о социальном рисунке силовой схемы, предложенной версальскими архитекторами в Европе, Маккиндер исповедовал веру в возможность использования Германии против Советской России.

Гаусгофер, напротив, в полном согласии с планами Гитлера стремился к использованию этой схемы против Англии и Франции в интересах усиления Германии. Территориальные положения Версальского договора мешали достижению Германией искомого Хартланда, поскольку создали на восточных границах Германии пояс небольших государств. С тех пор школа Гаусгофера вплотную занялась поясом центральноевропейских государств, подготавливая «теоретическую» основу для их уничтожения.

В этой точке расходились дальнейшие пути теоретических поисков Маккиндера и Гаусгофера. Выполняя социальный заказ победителей в Версале, Маккиндер в геополитических терминах призывал, по существу, к созданию «санитарного кордона» против Советской России. Гаусгофер со своими соратниками выступал, разумеется, не против этой идеи. Позиция Гаусгофера отражала объективную необходимость германского милитаризма в приобретении выгодных военно-стратегических позиций Германии в Центральной Европе, стремление германского империализма к изменению «силового баланса» в Европе. Народы стран Центральной Европы мыслили согласно германской геополитике категориями «узких пространств» и уже потому были обречены на вымирание.

Те, кому выгодно представить германскую политику по отношению к СССР как последовательную внешнеполитическую доктрину Гитлера, изобрели легенду, согласно которой в канун второй мировой войны в окружении Гитлера якобы боролись две тенденции — тенденция идеологической непримиримости, персонифицируемая Розенбергом, и тенденция «реальной политики», которая связывается с именем Гаусгофера. Даже самый общий взгляд на внешнеполитический механизм нацизма не оставляет сомнения в том, что гитлеровское руководство способно было пойти на любой пакт и разорвать любое соглашение в зависимости от текущих военных замыслов фашизма. Гаусгофер, «рациональным» моментом бредового учения которого был строгий учет «баланса сил», действительно приветствовал советско-германский пакт о ненападении. В августе 1939 года он был почти в восторге от того, что «Германия и Россия наконец-то признали, что обе они были жертвами и, до смерти избивая друг друга, они всего лишь таскали

каштаны из огня для империалистических целей западных соседей». То были только слова. В сентябре 1941 года с ничуть не растраченным энтузиазмом в передовой статье своего журнала Гаусгофер приветствовал гитлеровскую агрессию против Советского Союза.

И последнее, что следует отметить в связи с германской геополитикой. Западные исследователи отмечали, что мюнхенский институт Гаусгофера представлял собой «тысячную рать ученых, политиков и шпионов». Это обстоятельство представляет для нас интерес с иной точки зрения. С 1933 года, когда у власти в Германии воцарились гитлеровцы, школа германских геополитиков стала играть уникальную роль — стратегической дезинформации западных правительств. Этому способствовал целый ряд обстоятельств, отводивших учению Гаусгофера совершенно особую роль в гитлеровской идеологии, а мюнхенскому институту необычную роль в системе учреждений рейха. Первым из этих обстоятельств было то, что геополитика стремилась представить себя «чистой наукой», лишенной полностью социальных мотивов, а это означало, мол, что Гаусгофер был вполне искренен, когда говорил о необходимости соединения с Хартландом и нередко намекал на союз с СССР. Второе обстоятельство, способствовавшее выполнению такой роли, было то, что геополитика была частью официальной идеологии национал-социализма, а значит, должна была в условиях фашистской Германии ни в чем не отступать от официальной доктрины. И третье обстоятельство: непосредственная связь Гаусгофера с национал-социалистским руководством, что при общем анализе иерархических ценностей германского фашизма имело особое значение для наблюдателей на Западе. Недаром там нередко подчеркивалось, что 15-я глава «Майн кампф» была написана Гитлером при непосредственном участии отставного генерала.

В связи со всем этим рецепты Гаусгофера относительно желательности для Германии восточной ориентации особенно чутко воспринимались на Западе. Следовательно, геополитика иным путем, нежели дипломатия Вильгельмштрассе, так сказать, с «черного хода», запугивала соответствующие круги западных стран возможностью сближения Германии с СССР. Стратегическая дезинформация в комплексе с другими средствами в области внешней политики в дальнейшем сыграла

немаловажную роль при выработке внешнеполитических акций Англии и Франции.

Планируя тысячелетнюю историю «третьего рейха», Гитлер, по всей видимости, отводил не более десяти-двадцати лет завоевательным войнам, которые должны были обеспечить Германии мировое господство. Но еще менее отводилось нацистским фюрером для внешней политики, создававшей условия для «победоносных войн». По его мнению, внешнеполитический блицкриг фашизма был подготовлен всей историей послеверсальского периода. Мир в целом был готов к войне, и предстояло по возможности более точно определить место, время и стратегические рубежи, с которых Германия должна была нанести удар по «наиболее готовому» к поражению противнику.

7

Отправляя в исторические анналы этап развития германского милитаризма, освященный локарнскими соглашениями и «планом Дауэса», Гитлер на пороге нового этапа говорил, более адресуясь к западным лидерам, чем к германской аудитории: «Мы убеждены, что победа коммунизма в Германии была бы началом общей мировой катастрофы. Все надежды на оздоровление мира пришлось бы похоронить в тот момент, когда красный советский флаг был бы перенесен в Гамбург и Гейдельберг». Следовательно, заключал нацистский фюрер, Германия должна получить «равноправие» и освобождение от версальских оков. То было начало кампании систематического антикоммунистического шантажа. Эффективность такого шантажа в силу остро очерченных классовых позиций нацизма во внешнеполитическом механизме «третьего рейха» имела качественно новый уровень.

Гитлер достаточно ясно понимал ту роль, какую отводили западные демократии Веймарской республике и какую готовились отвести национал-социалистской Германии. Он использовал политику «умиротворения» настолько, насколько это было необходимо ему с точки зрения решения собственных задач. Позиция гитлеровской дипломатии не была «статичной», как это часто представлялось в исследованиях этого вопроса, она была подвижной и гибкой с надлежащим дозированием

«коммунистической угрозы» в конкретных политических ситуациях.

Нацистская дипломатия самым тщательным образом утилизировала весь арсенал «рациональных» с точки зрения теории «баланса сил» средств дипломатий капиталистических стран, в основе которых лежали те или иные варианты моделей силовой игры. Однако, помимо всего этого, фашистская внешняя политика ввела в оборот целую систему, так сказать, «иррациональных» средств политической игры. Подрывная деятельность, неприкрытый шпионаж, «психологическое наступление», физическое насилие, интервенция путем прямого вмешательства во внутренние дела других стран, подкуп, обман, блеф и т. д. и т. п. — все это стало органическими элементами дипломатии Вильгельмштрассе. Нарушение норм международного права превратилось, как это ни парадоксально звучит, в норму внешнеполитической деятельности нацистов.

Почему все это стало возможным? Почему к этому столь терпимо относились те государства, против которых эти методы были направлены? Сколько раз до драматической осени 1939 года Гитлер переступал тот рубеж, неприкосновенность которого торжественно декларировал актами международного права перед миром?

Средства эти, изобретенные в кабинетах рейхсвера, штабах национал-социалистской партии, в мрачных залах Вильгельмштрассе, а впоследствии и в оперативных отделах германского генерального штаба, использовались для «компенсации» более слабого экономического и военного потенциала гитлеровской Германии в первые годы нарушения международных соглашений. Уже это в известной степени проясняет для нас генезис названных «иррациональных» факторов. Гитлер обобщил английский опыт политики «баланса сил» и гарантировал его большую эффективность, пользуясь политическим фоном антисоветизма. Использование англо-французских противоречий поэтому оказалось весьма эффективным еще до достижения широкого перевооружения Германии.

Одним из приемов германской дипломатии был метод последовательной эскалации требований, конечным результатом которых было создание кризиса в данной области переговоров, что освобождало Германию и от международных норм, и от переговоров соответственно.

Таков был дебют нацистской дипломатии в конференции по разоружению 1933 года. 2 февраля 1933 года на конференции обсуждался французский план, представлявший возможность отступления Германии от ряда версальских ограничений. Последовавший за этим отказ Германии, требовавшей «равенства в вооружениях», а практически права на неограниченное вооружение, вызвал к жизни поддержанный Англией и США «план Макдональда». Согласно ему вооруженные силы Германии удваивались и армия переводилась на краткосрочную службу, что было серьезным отступлением от версальских ограничений. Выступая в рейхстаге, Гитлер объявил о приемлемости «плана Макдональда», требуя его расширительного толкования и не включая в определенное число вооруженных сил Германии различные полувоенные объединения, каких в «третьем рейхе» было великое множество. Что же в данном случае явилось внутренним двигателем эскалации германских требований?

В начале апреля 1933 года в германскую столицу прибыл руководитель американской делегации на жевенских переговорах по разоружению Норман Дэвис. Гитлер в разговоре с Дэвисом не постеснялся использовать весь «джентльменский набор» антикоммунизма. По его словам, Германии угрожала неминуемая опасность с востока, и для этого ей нужно было неограниченное вооружение. В результате Дэвис в своем отчете в госдепартамент приходил к выводу, что «мир не должен быть индифферентен к способностям Германии *соответствующим образом* (подчеркнуто мною. — И. А.) защищать миллионные инвестиции иностранного капитала в Германии».

Вслед за этой беседой 11 мая 1933 года министр иностранных дел Германии Нейрат официально объявил, что Германия односторонне пополнит вооружения. Наступила напряженная пауза. Затем последовало восхождение на новые ступени винтовой лестницы германских претензий. Удовлетворению их служил новый англо-франкo-итало-американский проект («проект Саймона»), практически учитывавший все претензии Германии. Однако было поздно: гитлеровцев уже не интересовали никакие компромиссы. Эскалация претензий привела к кризису, искомому дипломатией «третьего рейха»: 14 октября Германия ушла с конференции по разоружению, а 19 ок-

тября Германия вышла из Лиги Наций. Выход Германии из Лиги Наций, сопровождавшийся очередной бранной речью фюрера против коммунизма, был своего рода пробным шаром нацистской внешней политики. Ожидали, что последует за этим. Гитлер дал распоряжение военному министру фон Ломбергу издать секретную директиву армии на случай, если Лига Наций прибегнет к акциям. На карту была поставлена небоеспособность германской армии, она была пока заведомо низкой. Ставкой был даже не риск войны — война бы окончилась немедленным разгромом Германии. Испытанию подвергалась морально-политическая стойкость западных демократий, спроецировавших уродливый антикоммунизм на сферу государственной внешней политики. В ледящей тишине Европы отсчитывал первые удары гигантский маховик фашистской агрессии.

Это была первая внешнеполитическая афера Гитлера. Она означала, что с этих пор нацистская Германия намерена была вооружаться вопреки любому договору о разоружении и Версалию.

Реакция западных стран была более чем умеренной, а значит, риск был оправдан. Берлин открыто создавал очаг новой военной опасности, получив твердые политические позиции вне Версальской системы. Вызывающие действия гитлеровской дипломатии не были, конечно, как, впрочем, и многие ее шаги в ближайшем будущем, обеспечены соответствующими силовыми позициями с точки зрения «классической» буржуазной силовой доктрины. Их «компенсировал» оправдавший себя впоследствии сторицей фашистский метод создания кризисной ситуации путем эскалации требований. Методы фашистской дипломатии имели один, казалось бы, неиссякаемый источник — антикоммунизм во внешней политике правящих кругов Англии, Франции и США. В мае 1934 года сессия конференции по разоружению окончательно отказалась от контроля над германским вооружением — политика «умиротворения» Германии набирала темп.

8

«Пакт четырех», подписанный в Риме 15 июля 1933 года, не только дал Гитлеру «фактическое» подтверждение того, что антисоветизм как морально-поли-

тическая декларация может немедленно принести материальные выгоды. Заключение и банкротство «пакта», оставшегося на бумаге, указали границы, в которых могла функционировать единая антикоммунистическая стратегия империализма. Вырисовывалась любопытная картина: с одной стороны, социальное устройство политики «умиротворения» должно было обеспечить разрешение империалистических противоречий за счет СССР, с другой стороны, известная степень остроты этих противоречий препятствовала реализации единого антисоветского курса, прочерченного «Пактом четырех».

Еще 3 февраля 1933 года на квартире генерала Гаммерштейна Гитлер встретился с ведущими офицерами рейхсвера. «Самое опасное время, — признался он притихшей аудитории, — период строительства вооруженных сил. Здесь-то и выявится, имеет ли Франция государственных деятелей. Если да, она не даст нам времени, а нападет на нас (вероятно, с восточными сателлитами)». Итак, даже по мнению Гитлера, Германия стояла перед полной внешнеполитической неопределенностью. Уход Германии с конференции по разоружению, выход из Лиги Наций и заключение «Пакта четырех» были для нацистской дипломатии в известной мере системой своего рода политических тестов, с помощью которых предстояло выяснить непреложность, по крайней мере, двух важнейших положений: прочность антисоветского курса западных правительств и наличие серьезных разногласий в англо-французских отношениях. Совокупность всех «тестов» подтвердила аксиоматичность антисоветизма правящих кругов Англии и Франции, переговоры о «Пакте четырех» дали утвердительный ответ на второй вопрос.

Неиссякаемый антисоветизм английского правительства и политика, традиционно направленная на достижение равновесия между Германией и Францией в Европе на протяжении известного периода (приблизительно с 1933 по 1937 год), протекали в едином русле и объективно вылились в усиление политических позиций Германии и соответственно ослабление позиции Франции в странах Восточной и Юго-Восточной Европы до уровня, который должен был быть определен на Даунинг-стрит. Это до поры до времени и географически совпадало с направлением германской агрессии против СССР. Однако подталкивание Германии к границам

СССР имело ту роковую для «умиротворителей» особенность, что предпосылкой германо-советской войны было достижение Германией господства в этом районе Европы в той или иной форме, что неизбежно ослабило Францию (а в конечном счете и Англию) ниже уровня, намеченного английскими стратегами.

Именно это обстоятельство обогатило внешнеполитический опыт нацистского руководства. На языке германских монополистов и нацистских политиканов это предприятие было окрещено как «план объединенной Европы». Во исполнение этих планов гитлеровцы в 1934 году приступили к заключению секретных торгово-экономических соглашений с рядом стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Венгрия, Польша, Румыния и страны Прибалтики стали объектами пристального внимания рейха. Здесь, в пограничных с СССР странах, антисоветские лозунги и самые дерзкие антисоветские планы оказывали дурманящее действие на правящие круги. «Пакт четырех» был вторым после Локарно и решающим ударом по позициям Франции в этом районе.

Дело осложнялось тем, что версальские соглашения оставили немецкие меньшинства в некоторых странах Восточной Европы. Они и оказались постоянным объектом воздействия гитлеровской демагогии, особенно в Польше и Чехословакии. Панская Польша была классическим примером переплетения названных факторов. Если Штреземан в 1925 году, касаясь польской проблемы, отмечал, что «членство в Лиге Наций не исключает войну. Лига Наций допускает войну, если соглашение по политическим вопросам не может быть достигнуто», если сам Гитлер в «Майн кампф» ставил уничтожение Польши условием существования самой Германии, то в 1933—1934 годах язык германской дипломатии по отношению к Польше вдруг резко меняется. Нацистское руководство обращается к иной тактике, которая возымела немедленное действие на польских дипломатов и политиков, отвыкших за несколько веков от умеренности в речах германских завоевателей. «Канцлер не имеет ни малейшего желания нарушать существующие договоры, — с видимым удовольствием сообщает в Варшаву польский посол в Берлине Высоцкий, — они (нацистские лидеры. — И. А.) увязывают обязательства и права, накладываемые этими договора-

ми на рейх... Канцлер — пацифист, — продолжает посол, — и он исповедует веру в то, что каждый, кто видел вблизи ужасы войны... будет всегда рассматривать ее как последнюю крайность, которой следует избегать». Несколько дней спустя, 17 мая 1933 года, канцлер произнес пресловутую «пацифистскую» речь, в которой подчеркнул, что Германия «не признает более принципов германизации. Склад мышления прошлого века, согласно которому можно сделать немца из поляка и француза, нам чужд...».

Словом, тон дипломатии Вильгельмштрассе задает сам фюрер, стремясь завоевать доверие правящих кругов Польши. Единственная цель, которая преследуется при этом, — изолировать Польшу от Лиги Наций и Франции, ибо это, по мнению фюрера, было бы наилучшим внешнеполитическим условием для будущей агрессии против Польши. Подписание 26 января 1934 года заявления, фактически представлявшего собой пакт о ненападении между Германией и Польшей, было бесспорным успехом гитлеровской дипломатии, практически аннулировавшим политическое влияние Франции в этом важнейшем участке Европы.

Антисоветский характер режимов в странах Восточной и Юго-Восточной Европы был заложен в самом их основании и впоследствии энергично подогревался правящими кругами Франции. Польша выступала в этом районе на правах «баловня» Версальской системы, с нее после интервенции в Советскую Россию белополяков в 1920 году был особый спрос на ниве антисоветизма — политического курса, с которым у правящих кругов Польши неизменно ассоциировались различные территориальные претензии. Антисоветские «рефлексы» тогдашней Варшавы были очень сильны и развивались одинаково успешно на основе двусторонних соглашений с Германией, как и ранее, под эгидой франко-польского соглашения и Лиги Наций. Антисоветизм польской правящей верхушки был успешно проэксплуатирован гитлеровской дипломатией в 1933—1934 годах и объективно выступил на арене предвоенных международных отношений в Европе как эффективный антифранцузский фактор. И потому 22 апреля 1934 года, в день приезда министра иностранных дел Франции Луи Барту в Варшаву, Пилсудский заявил ему, что поляки «восхищены» договором с Гитлером. Несколько дней спу-

стя польский министр иностранных дел Бек поставил все точки над «и», когда с присущей ему в равной степени развязностью и политической близорукостью заявил обескураженному Барту: «В конце концов, именно Франция нуждалась в Польше (!)... Что же касается России, то я не нахожу достаточных эпитетов, чтобы охарактеризовать ненависть, которую у нас питают к ней...»

Положение осложнялось тем, что возможности политической активности Германии в странах Восточной Европы, созданные устойчивым антикоммунистическим климатом в правящих кругах западных стран, самым удачным образом совпадали с разработкой военно-политической стратегии реванша. Эта стратегия германского милитаризма должна была проложить новые коммуникационные линии к вершинам германского мирового господства в новых социально-политических условиях. Это невольно наводило германских стратегов на мысль о сравнительном анализе прусских военных кампаний и опыта первой мировой войны, военных, экономических и политических условий осуществления предыдущих германских агрессий и новых условий и тенденций развития Европы времен прихода Гитлера к власти. Даже беглый взгляд на политическую карту Европы свидетельствовал об огромных изменениях, происшедших за последние 15 лет. На востоке набирал силы могучий Советский Союз, на западе — традиционно враждебные Германии — Англия и Франция. Восточная и Юго-Восточная Европа были «заселены» государствами, которые без тени симпатий относились к германскому милитаризму, ибо он всегда представлял собой угрозу этим народам.

На первый взгляд положение казалось безнадежным: ни с политической, ни с экономической, ни с военно-стратегической точек зрения в Европе не было условий для новой германской экспансии. Однако непримиримая враждебность империалистических кругов Англии и Франции к Советской России практически исключала возможность фатально опасной для Германии коалиции Англии, Франции и России. А еще Бисмарк, Мольтке и Шлиффен были бы несказанно благодарны судьбе, давшей им малейшую возможность избежать столкновения на двух фронтах.

Не было единства и среди империалистических про-

тивников — Англии и Франции. Семена будущих территориальных распрей были щедро посеяны по всей Восточной и Юго-Восточной Европе. Это в будущем сулило Германии неплохие военно-политические перспективы с точки зрения политического раскола основных противников, нейтрализации отдельных стран и обеспечения союзников в борьбе за передел мира.

9

Вслед за теорией «тотальной войны», автором которой стал генерал Людендорф, подразумевавший использование любых методов и абсолютизировавший принцип уничтожения, фашистские теоретики разработали «социально-политические основы» подготовки такой войны. Установление диктатуры как средства «внутренней стабилизации», террора, обеспечивающего «моральное» единство нации и лучший, по мнению нацистских идеологов, способ ведения войны, — все средства, накопленные историей варварства, каннибализма, крестовых походов средневековья и пополненные антигуманными «новшествами» из опыта первой мировой войны, были «тщательно утилизированы» нацистскими военными теоретиками.

Наследие Клаузевица, Мольтке и Шлиффена подвергалось переоценке в соответствии с современными требованиями. В тесной связи с внешнеполитическими концепциями находилась теория «молниеносной войны», дополнившая стратегические установки Шлиффена. Стратегия Шлиффена, адаптированная до теории «молниеносной войны», считалась вполне пригодной для этой роли. Учение о «глубоком прорыве», обеспеченном крупными танковыми соединениями, рассматривалось как панацея от кровавых кошмаров Фландрии, Соммы и Вердена. Политическое и военно-теоретическое планирование было приведено к общему знаменателю с военной, экономической, идеологической и дипломатической подготовкой германской агрессии. Уже к 1935 году сложились условия для создания оперативных планов германских захватов. Слово оставалось за Вильгельмштрассе.

Разумеется, при разработке оперативной доктрины агрессии Гитлер вынужден был отступить от схем

«Майн кампф». Это не означало, что разработанная в 1935—1937 годах оперативная доктрина германских завоеваний представляла собой результат досужих раздумий «импровизатора-маньяка». Пусть «Майн кампф», замечает Л. Фишер, избородивший в предвоенные годы едва ли не все столицы Европы, была всего лишь пропагандистской книгой, написанной молодым человеком в тюрьме. Пришло время, и «пропагандистская книга» стала теоретической основой процессов, погрузивших человечество в пучину второй мировой войны для достижения мирового господства.

Реальные процессы в Европе складывались далеко не так, как хотелось бы нацистскому руководству, и совсем не так, как того желали бы соавторы политики «умиротворения». Последняя имела, по крайней мере, два существенных ограничения. Первое из них: сама идея мирового господства Германии, в которой английским правящим кругам все меньше приходилось сомневаться, не оставляла места обширной колониальной империи Англии. Второе, не столь очевидное, но все более настораживающее наиболее трезвых английских политиков, состояло в неуклонном нарушении «баланса сил» в Европе в пользу Германии. Помимо уже наметившегося политического усиления Германии в Восточной и Юго-Восточной Европе, существовали иные, не менее грозные симптомы «падающего баланса».

Английские и американские монополии вели оживленную торговлю оружием с гитлеровской Германией. К примеру, только в мае 1934 года гитлеровцы разместили в Англии заказ на 80 мощных самолетных моторов «Армстронг Сидли».

Экономическое наступление Германии на позиции Британской империи оказывало более непосредственный и сильный эффект на Лондон — то был эффект электрического шока, проникавший сквозь атрофированные серьезным социальным недугом клетки мозговых центров английского капитала, эффект, вызывавший немедленную реакцию: рано или поздно Британская империя должна была принять вызов нацистского рейха. Но на востоке существовал Советский Союз, поэтому возможности оттянуть столкновение с Германией на значительное время казались в Лондоне не менее реальными, чем такие же возможности, предоставленные историей Европы XIX века.

Уже отмеченный дуализм во внешней политике Лондона в середине тридцатых годов нашел отражение при разработке стратегии германской агрессии. Используя возможности, предоставленные политикой «умиротворения», германское руководство тем не менее учитывало, что рано или поздно столкновение с Англией неизбежно. Ранняя стратегическая концепция, изложенная Гитлером в «Майн кампф», предусматривала союз с Англией на основе разграничения сфер влияния, распада версальского гамбита и, как следствие, разгром «смертельного врага» — Франции. В 1928 году Гитлер уже осторожнее подходил к английской проблеме, хотя возможность нейтрализации Англии не исключалась. Нужен был мировой экономический кризис 1929—1933 годов для того, чтобы нацистское руководство поняло, что столкновения с Англией избежать не удастся. Политика «умиротворения», рассчитанная на ослабление англо-германских противоречий, неизбежно усугубляла их, поскольку вела не только к усилению позиций германского империализма в Европе, но и к осознанию Гитлером и его окружением социально-политической и моральной слабости Англии, а в совокупности два этих фактора определяли решение важнейшей стратегической дилеммы — вопроса о нанесении первого удара.

Советский исследователь Д. М. Прозектор в книге «Оруженосцы «третьего рейха» справедливо отмечает, что «столь же рано, как сложилось решение напасть на Советский Союз, гитлеровцы пришли к выводу, что начать поход против социалистической державы можно и нужно лишь после победы над Францией и Англией и решения в свою пользу основного комплекса проблем империалистического соперничества». Эта формула казалась германскому руководству все более убедительной по мере того, как в ходе проведения политики «умиротворения» Запад сдавал все более важные позиции.

Нарушение территориальных постановлений Версаля было обеспечено длительной «разведкой боем», которую проводил Берлин на протяжении 1933—1936 годов в области внешних сношений.

Подготовка к ремилитаризации Рейнской зоны, например, началась почти за год до акции и отличалась, как и последующие акты германской агрессии, четкой и централизованной координацией военных усилий с внешнеполитическими действиями. 19 мая 1935 года

Гитлер произнес в рейхстаге речь о соблюдении Германией территориальных статей Версальского и Локарнского договоров, а 17 днями ранее военный министр Бломберг отдал директиву о подготовке к оккупации Рейнской зоны (операции «Шулупг»). На этой стадии Берлин еще нуждался в «предлогах» для нарушения норм международного права, хотя уже мало заботился об их правдоподобии.

Таким предложением стал советско-французский пакт о взаимопомощи, подписанный в марте 1935 года. В ноябре того же года французский посол в Берлине Франсуа Понсэ предупреждал Париж, что Гитлер попытается использовать договор как предлог для оккупации демилитаризованной Рейнской зоны, но за четыре последующих месяца французское правительство не сумело проанализировать такую возможность. Когда же три легко вооруженных немецких батальона торжественно промаршировали по мосту через Рейн, генерал Гамален подошел к вопросу со всей профессиональной обстоятельностью: без всеобщей мобилизации, заявил генерал, он сделать ничего не сможет, разве что направит 13 дивизий для укрепления линии Мажино.

На другой стороне Рейна чувствовали себя менее уверенно: Бломберг приказал прекратить операцию при первых же признаках сопротивления. Йодль свидетельствовал в Нюрнберге: «Оценивая положение, в котором мы находились, французская армия прикрытия могла разбить нас в пух и в прах». Гитлер тем временем «обеспечивал» операцию в рейхстаге. Он произносил слова, которые казались бы невероятными, если бы последующие гитлеровские акты агрессии не показали, что между изречениями фюрера и нарушением очередной границы существует глубокая внутренняя связь: «мирные предложения» в сторону Запада и площадная брань в адрес Советского Союза.

Но, что самое главное, они создавали климат, необходимый для следующей агрессии. Гитлер говорил: «Во-первых, мы клянемся нигде не прибегать к силе для восстановления чести нашего народа, во-вторых, мы торжественно обещаем теперь более чем когда бы то ни было стремиться к взаимопониманию с европейскими народами и в особенности с нашими соседями на западе... У нас нет территориальных требований в Европе... Германия никогда не нарушит мир».

С точки зрения законов военной логики предприятие было безумным и могло стоить рейху очень дорого. Сам фюрер, неуверенный в успехе, демонстрировал скептически настроенным генералам то бесспорное для него положение, что триумф или поражение не являются следствием, выводом, к которому ведет двухмерная логика военных уставов, а сплошь и рядом результат широких политических обобщений. Выводы фюрера базировались на анализе политики «умиротворения», сыгравшей неоценимую роль в захвате Рейнской зоны, но подлинные перспективы которой только-только раскрывались. В этом и состояло его «преимущество» над генералами.

Нацистские лидеры тщательным образом изучили опыт «рейнской акции» и имели все основания быть им довольны. «Напряженно всматривался Гитлер в тот день на Запад, — вспоминает шеф германской прессы О. Диттрих день рейнского дебюта, — он ждал в течение 24, 48 часов. Когда никакого вмешательства не последовало, он вздохнул свободно... Он разыграл высшую ставку, и он выиграл». Политический успех акции превышал самые смелые ожидания: за 1935—1936 годы Германия перечеркнула основные ограничения Версальской системы.

Французские лидеры стали до известной степени трагической жертвой собственного политического кредо. Имея в руках редчайшие с исторической точки зрения возможности для отпора германским агрессорам, они вопреки здравому смыслу искали решения проблемы в кулуарах Лиги Наций и на Даунинг-стрит. Английское правительство категорически отказалось разделить ответственность французского правительства за судьбу его народа. Совет Лиги Наций не принял никаких мер, оставив Франции единственный путь политического решения вопроса — двусторонние переговоры с Германией. Это было как раз то, что требовалось германской дипломатии, ибо прямые переговоры с Францией означали фактическое признание германского захвата.

Благожелательно отнесся к германской акции и Вашингтон.

Объединенная резолюция конгресса о «нейтралитете» — первый шаг в этом законодательстве, принятый накануне рейнских событий, — окончательно (и надо

сказать, весьма вовремя) оформила позицию США по отношению к происходившему в Европе. Государственный секретарь Хэлл недвусмысленно отказался рассматривать предложенную СССР Лиге Наций идею коллективных санкций против агрессора, призвав «не бить в барабаны преждевременно».

Неспокойно было в столицах стран Восточной Европы.

Намерения гитлеровцев строить линию оборонительных укреплений вдоль границы с Францией, как не без основания заметил в парламенте 26 марта 1936 года У. Черчилль, создавали «барьер, прикрывающий парадную дверь Германии, и это даст Германии возможность предпринимать вылазки на восток и на юг через другие двери». Это обстоятельство являлось для восточных соседей Германии новым аргументом военно-стратегического порядка в пользу того, что отныне Франция не только политически не способна гарантировать независимость стран этого района, она и практически лишена такой возможности.

Успех рейнской авантюры Гитлера был не только сокрушительным ударом по политическим позициям Франции, он знаменовал новый этап в обострении ревизионистских тенденций в Восточной и Юго-Восточной Европе, базировавшихся на старой платформе антисоветизма, направляемых и контролируемых отныне Берлином. Причем грядущие территориальные приобретения гарантировались рейхом, разумеется, обеим соперничающим группам стран. Так, например, Гитлер поддерживал ревизионистские настроения Венгрии против Чехословакии, что совпадало с собственными планами фюрера, в то же время предупреждая о том, «что нецелесообразно слишком много говорить о пересмотре границ, поскольку это настораживает против нас и сплачивает Малую Антанту и ее покровителей». Одновременно германская дипломатия, эксплуатируя территориальные аппетиты стран Малой Антанты, небезуспешно искала пути раскола ее изнутри. В октябре 1936 года Геринг сообщал венгерскому премьеру, что переговоры Германии с Югославией продвинулись далеко и правители этой страны преисполнены решимости выйти со временем из Малой Антанты.

Если возня вокруг «Пакта четырех» была основательным ударом по союзам Франции в этом районе Ев-

ропы и заложила политическую основу самостоятельных двусторонних взаимоотношений Германии с этими странами, то рейнский успех Гитлера, посеяв глубокое неверие в возможности Франции, углубил этот процесс и создал предпосылки для политической изоляции Чехословакии, а затем и прямого участия Польши и Венгрии в античешской агрессии.

Процессы, последовавшие в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, стали составной частью оперативного плана новой войны. В отчете внешнеполитического отдела нацистской партии, возглавляемого А. Розенбергом, с исчерпывающей ясностью говорилось: «...Самое большое внимание было уделено народам и государствам, граничащим с СССР, которые, с одной стороны, образуют санитарный пояс вокруг большевизма, а с другой — представляют собой фланговые позиции германского пространства; в-третьих, эти страны образуют фланговое прикрытие против западных держав, особенно Англии».

Военно-политические уроки марта 1936 года убедительно связал с дальнейшими планами агрессии министр иностранных дел рейха Нейрат. В беседе с американским послом в Париже Буллитом он сказал, что до тех пор, пока на границе с Францией и Бельгией не сооружены укрепления, германское правительство делает все возможное для предотвращения, а не вдохновения нацистского взрыва в Австрии и будет проводить спокойную линию по отношению Чехословакии.

Теперь нацистскому руководству предстояло реализовать военно-политические сдвиги в Европе в новых внешнеполитических актах, с одной стороны, и в дальнейшей разработке оперативных планов войны — с другой.

Составной частью внешнеполитической подготовки рейха был вопрос о создании военно-политического союза, контуры которого ясно выделялись уже в подписании Германией, Италией и Японией антикоминтерновского пакта 1936 года.

10

В жизни фон Риббентропа, внешне элегантного, эффективного и необычайно помпезного человека, природа которого оформилась и совершенствовалась в серии неожиданных удач на поприще торговом и политическом,

произошла осечка: он, посол рейха в Великобритании, был просто-напросто отстранен от переговоров фюрера с Галифаксом в ноябре 1937 года, более того, ему даже не дали толком знать, что происходило во время этих переговоров.

Фюрер не знал иностранных языков, а Риббентроп знал, и неплохо, несколько европейских языков, потому с начала тридцатых годов в почетную задачу Риббентропа входил перевод фюреру нужных английских и французских статей. Когда фюрер ругался, а это со временем стало для самого Риббентропа необходимостью — отчасти потому, что в брани фюрера он черпал, и не всегда безуспешно, кое-какие «идеи», отчасти потому, что он просто не мог переносить молчание этого человека с сомкнутыми губами, с замороженным, всему миру известным магнетизмом маленьких серых глаз, обращенных то к окну, то к глобусу, — Риббентроп молчал.

У самого Риббентропа было к этому времени несколько дурно написанных памфлетов с густым антибольшевистским перегаром и суровой «свежестью национал-социализма». Риббентроп не знал, читал ли патрон его опусы, да и в глубине души страшился этого.

Он мог, не моргая, часами слушать шефа; порой ничего не понимать, сатанея от головной боли, но слушать с должным сосредоточенным вниманием. Надо сказать, что эти головные боли даже приносили свою пользу: обладая неплохой памятью, Риббентроп запоминал некоторые «этюды» шефа и в нужную минуту подсказывал ему как вновь пришедшие ему, Риббентропу, в голову идеи. Означенное совпадение не раз потрясало фюрера.

Организовав собственную внешнеполитическую службу, известную как «бюро Риббентропа», он всеми доступными средствами стремился попасть в орбиту «большой политики»; «бюро Риббентропа» зачастую конкурировало с «отделом» Розенберга, оказывало услуги самому фюреру, минуя аппарат Вильгельмштрассе.

Старания не пропали даром: один из ведущих дипломатических постов рейха — пост посла Германии в Англии — был у него в кармане. Деятельность его на этом посту считалась в Берлине более чем успешной. Правда, Форин-офис смотрел на дело совершенно

иначе. Но не это же должно было беспокоить Иохима фон Риббентропа. В Лондоне он прошел, как считалось, неплохую дипломатическую школу: усовершенствовал язык, максимально (поскольку это было в его силах) ухудшил связи с Даунинг-стрит и Форин-офисом, а главное, довел до высшей степени совершенства свою ни с чем не сравнимую ненависть к этой стране и ее народу.

И вот теперь пришел конец карьере, которой он мог гордиться, — следовало подавать в отставку. Шел декабрь 1937 года.

Он заперся в своем громадном посольском кабинете и несколько дней не отходил от письменного стола. Белым снегом бумаги падали на пол, громоздились на столе, забивались в угол. Посол ползал на четвереньках за отлетавшими листочками и ловил их, как ловят школьницы вылетевшие из ранца листки при первом порыве весеннего ветра. Посол ползал по полу и собирал страницы — их было не менее 80. Посол ловит оживающие и грозные миражи: то был написанный им меморандум о союзниках Германии в грядущей войне...

Вопрос о выборе союзников в 1937 году для Германии был как нельзя кстати, поскольку «большая стратегия» нацизма для завоевания мирового господства была в целом готова; военная машина приведена в действие. С точки зрения перспектив дальнейшего империалистического противоборства союзники Германии в будущей войне тоже вполне определились. Декларацией такого единения между Германией, Италией и Японией был антикоминтерновский пакт. То была прежде всего заявка странам Запада о новом кровавом переделе мира.

Однако между членами антикоминтерновского пакта не было, да и быть не могло, единства по вопросам стратегии и тактики: каждый из участников был нацелен сообразно нуждам своего империализма, и достижение единства и согласованности действий было делом нелегким.

Тем не менее соображения Риббентропа относительно союза с Японией были небеспочвенны. Так, по размышлению ряда видных японских политических деятелей, обсуждавших при встрече нового, 1936 года вопрос о настоящем и будущем Японии, много говорилось о том, что японский, итальянский и германский народы «имеют общую судьбу, ибо они народы без территорий», что

они должны помочь друг другу в завоевании новых территорий и дать совместный отпор Лиге Наций (под которой в Японии подразумевали Англию) и всем тем, кто мешает претворению их экспансионистских планов.

Еще в марте 1935 года Розенберг говорил о том, что Германия и Япония совместно отходят от доктрины XIX века, подчеркнув при этом, что «далекая Япония — первая держава, которая оценила устремления германского возрождения».

А в октябре 1936 года журнал «Дайасиасюги» поместил статью Канокочи Кандзубу «Японская государственная политика и монгольский вопрос». Канокочи Кандзубу попытался проанализировать дальнейшее японское «развитие» с точки зрения геополитических постулатов, и, выходяло, что, если «посмотреть на карту Азии, центр Азиатского континента лежит в Монголии». А далее все как у знакомого нам уже Гаусгофера: «Тот, кто владеет центром Азиатского материка, тот (не более и не менее) будет господствовать над самим Азиатским континентом».

Но все это вряд ли могло заинтересовать Риббентропа, если бы далее не следовало весьма характерное рассуждение: «Создание монгольского независимого государства ускорит следование Тибета по японскому империалистическому пути, и... тогда мы шаг за шагом приблизимся к сердцу Великобритании. Таким образом, наша континентальная политика в конечном итоге образует одну непрерывную цепь вместе с нашей океанской политикой, имея своей целью непосредственное противодействие Великобритании и проводя в жизнь нашу основную государственную политику — создание «мира под восьмиугольной крышей». «В предстоящей японо-советской войне, — писал все тот же автор, — мы должны создать такое положение, которое давало бы нам возможность угрожать жизненным центрам СССР... И это идеальное положение находится на советско-монгольской границе».

Риббентроп вопреки его опасениям вернулся в Берлин рейхсминистром иностранных дел, а документ, который им был выслан ранее, сыграл действительно не последнюю роль в сколачивании реваншистских союзов. Кто может знать, были ли то новые реминисценции последних бесед с фюрером, или меморандум в основном действительно отражал взгляды рейхсминистра, но так

или иначе меморандум пришел в рейхсканцелярию вовремя и имел практическое значение.

Меморандум открывался преамбулой о ревизии статус-кво в Восточной Европе, что может быть достигнуто Германией исключительно с помощью силы. Но такое нарушение статус-кво в Восточной Европе придет в неизбежное столкновение с союзами Франции в Восточной Европе. (Поскольку это писалось до Мюнхена, то, возможно, под этим суждением были известные основания, хотя и сомнительные.) Война с Францией, говорилось далее, неотделима от войны с Англией.

В этом пункте коренились альфа и омега стратегии Риббентропа: французы не будут воевать, если они будут знать, что правительство в Лондоне не склонно поддерживать их. Это условие, по мысли Риббентропа, возможно, если противопоставить Англии превосходящую по силе коалицию. Иными словами, следовало нейтрализовать Англию, и Франция оставит в покое свои союзы. Признав Англию главным противником германской экспансии, Риббентроп рассматривал германо-итальяно-японский союз как эффективный инструмент для того, чтобы связать Англию в Восточной Азии, Средиземноморье и в Европе. Главным условием такой тройной коалиции должна быть ее сплоченность и мощь.

Так дело обстояло в теории. На практике из-за значительных расхождений среди потенциальных союзников дело обстояло сложнее, и в этом рейхсминистру пришлось вскоре убедиться.

В Японии линия водораздела проходила если и не очень четко, то, по крайней мере, у всех на виду. Увязнув основательно в Китае, японские милитаристы меньше всего уповали на союз, какую бы он ориентацию ни носил, и более всего они стремились поправить свои дела в Китае за счет большой войны в Европе. Такой исторический прецедент был в совсем еще недалеком прошлом, и от него у японских милитаристов остались неплохие воспоминания. Японская армия была просто-таки разочарована, когда после Мюнхена не разгорелась большая война. Тем не менее в различных вариациях, но военный союз с Германией и Италией был нужен и Японии, о чем последняя и вела переговоры. Гражданское правительство Японии рассматривало союз против России как вполне достаточный для достижения своих целей в Китае. Военные не прочь были иметь союз и

против западных стран, но и между военными существовали серьезные разногласия: армия и военно-морской флот имели различные интересы.

При встрече нового, 1938 года в поместье Зонненберг у Риббентропа впервые встал вопрос о возможном союзе. Риббентроп спросил японского военного атташе Осиму: а что, если существующие германо-японские связи зацементировать союзом? Осима отослал предложение Риббентропа в генеральный штаб, но ожидаемого ответа не последовало.

Японский премьер тепло поздравил фюрера с аннексией Австрии, но ответа на поставленный рейхсминистром вопрос не дал и в этот раз. Тем не менее германское руководство ждало реакции со стороны Японии, поскольку такой союз был бы первой скрипкой во всей схеме Риббентропа. На Вильгельмштрассе тем временем проходили беспокойные совещания. Риббентроп объяснил, что ошибка совместного выступления Англии, Франции и России не должна быть повторена впредь. Только что назначенный на свой пост статс-секретарь Вейцзекер угрюмо заметил, что Япония может быть привлечена в союз против Англии только в случае большой войны, а если, мол, такая случится, то ее поддержка обеспечена без всякой дипломатической помощи.

В мае Гитлер с Риббентропом посетили Рим, где Риббентроп неожиданно для хозяев и, может быть, для самого фюрера вдруг предложил Италии договор о взаимопомощи как часть тройной коалиции. Реакция итальянцев была близка к замешательству, и, как следовало полагать, из «выстрела» Риббентропа ничего ровным счетом не вышло.

В середине июля Риббентроп, минуя официальные дипломатические каналы, посылает в Рим со специальной миссией графа Гессэ. Здесь Риббентропа ожидает полное фиаско.

Чиано, касаясь предложения Риббентропа, высказался в том смысле, что такие важные инициативы требуют большой предварительной подготовки. «Было бы желательным, — заметил министр иностранных дел Италии, — если бы мое нынешнее замечание впредь имелось в виду в Берлине». Таким образом, Риббентроп не только потерпел полный провал и получил от Чиано отповедь, да и, надо сказать, поставил по меньшей мере в глупое положение своего фюрера, который уж ни-

как не относился к категории людей, способных оставлять такие вещи без внимания.

Итак, в активе у Риббентропа было два провала: один предполагаемый союзник явно медлил с ответом, другой, казалось, более перспективный, не только ответил отказом, но и примерно отчитал Риббентропа.

Что касается запроса Риббентропа, то ответ пришел в Берлин лишь в июне. Осима при очередной встрече с Риббентропом ответил, что Япония согласна подписать консультативный пакт с Германией, направленный против России, но не более того. Это не соответствовало глобальной стратегии Риббентропа, и он вновь предложил Японии пакт о взаимопомощи, направленный не только против России, но и против всех стран, имея при этом в виду Англию, Францию, Россию и, возможно, США.

Вновь Риббентроп уговорил Осиму каким-либо образом связаться с японским генеральным штабом и при этом сделать это с соблюдением самой высокой секретности. Однако, прознав что-то о действиях своего чересчур инициативного военного атташе, посол Японии Того послал депешу императору. Внутриполитическая борьба в Японии между гражданскими властями, военными и военно-морскими силами настолько осложнилась в этот период, что результат жалобы посла императору возымел обратное действие: Того был удален из Берлина и направлен послом в Москву, а Осима стал японским послом в Германии.

Посланный Осимой специальный курьер в Токио Катахара вернулся с документом, который заслуживает подробного рассмотрения. Комитет министров в Токио в целом одобрил проект Риббентропа. Сторонники такого хода событий в Японии могли быть довольны, хотя уступки кабинета здесь носили более чем конъюнктурный характер: положение японской армии в Китае было таково, что конфликт с СССР становился все большей реальностью.

Однако радость Риббентропа была явно преждевременной: «комитет пяти», внутренний кабинет министров, достаточно ясно заявил, что по-прежнему согласен на союз исключительно против Советской России; дипломатическая путаница существенно изменила характер документа. Генеральный штаб, руководимый энтузиазмом и желанием ожидаемого широкого договора с Германи-

ей, информировал генерала Осиму, что предложения Риббентропа приняты. Таким образом, «фикция» как результат деятельности непрофессиональных дипломатов стала на определенное время «составной частью» работы Риббентропа по сколачиванию желаемого союза.

Фатальное недоразумение открылось лишь в январе 1939 года.

Для стратегии Риббентропа это было время потерянных возможностей. Однако морального права сетовать на дезинформацию со стороны Осимы у рейхсминистра не было, ибо блеф был обычным средством его дипломатии...

Затем наступил мюнхенский кризис. Японское правительство сделало из Мюнхена для себя всесторонние выводы. Во-первых, всякая война в Европе в целом хороша, но без участия Японии. Во-вторых, Мюнхен показал даже самым горячим апологетам широкого союза с Германией в Токио, как опасно привязывать себя к военным авантюрам рейха, который в любой момент готов пойти на военное решение кризиса, созданного собственными руками. Мюнхенский кризис означал частичное отступление от первоначальных позиций по вопросу о широком военном союзе с Германией даже среди военных.

Тем не менее заботу о сколачивании блоков Риббентроп не оставлял даже в самые суровые дни мюнхенского кризиса. 30 сентября Риббентроп предложил Чиано соответствующий дополнительный протокол к антикоминтерновскому пакту. Смысл его сводился к тому, что каждая сторона должна иметь свои специфические обязанности в грядущей войне. Союз должен был вступить в силу лишь тогда, когда эти детали будут разработаны. Риббентроп со свойственной ему восторженностью, когда дело доходило до собственных планов, характеризовал это предприятие «как величайшую вещь в мире». Чиано был куда сдержанней.

Поскольку в задуманном военном блоке дело, как тогда еще казалось Риббентропу, оставалось лишь за Италией, он решил нанести визит дуче. В Риме Риббентроп довольно пространно изложил взгляды фюрера на послемюнхенский период международных отношений. Что касается группы «умиротворителей» в Англии и Франции, то, по мнению фюрера, эти силы ослабили свои

позиции, а значит, Англия и Франция возьмут курс на максимальное вооружение. Песня Чемберлена и Даладье спета, и, даже если им бы удалось прийти к соглашению об антигитлеровской коалиции, им уже не удержаться у власти.

Что касается Америки, рассуждал Риббентроп, то «чехословацкий кризис доказал, что Америка такая страна, которая может быстрее всего отступить». Иными словами, США «будут тем сильнее придерживаться изоляционизма, чем ближе наступление войны».

Для Японии с этих пор, импровизировал Риббентроп, целями политики являются не Китай и Россия, но Великобритания, а потому военный союз будет в высшей степени необходим для Японии. Гитлер считает, охотно дезинформировал рейхсминистр итальянских главарей, что, поскольку *Япония теперь предлагает этот пакт* (подчеркнуто мною. — И. А.), его следует принять, потому что в ином случае консервативные силы Японии могли бы заключить пакт с Англией.

Риббентроп был явно в ударе, поскольку до плана, вождеденного и выношенного, казалось, рукой подать.

Чиано и Муссолини, несмотря на все усердие рейхсминистра, вели себя осторожно. Дуче заявил, что он пойдет на военный союз тогда, когда идея созреет и станет необходимостью в массе итальянцев. Сейчас не время... Вот и все, что получил Риббентроп путем своего очередного блицкрига на дипломатической арене. В Риме явно посмеивались в спину удаляющегося рейхсминистра. На Вильгельмштрассе, слава богу, никто не мог возразить его превосходным построениям блоков, которые имели пока лишь тот маленький недостаток, что никем не одобрялись.

Между тем дело переговоров с японцами не продвигалось или, по крайней мере, продвигалось не столь динамично, как того требовали планы Риббентропа. При ближайшем рассмотрении оказалось, что японская экономика в мирное и военное время была тесно связана с экономикой США. Против широкого соглашения с Германией был двор, деловые круги, как выяснилось, и военно-морской флот, а то была широкая база, которая препятствовала предложенному соглашению с Берлином. Военных беспокоили дела в Китае, ход которых все ближе подвигался к советской границе, — здесь могли найти себе дорогу и настроения в пользу предложенного

неограниченного военного пакта с Германией. В Японии шли самые горячие дебаты, в результате которых все более проявлялось нежелание Токио идти на предложение Риббентропа, и только он каким-то образом ухитрился не знать об этом ровным счетом ничего.

С Италией дело приняло прямо-таки комический оборот. Рейхсминистр попросил Осиму нанести визит дуче и убедить того в необходимости заключения взаимного военного пакта, который на родине посла отвергался. Дуче, естественно, посланцу со стороны ответил в том же духе, что и самому Риббентропу.

Однако вскоре, как в плохой драме, вслед за «самозванцем» явился настоящий посол Сиратори, которого в момент визита Осимы в Риме не было. Сиратори при первой же встрече с дуче сообщил, что «он опасается, как бы Муссолини не поверил в то, что Германия и Япония достигли полного согласия, в то время как единственное, что мешает заключению такого соглашения, — это уклонение от него самой Японией». Положение Риббентропа, да и Осимы, было с точки зрения норм дипломатического поведения просто нетерпимым.

Но при всех обстоятельствах следует признать, что Риббентроп родился под счастливой звездой, если, конечно, принимая во внимание характер рейхсминистра, он сам не считал, что счастливая звезда родилась в его Зонненберге в нужный час и при нужных обстоятельствах.

В декабре 1938 мирного года Муссолини, более полугода проявлявший сдержанность по отношению к военному союзу с Германией, решил, видимо, что за последние недели итальянский народ «дозрел» до такого пакта, и объявил о том, что он решил в последние дни 1938 года подписать военный союз с Германией. К этому счастливому для него решению рейхсминистр не имел ровным счетом никакого отношения.

Дуче придавал большое значение слухам о том, что англо-французские приготовления идут полным ходом. Смущал его и предполагавшийся официальный визит Риббентропа в Париж. Содержание предполагавшегося франко-германского договора вызвало беспокойство у итальянского диктатора. Даже ограниченная договоренность между Берлином и Парижем могла дорого стоить итальянской дипломатии.

12 января 1939 года Чиано направил Риббентропу

секретное письмо, которое частично объяснило решение Муссолини. Говоря о решении дуче, он просил не рассматривать этот вопрос как «отражение наших политических отношений с Францией» и просил далее не рассматривать этот шаг в связи с итало-французскими отношениями. «Тунис, Джибути, контроль над железной дорогой Аддис-Абеба — Джибути, а также требование участия в управлении Суэцким каналом со стороны итальянцев — вот первая группа наших разногласий с французами». «Мы, — писал далее Чиано, — за нормальные дипломатические переговоры, в которых мы, однако, не проявим инициативы. Трения между Италией и Францией, — ничуть не смущаясь продолжает министр, — сделали саму идею союза Италии с Германией очень популярной в Италии...»

Гитлеру и Риббентропу, казалось, пришло время собирать обильный урожай, и Риббентроп, не переводя дыхания, принялся за работу.

Изготовление проекта военного соглашения началось на Вильгельмштрассе немедленно. Уже 6 января 1939 года Риббентроп вручил итальянскому послу в Берлине Аттолико проект трехстороннего соглашения.

Первая статья соглашения подчеркивала его оборонительный характер несколько шире, чем он трактовался ранее. Секретный протокол предусматривал тщательно продуманную, но несколько туманную систему объединенных комиссий, которые должны были обеспечить взаимодействие в военной, экономической и пропагандистской областях.

Риббентроп, по понятным причинам, спешил. 28 января должно было состояться торжественное подписание соглашения, и он уверил по телефону Чиано, что к этому времени все будет готово «даже с японской стороны». Но дипломатия Риббентропа, подготовив все до малейшей подробности, в который раз забыла поинтересоваться мнением Токио. Риббентроп лично почти ничего не знал об этой стране; эксперты для него не существовали.

На сей раз дело опять не состоялось: подвели японские военные. Извечные неуспехи в Китае, помноженные на желание армии заключить с Германией широкое военное соглашение, подорвали политическую основу правительства, и 4 января 1939 года кабинет принца Коноэ подал в отставку. Новый премьер Хиранума не

был против договора, но, подобно предшественникам, был предельно осторожен. В течение всего января проблема вновь и вновь изучалась в Токио.

Результатом такого глубокомысленного молчания явилась идея послать в Европу специальную миссию во главе с министром Ито. Осима ожидал беды, ибо мог приблизительно догадываться, что везет с собой Ито. И тогда не в первый раз в своей карьере генерал решился на отчаянный шаг: он объехал всю Европу, уговорив своих коллег в различных столицах Запада поддержать идею заключения с Германией широкого военного соглашения.

Возвратившись в Берлин, Осима, который в отличие от Риббентропа не уподоблял дипломатию карточной игре, но был на свой манер несколько непредусмотрительным и по-своему служил идее японо-германского союза (и надо отметить, значительно эффективнее, чем германский министр), пригласил на свой страх и риск всех японских послов в Европе в Берлин, даже не поставив в известность японское министерство иностранных дел. Всем прибывшим коллегам Осима с порога заявлял, что «Германия и Италия — восходящие звезды Европы» и японскому правительству следует немедленно вступить с ними в широкое военное соглашение. Таков был по-своему верный чести посол генерал Осима.

Тем временем миссия Ито прибыла в Берлин. Делегация, привезенная делегацией Ито, содержала, как и догадывался Осима, созвавший в Берлин «аккредитованных бунтарей», директиву следующего содержания: император хочет видеть лишь ограниченное германское предложение о военном союзе только против СССР, не более того. Все другие государства могут рассматриваться «как цепь взаимных действий» в случае, если они «заражены коммунизмом». Император был непоколебим. Риббентропа охватило отчаяние: время гитлеровских захватов отбивало свои часы, минуты и секунды, а реализация идей, содержащихся в меморандуме Риббентропа, не продвинулась ни на шаг.

30 января в «большую игру» вступил сам фюрер. Выступая в рейхстаге, он заявил, что «антикоминтерновский пакт в определенный день станет основой для кристаллизации групп государств, конечная цель которых — не что иное, как уничтожение угрозы миру и культуре... Японская нация, — продолжал он, — которая на протя-

жени двух последних лет показала нам столько примеров славного героизма, несомненно, борется за дело цивилизации на другом конце земли».

А Осима и Сиратори решились испытать мужество собственного императора. «Предложение ограничить генеральный союз, предполагающее японское присоединение к войне лишь против Советского Союза, несомненно, наложит отпечаток недоверия к Японии, — написали они в Токио. — Это не только противоречит тому, что столько раз было сообщено германскому правительству, но не обрадует даже Италию». В ответ пришла депеша, в которой выражалась озабоченность германским требованием японского вступления в войну при определенных условиях не только с СССР, но и с другими странами. Ведь Япония, говорилось в ней, возможно, будет просто не в состоянии выполнить это эффективно и в нужное время.

Инициативу новой интерпретации намерений вновь взял на себя посол Осима. Он высказался на тот счет, что понял японскую точку зрения таким образом, что Япония, принимая на себя обязательства в принципе, имеет в виду, что размеры и форма этих обязательств могут время от времени меняться. В Токио опять последовал переполох, хотя в этом случае посол вряд ли превысил свои полномочия.

Дело на сей раз усугублялось тем, что американский посол в Японии Грю заявил, что союз стран «оси» сильно воспрепятствует японо-американским отношениям. Этого более всего боялись в Токио. Японии ухудшение отношений с США грозило по меньшей мере энергетическим тупиком. Министр военно-морского флота адмирал Ионаи занял твердую позицию по отношению к давлению армии, сопоставив потенциальные возможности объединенного англо-американского флота. Император и министр иностранных дел Арита также недвусмысленно высказались против союза.

Тяжелой была пресс-конференция, которую дал Арита для низших офицерских чинов армии в середине января 1939 года. Завязшая в военной авантюре, японская военщина требовала широкого военного союза с Германией, поскольку ей это виделось как панацея от многих бед. Но ничто не могло помочь: кабинет запутался в длинной серии компромиссов. Дело кончилось тем, что оба посла просто-напросто отказались передавать нескончае-

мую цепь компромиссных решений японского правительства, суть которых все равно не могла устроить ни Гитлера, ни Риббентропа.

В марте 1939 года последовала гитлеровская оккупация Чехословакии. Тем самым фашистская Германия растоптала просуществовавшее всего лишь полгода мюнхенское соглашение.

Правительство Чемберлена с большим опозданием признало, что «политика умиротворения провалилась». Началось постепенное сближение Англии и СССР, а точнее говоря, начался мучительный поиск общих позиций. Эти события имели, разумеется, коренное значение для «большой стратегии» Риббентропа.

Аппарат Вильгельмштрассе приступил к тщательному изучению возможности такого сближения вообще. Нельзя было не понимать глубокого недоверия Советского правительства после Мюнхена к политике Англии и Франции, которые не просто изолировали СССР. Такая изоляция легко могла толкнуть гигантский ком европейских империалистических противоречий в сторону СССР. Сможет ли Лондон перешагнуть через мрачную историю порочного антисоветского курса, который Англия неизменно поддерживала на протяжении целой эпохи между двумя мировыми войнами? Сможет ли после этого Советское правительство преодолеть барьер недоверия по отношению к Англии? То были непреходящие вопросы германской дипломатии тех дней.

В целом к концу 1939 года нацистскому руководству стало очевидно, что стратегия Риббентропа не принесла ожидаемых результатов. Внешнеполитическое обеспечение войны явно отставало от военно-экономической готовности Германии в целом. Связь между ходом германо-японских переговоров о характере союза и общеевропейской ситуацией стала прослеживаться достаточно ясно. Тщательное и целенаправленное увязывание этих аспектов станет новой тактикой Вильгельмштрассе и существенной коррекцией «стратегии Риббентропа».

«Время обобщений и принципиальных вопросов прошло, — предупреждал рейхсминистр Осиму, — Германия не требует от Японии невозможного, она хочет от Японии интерпретации военного союза в более широком смысле, но эта определенность нужна Германии до

28 апреля, то есть до дня выступления фюрера в рейхстаге».

Теперь ключи от ситуации постепенно переходили в руки Риббентропа, и по вполне понятной причине. В течение двух предшествовавших месяцев Япония захватила Хайнань, развертывая экспансию в южном направлении, что неизбежно вело к ухудшению отношений с Англией и Францией. Япония своей агрессивной в Китае обострила отношения с западными странами и тем самым ставила себя в зависимость от германской мощи. Тем паче, что эта мощь была вновь продемонстрирована вступлением германских войск в Прагу. В Токио творилось что-то невообразимое. Мнение императора отныне формировалось под непосредственным влиянием военных кругов. Премьер Хиранума все более придерживался прогерманских взглядов. В мае «кабинет пяти» решил направить личное послание Гитлеру и Муссолини, в котором просил диктаторов заключить ограниченный союз с Японией с учетом ее экономического и политического положения.

Осима, вновь без консультаций с правительством, заверил своих германских коллег, что Япония будет участником любой войны без всяких ограничений. Казалось, что ныне армия монополично обладала внешнеполитическими позициями. Кабинет министров представлял собой такую политическую чересполосицу и вел такой напряженный поиск новых и новых компромиссов, что в результате стало ясно, что командование армии и министерство иностранных дел придерживаются полностью противоположных взглядов на вещи. Вследствие этого Осима и Сиратори посылались инструкции в высшей степени двусмысленные. Практически это давало строптивым послам полную свободу рук.

Поскольку Гитлеру ничего не было нужно, кроме безоговорочного общего военного соглашения, он вообще терял интерес к этой затее. Что касается рейхсминистра, то он в силу своей амбициозности никогда не выпускал из рук нитей сколько-нибудь важных переговоров. Поэтому бывало, что посол Германии в Токио Отт ровным счетом ничего не знал о переговорах, кроме того, что таковые велись. Он посылал регулярные отчеты о положении в японском кабинете и забавлял чиновников Вильгельмштрассе анализом и наблюдениями, в основе своей почерпнутыми из японских газет. Его

регулярно хвалили и давали волю для всевозможных импровизаций и суждений.

Теряя вместе с фюрером интерес к японским делам, Риббентроп подключил к этому полузаброшенному предприятю своего посла в Токио, к очевидному удовольствию последнего. Именно через Отта Риббентроп принял «ужесточение» германской позиции по вопросу о союзе. «Антикоминтерновские настроения, — писал рейхсминистр послу, — должны быть ограничены преамбулой текста — они не должны появляться в положениях документа. Когда договор будет подписан, единственным последствием его будет тот факт, что в случае нападения на одного из партнеров два других партнера автоматически окажутся в войне.

Это перечеркивало все компромиссные варианты. При ухудшении отношений Японии со странами Запада это звучало весьма зловеще для лидеров всех трех направлений японской правящей верхушки.

И наконец, в конце мая рейхсминистр подготовил весьма значительный ход: он просил Отта сообщить самому Арито, что постоянные ссылки на «ограниченный союз» начинают с неизбежным недоверием восприниматься в Берлине. Можно считать, что практически Риббентроп поставил на вопросе о пакте с Японией точку, и с этих пор шла лишь игра по подготовке пакта с той интенсивностью или пассивностью, которые нужны были рейхсминистру совсем для иных целей.

В марте — апреле 1939 года вопрос об антисоветской преамбуле в предполагаемом, но все менее ожидаемом договоре с Японией постепенно становился просто вредным с точки зрения расчетов Вильгельмштрассе. Англо-советские переговоры, которые вызвали беспокойство Риббентропа и самого Гитлера, казалось, набирали темп. Любое упоминание об антисоветской направленности пакта могло, по мнению Вильгельмштрассе, форсировать их.

В Токио делали свою игру, которая незаметно для самих японских руководителей все далее уводила их в сторону от дел европейских и, следовательно, от забот Риббентропа. Для японского правительства, к примеру, необходимым условием была изоляция Советского Союза на востоке. На этот счет Лондон заверил Японию, что тогдашние переговоры с Москвой ника-

кого отношения к дальневосточной ситуации не имеют. Результатов в Токио не последовало. «Япония, — говорил Арита 9 мая 1939 года, — не может легко относиться к сближению Великобритании и России, даже если это сближение не касается Дальнего Востока... Япония намерена укреплять антикоминтерновский пакт...» Несколько дней спустя тот же Арита сообщил американскому послу, что, если западные державы связали бы себя союзами с Россией, Япония вынуждена была бы ответить на этот вызов соглашением с Германией. Для японского кабинета сложилась драматическая ситуация, грозные очертания которой были уже не за горами.

Свобода действий Англии в Европе, как известно, противоречила стратегии Риббентропа, направленной на нейтрализацию этой страны в первую очередь на Европейском континенте. Москва, по предварительным расчетам гитлеровской дипломатии, обязана была думать о том, чтобы избежать войны с Японией на востоке (к этому времени бои у Халхин-Гола уже начались) и возможности войны на западе в случае неуспеха англо-франко-советских переговоров или других возможных комбинаций. Договор Арита — Крейга, в котором Англия пошла на незначительные уступки Японии, вселил в японских военных уверенность, что ситуация в Китае для них не так уж безнадежна, и весь инцидент, решили они, может быть завершен без союза с Германией.

Нацистское руководство при определении своей внешнеполитической стратегии весной 1939 года учитывало по-прежнему антисоветскую позицию правящих кругов Польши.

В 1933—1939 годах Польша вела политику, направленную на отрыв от традиционных связей с Францией и Англией, запятнала себя участием в мюнхенском соглашении, что свидетельствовало как о прогерманской ориентации Польши, так и о ее антисоветских настроениях. Польский министр иностранных дел Бек называл эту политику политикой «баланса сил», или, иными словами, политикой «эквистриума». Трудно представить, чем реально, кроме весьма неопределенных союзов с Прибалтийскими странами, Бек гарантировал такую политику.

Внешняя политика рейха, тщательным образом ана-

лизирующая ход англо-франко-советских переговоров, уделяла большое внимание позиции Польши, во-первых, потому, что на Вильгельмштрассе хорошо понимали важное стратегическое положение Польши в деле создания реального военного соглашения, направленного на оказание коллективного отпора германской агрессии. Во-вторых, германские лидеры на всех уровнях за шесть лет сотрудничества с польскими руководителями хорошо узнали их неизменный антисоветизм, что в данной обстановке играло в планах нацистского руководства не последнюю роль.

В разгар англо-франко-советских переговоров накануне войны, первой жертвой которой должна была стать Польша, польское правительство было, как никогда, далеко от понимания надвигающихся событий. Инструкция польского министра иностранных дел Бека послан в Лондоне, Париже и Бухаресте гласила: «Сообщаю, что моя беседа в Кракове с министром иностранных дел Румынии дала в результате: 1) подтверждение мнения, что существующие в настоящее время исполнительные обязательства предусматривают только случай советской агрессии; 2) в случае возникновения других проблем гарантийный политический договор 1931 года дает возможность для немедленной разработки этих проблем без необходимости изменения основного договора. Бек».

Но, пожалуй, самое поразительное — это то, что Бек был намерен использовать послемюнхенскую «стабилизацию» для нормализации отношений с СССР, испорченных как раз в результате Мюнхена.

Нацистское руководство было превосходно информировано и о настроениях в английском правительстве относительно заключения совместного с СССР договора против агрессора, и для этого не требовалось каких-либо особых каналов — об этом практически говорила вся правящая элита Великобритании. Самые свежие новости, так сказать из первых уст, можно было услышать в поместье Асторов под Лондоном. А речи английского премьера могли скорее, будь они преданы огласке, послужить поводом для дипломатических осложнений с СССР, нежели содействовать взаимопониманию в те беспокойные времена. «Я должен признаться в своем глубоком недоверии к России, — писал Чемберлен. — Я не верю в ее боеспособность даже сдержать эффективное наступление». Эти настроения, несомненно, улавли-

вались и германскими дипломатами в Лондоне, и тем более германской разведкой.

Между Лондоном и Берлином в ту пору совершала регулярные круизы странная фигура по фамилии Попов. Попов был человеком Розенберга, что, кстати, весьма вероятно, имея в виду давнишние связи Розенберга с эмигрантами из России. Впоследствии Попов переключался в бюро Риббентропа, где занимался различными вопросами по части дезинформации в иностранной печати. Иногда этот человек пописывал в венгерских и литовских газетах. Публиковался он и во «Франкфуртер цайтунг». Он был небезызвестной фигурой и в лондонской журналистской круговерти. Георгий Попов прекрасно изучил маршруты английского премьера. Чаше всего тот проводил свой отдых в поместье родственников в Шотландии. И уж если у английского премьера не было привычки держать язык за зубами в поместье Асторов, то здесь, на приволье, среди своих коллег по рыбной ловле премьер становился вовсе нескромным по части антибольшевистских угроз.

Все поездки Чемберлена на рыбную ловлю как раз в июне — июле месяце интересовали Попова, а точнее, Вильгельмштрассе. То был разгар англо-франко-советских переговоров. Особенно удачливым был этот Попов после отъезда премьера. Тогда он приезжал в данное место половить рыбу и попить пива с местными «пикейными жилетами», которые среди беспорядочных толков и пересудов нет-нет да и сообщали что-то любопытное. Информация, если она того была достойна, передавалась на Вильгельмштрассе. Этой информацией, как утверждает Пауль Шварц в книге «Этот человек Риббентроп», изданной в Нью-Йорке в 1943 году, очень интересовался германский посол в Москве Шуленбург, который не раз запрашивал якобы информацию от «рыбака». Такова легенда, но фактом остается глубокий интерес к переговорам трех держав со стороны Берлина.

Не могло ускользнуть от внимания заинтересованных кругов Германии и то, до какой степени западные политики подчас не разбирались в обстановке. Вот что, к примеру, говорил во французской палате депутатов представитель группы независимых республиканцев Андре де Кериллис: «Режим Советской России, я вас уверяю, мои коллеги, возбуждает во мне отвращение

так же, как и у вас. Но, когда дело идет о том, чтобы определить постоянные законы внешней политики моей страны, я не даю буржуа говорить во мне более сильно, чем патриоту...» И далее, что характерно для французского незнания дел в Восточной Европе: «Король Румынии Кароль, который не является большевиком, и министр иностранных дел Польши Бек, тоже не являющийся большевиком, прекрасно поняли: если хотят объединить восток Европы против Германии, то помощь России — будь она белой или красной — является необходимой...»

Что могли сказать по поводу такого курьеза на Вильгельмштрассе?

Более того, видные французские деятели Фландлен и Шарль Мора совсем уж странным образом для обозревателей в Берлине, приветствуя ликвидацию независимости Чехословакии, утверждали почти в идентичных выражениях, что положение Франции после этого... улучшилось (!). Это невозможно понять даже при «однофазовом» мышлении «умиротворителей». Гитлер завладел после 15 марта 1938 года 1400 самолетами (а Франция только что с большой гордостью купила 700 самолетов), более чем 1000 танками и другими военными материалами для 40 дивизий, которые по оснащенности считались лучшими в мире.

Тот же Кериллис, расстроенный такой глупостью своих коллег, в передовой статье «Эпок» писал 17 марта 1939 года: «Прочтя эти удивительные строки, мой 8-летний сын сказал мне: «Отец! Академик Мора пишет, что именно Муссолини идет спасти Францию — остается только объединиться с ним...» — «Мой мальчик! — грустно отвечал Кериллис-папа. — Академик Мора — наиболее информированный человек во всей Франции. Посольства всего мира находятся с ним в постоянной телефонной связи. Он знает все. С тех пор как он сказал, что Муссолини придет спасать Францию, ты можешь спать спокойно».

То был мрачный юмор, но позиция Фландлена и Мора при всей ее политической близорукости могла бы вызвать действительно смех, если бы в Европе вообще где-либо оставалось место для смеха.

23 мая 1939 года фюрер выступил с программной речью перед военными, где были четко указаны как направление первого удара против Польши, так и обрисо-

вана общая стратегическая обстановка. Риббентроп в этом совещании принимать участия не мог в силу чисто военного характера самого совещания. Однако ясным оставалось одно: вопрос о «нейтрализации» Англии не был решен и фюрер не мог дать ясного ответа, вступит ли в войну Англия или нет.

Словом, спустя более чем полтора года после меморандума Риббентропа внешнеполитическая цель Берлина не достигнута. После этого выступления фюрера внешнеполитические акценты Германии стали проясняться, хотя до разработки действенной внешнеполитической программы было еще далеко. Время шло, не принося желаемых сдвигов в позиции Японии. Тогда все яснее в схеме Риббентропа стал обозначаться иной вариант. С точки зрения воздействия, которое предполагалось Риббентропом на ход англо-франко-советских переговоров военным союзом Германии и Италии, необходимый момент был упущен.

Еще 6—7 мая 1939 года в Риме состоялась встреча Чиано с Риббентропом. Главным вопросом, конечно, был вопрос о подписании двустороннего военного соглашения. Между Чиано и Риббентропом состоялся самый широкий обмен мнениями, главным образом по европейским проблемам. По укоренившейся в гитлеровской дипломатии традиции Риббентроп не сказал и половину правды относительно нацистских приготовлений к войне, и притом в самое ближайшее время. Подыгрывая партнеру, Риббентроп заявил, что «Германия также убеждена в необходимости периода мира, который должен быть не менее четырех-пяти лет. Германское правительство намерено использовать этот период максимально эффективно для подготовки армии как с точки зрения вооружения, так и с точки зрения подготовки кадров... а также сооружения военно-морского флота... который по истечении этого периода должен быть не только велик по тоннажу, но и должен быть очень эффективным с оперативной точки зрения». Надо сказать, что на сей раз дезинформация рейхсминистра не была свойственной ему вообще импровизацией, но была солидно аргументирована. Это должно было как-то успокоить Чиано.

Наиболее интересным в разговоре двух министров был вопрос о Советском Союзе. «Риббентроп выразил уверенность, что благоприятные обстоятельства, суще-

ствующие сами по себе, должны быть использованы, с тем чтобы предотвратить присоединение России к блоку демократических государств, но при этом указал, что выполнение этого шага должно быть произведено с большой осторожностью и умеренностью. Любая преувеличенная прорусская демонстрация имела бы обратную, негативную сторону».

Что касается военного договора, то Риббентроп обещал выслать в ближайшее время черновой вариант такого соглашения для рассмотрения его итальянской стороной. Тем самым постепенно выкристаллизовывалась идея новой «нейтрализации»: Япония оставалась в стороне, с правом присоединения к «Стальному пакту» позднее. Этого и следовало ожидать после провала глобальной схемы, которую привез с собой Риббентроп из Лондона в конце 1937 года. Для германских дипломатов наступила новая пора, и новые задачи с началом англо-франко-советских переговоров требовали разрешения.

А тем временем положение японских войск в сражении на Халхин-Голе становилось все более тяжким. Военные в Токио активизировали поиски широкого союза с Германией. Однако эти поиски все дальше и дальше противоречили интересам Берлина...

Великая Октябрьская социалистическая революция была встречена в штыки правящими кругами империалистических стран. Тем самым Запад на свой лад и в свою пользу пытался разрешить выдвинутую российским Октябрем на первый план в мировой политике принципиально новую, невиданную до того проблему отношений не только между различными, но и противоположными социально-общественными системами. Сколь ни туманным было представление правящих кругов капиталистических стран относительно основ научного социализма, сколь ни поверхностным было знакомство их с мировоззрением большевизма, классовый инстинкт дал сигнал смертельной опасности: российская революция с порога отвергла принципы частной собственности, принципы священные и неприкосновенные, на которых, собственно говоря, и покоились основы западной цивилизации.

Как и на каких принципах и основах будут складываться отношения между Республикой Советов и окружающими ее капиталистическими странами? Ответ на этот вопрос сразу же приобрел для Советской страны первостепенное значение, ибо от него в огромной степени зависела правильная оценка перспектив завоеваний Октября, достижение поставленных партией Ленина целей — построения в нашей стране социализма и коммунизма, а также весь ход борьбы и соревнования двух мировых общественных систем — социалистической и капиталистической. «...С самого начала Октябрьской

революции, — говорил В. И. Ленин, — вопрос о внешней политике и международных отношениях встал перед нами, как самый главный вопрос...»¹ Особая острота его определялась и тем, что в годы, когда Страна Советов, по выражению В. И. Ленина, находилась в «международном одиночестве», это был вопрос о жизни и смерти революции, о самом существовании рожденного ею нового общества.

Ответ на этот вопрос дал В. И. Ленин. Основатель Коммунистической партии и Советского государства, опираясь на кардинальные положения К. Маркса и Ф. Энгельса о международной политике рабочего класса, разработал принципы, формы и методы советской внешней политики, создал научно обоснованную внешнеполитическую программу Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства. При этом В. И. Ленин неизменно ставил вопросы международных отношений и внешней политики в прямую связь с революционной теорией и практикой, рассматривал их в органическом единстве с классовой борьбой, развитием международного рабочего и национально-освободительного движения.

Творчески развивая в новых исторических условиях марксистскую теорию социалистической революции. В. И. Ленин в ряде произведений, написанных еще в дооктябрьский период — «О лозунге Соединенных Штатов Европы», «Военная программа пролетарской революции», «Задачи революции», «Внешняя политика русской революции» и др., — доказал, что в силу неравномерности экономического и политического развития капитализма на империалистической стадии его развития социалистическая революция победить одновременно в большинстве стран не может. «Революция, — указывал В. И. Ленин, — может состоять и, вероятно, будет состоять из долголетних битв, из нескольких периодов натиска, с промежутками контрреволюционных судорог буржуазного строя»².

Смена капитализма социализмом — и это подтверждено всем ходом мирового революционного процесса за последние шестьдесят лет — представляет собой целую историческую эпоху, на протяжении которой на нашей

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 153.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 57.

планете одновременно существуют государства, представляющие два противоположных мира — крепнущего социализма, которому принадлежит будущее, и разьедаемого острейшими внутренними противоречиями, идущего к своей неизбежной гибели капитализма. Тот факт, подчеркивал В. И. Ленин, что в течение длительного исторического периода будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства, — не случайность, а объективная историческая закономерность.

Это величайшее открытие было положено В. И. Лениным в основу теории и практики внешней политики социалистического государства в современную эпоху — эпоху перехода человечества от капитализма к социализму. В. И. Ленин теоретически и практически доказал возможность и необходимость мирного сосуществования социалистических и капиталистических государств, несмотря на наличие глубочайших антагонистических противоречий, разделяющих социализм и капитализм.

Идея мирного сосуществования бесконечно далека от простого политического прагматизма, как нередко пытаются представить дело на Западе. Теоретически возможность мирного сосуществования стран с различными общественно-политическими системами родилась и была развита В. И. Лениным в едином русле учения об империализме и социалистической революции.

Диалектическому мышлению В. И. Ленина вместе с глубиной проникновения в суть явлений, его анализом и выводами, базирующимися на всестороннем и взаимосвязанном изучении проблем, был присущ редкий дар сопоставления научных абстракций с каждодневной действительностью. Предполагая, что практика богаче всякой теории, он был способен, не поступаясь принципиальным и существенным в теоретическом обобщении, вместе с тем видеть во всей полноте живую реальность дня. Когда свершилась предсказанная им социалистическая революция в России, Ленин требовал дальнейшего тщательного изучения расстановки классовых сил на Западе, с тем чтобы внешняя политика молодого Советского государства могла в полной мере опираться на оба важнейших внешнеполитических принципа: принцип мирного сосуществования и принцип интернационализма.

У В. И. Ленина никогда не было ни малейшего сомнения в том, что объективно неизбежна самая острая и

упорная борьба между старым, исторически обреченным строем и новым общественным строем. Однако В. И. Ленин исходил из того, что главное, определяющее противоречие современной эпохи — противоречие между социализмом и капитализмом — не должно и не может быть разрешено с помощью войн. Оно может и должно быть разрешено мирными средствами, не на полях сражений, а на плацдармах политической и идеологической борьбы, экономического соревнования, соревнования в области совершенствования образа жизни, способности решать важнейшие общечеловеческие проблемы. С победой Октябрьской революции, указывал В. И. Ленин, «борьба перенесена во всемирном масштабе» на попроще хозяйственного строительства, «сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой»¹.

Этот смысл мирного сосуществования понимали и понимают и наиболее дальновидные представители буржуазного лагеря. Так, видный политический деятель США, бывший председатель комиссии сената по иностранным делам У. Фулбрайт пишет в своей книге «Перспективы для Запада»: «Действительные спорные вопросы между двумя находящимися в конфликте цивилизациями будут разрешены не на границах, где эти цивилизации противостоят друг другу, и не путем прямого воздействия одной цивилизации на другую, а в ходе тех процессов, которые разворачиваются внутри каждого из этих обществ... Окончательное решение спора между двумя соперничающими системами будет зависеть от того, какая система наиболее успешно удовлетворяет материальные и духовные потребности человека».

В условиях неизбежного и закономерного противоборства социализма и капитализма единственно правильной внешней политикой социалистического государства по отношению к капиталистическим странам может быть курс на мирное сосуществование. Только такая политика призвана создать максимально благоприятные условия для успешного осуществления грандиозных задач социалистического строительства и для развития мирового революционного процесса.

Принципиальная основа отношений Республики Советов с капиталистическими странами была определена

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 341.

в первом внешнеполитическом акте Советского правительства — Декрете о мире, написанном В. И. Лениным и принятом II Всероссийским съездом Советов 8 ноября 1917 года. В этом историческом документе выражена готовность Советского правительства вступить в переговоры со всеми капиталистическими странами с целью установления справедливого, демократического мира, что, по В. И. Ленину, означает формирование международных отношений, построенных на общедемократических принципах. Принцип мирного сосуществования неизменно лежит в основе всей политики Советского государства по отношению к капиталистическим странам.

Декрет о мире был широкой политической декларацией, его идеологическое значение неопределимо, ибо то была позиция большевистского правительства России по самому злободневному вопросу дня: требование мира немедленного, равноправного и справедливого, мира без аннексий и контрибуций. Его практическое значение было громадным, поскольку измученным трехлетним кровопролитием народам мира был указан ясный и единственно верный путь выхода из затянувшейся империалистической бойни. Декрет о мире не был ни «импровизацией», ни «маневром», как это нередко представляют буржуазные исследователи вопроса, и не имел ничего общего с абстрактным пацифизмом, а был политической декларацией, которая вытекала из самой сущности ленинизма и отражала стремление широчайших народных масс к миру по обе стороны тысячекилометровых траншей империалистической войны.

В документе конкретизировались многие аспекты ленинской идеи мирного сосуществования. Осуждение империалистической войны, отказ от агрессии, исключение тайной дипломатии и утверждение принципа самоопределения нации — таковы были краеугольные камни ленинской политики мирного сосуществования, которая предполагает, что его участниками являются государства двух противоположных общественных систем.

2

Закономерно возникает вопрос: а не действуют ли в буржуазном лагере факторы, порожденные классовой сущностью буржуазных государств и их правительств,

которые ставили бы непреодолимый барьер на пути «мирного сожительства», мирного сосуществования социалистических и капиталистических государств на мировой арене? Классовая сущность империализма остается неизменной. Отсюда постоянная борьба, противостояние миру социализма, стремление сохранить систему капиталистической эксплуатации и грабежа. Пока существует империализм, будет существовать и эта тенденция, требующая от стран социализма быть готовыми к отражению возможной империалистической агрессии.

В то же время, подчеркивал В. И. Ленин, в самом капиталистическом мире имеются важные объективные и субъективные факторы, действующие в пользу мирного сосуществования, развития мирных обоюдовыгодных отношений с социалистическими странами.

Серьезным фактором, способствующим мирному сосуществованию, является поддержка политики, основанной на этом принципе, трудящимися, самыми широкими кругами населения капиталистических стран. Укрепление мира и международной безопасности в полной мере отвечает их коренным интересам. Мощное движение трудящихся Англии, Франции и США, развернувшееся под лозунгом «Руки прочь от Советской России!» в годы иностранной военной интервенции, означало и поддержку ими первого в мире социалистического государства, и активное выступление в защиту мира, мирного сосуществования.

Обострение межимпериалистических противоречий, ожесточенная борьба между империалистическими центрами экономического соперничества, углубление всеохватывающих кризисных явлений приводят к тому, что проблемы рынков сбыта, загрузки производственных мощностей и обеспечения занятости приобретают для промышленно развитых капиталистических стран весьма длительный характер. В силу этого правящие круги буржуазных стран заинтересованы в развитии экономических связей с социалистическими государствами, и эта заинтересованность имеет объективную природу.

Ускоряется всеобщий процесс интернационализации хозяйственной жизни. В современных условиях ни одна страна не может отгородиться от тех изменений в производстве и науке, которые происходят в мире. Экономический прогресс каждой страны неотделим от ее участия в мировом обмене материальными и духовными

ценностями. С полным основанием В. И. Ленин писал: «Есть сила бóльшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами»¹.

Использование объективных потребностей капитализма в расширении мировых хозяйственных связей является, несомненно, важным и долгосрочным фактором внешней политики социализма в историческом соревновании двух социальных систем. Экономические и научно-технические связи, деловое сотрудничество государств, принадлежащих к различным общественным системам, составляют материальную основу мирного сосуществования. Они создают определенные гарантии против нарушения империалистическими странами «мирного сожительства» под влиянием исторически преходящих или случайных причин.

Осуществление на практике социалистическим государством внешней политики, подчеркивал В. И. Ленин, связано с необходимостью самого тщательного анализа расстановки экономических, социальных и политических сил в капиталистическом мире, тех противоречий, которые объективно существуют и не могут не существовать при капитализме. Наряду с тенденцией к интернационализации хозяйства капиталистических стран, к сближению их политических курсов на почве совместной борьбы против сил социализма и прогресса существует, подчеркивал В. И. Ленин, «глубочайшая неискоренимая рознь экономических интересов между империалистическими странами»². Отсюда вытекают различия во внешнеполитических тенденциях и противоречивые устремления капиталистических стран. Наряду с тенденцией к нажиму и давлению, вплоть до военного, на социалистические страны существует тенденция к развитию и укреплению мирного сотрудничества.

Внешняя политика Советского государства, давая решительный отпор агрессивным проискам империализма, естественно, использует наличие этих противоположных тенденций. Она неизменно направлена на то, чтобы всемерно поощрять стремление капиталистических стран к

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 304—305.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 94.

торговле и сотрудничеству с социалистическими странами, изолировать агрессивные круги в буржуазных государствах, не допустить создания общего фронта враждебных социализму капиталистических стран, крепить мир и международную безопасность. При этом советская внешняя политика постоянно имеет в виду предупреждения В. И. Ленина о том, что речь идет об использовании не поверхностных, а глубинных противоречий мира капитализма. «Политически, — писал он, — мы должны использовать разногласия между противниками, и только глубокие разногласия, объясняемые глубочайшими экономическими причинами. Если мы попытаемся использовать разногласия мелкие, случайные, мы попадем в положение мелкого политика и дешевенького дипломата. Но на этом ничего серьезного сыграть нельзя. Дипломатов, играющих на этом, громадное количество, они играют несколько месяцев, делают себе карьеру, а потом летят»¹.

Весной 1918 года У. Черчилль так оценивал положение в мире: «Необъятные завоевания, совершенные Германией в России, ненависть и проклятье, которое большевики встретили среди союзников, вполне могли создать для Германии возможность пойти на территориальные уступки Франции и предложить Великобритании полное восстановление Бельгии». Такими выделялись контуры империалистическому политику тех лет. За такой сделкой на основе «ненависти» и «проклятий» по адресу Советской России неминуемо следовало ее уничтожение.

И если этого не последовало, то, уж конечно, не потому, что несговорчивый Людендорф вместо подобной сделки почему-то предпринял новое наступление на западе, а потому лишь, что империалистические противоречия были непримиримы, и именно это обстоятельство учитывал В. И. Ленин на протяжении всего периода борьбы за Брестский мир.

В тот период важнейшей теоретической и политической проблемой был вопрос о всестороннем анализе главного противоречия империализма, обостренного империалистической войной, — противоречия между трудом и капиталом, иными словами, анализе классовых

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 60.

боев на Западе, их характера и проблемы конкретных выводов относительно значения подъема революционного движения в Германии и других западных странах. Следуя «абстрактной логике» «левых» коммунистов, формально верной с точки зрения конкретного развития уже свершившейся революции в России, следовало пожертвовать революционными завоеваниями российского пролетариата ради победы социалистической революции в Германии, ибо последняя была страной высоко развитого империализма и более организованного и сознательного пролетариата.

Однако здесь история конкретно поставила задачу, решение которой было под силу лишь могучему политическому гению В. И. Ленина. Способность рассмотреть общую перспективу развития, не порывая с существенным и важным в теории при самых крутых и неожиданных поворотах истории, — вот основы того реализма Ленина, реализма, признанного позднее самими непримиримыми врагами ленинизма, реализма строго научного предвидения. В те январские дни 1918 года, овеянные романтикой побед достигнутых, а еще более побед грядущих, отмеченных долгожданными вестями о подъеме революционного движения на Западе, особенно в Германии и Австрии, казалось просто невероятным отличить кажущееся от действительного, желаемое от реального, воображаемое от фактов.

Следуя ленинским указаниям, советская внешняя политика учитывает не только наличие межимпериалистических противоречий на мировой арене, но и наличие подобных же тенденций, разногласий в правящих кругах каждой из капиталистических стран. Эта борьба по внешнеполитическим вопросам является отражением общих противоречий внутри правящего буржуазного класса: между военно-промышленными кругами и другой частью буржуазии и т. д. В. И. Ленин предупреждал против недооценки значения подобных различий. «Расхождения между Черчиллями и Ллойд Джорджами, — писал он, — эти политические типы есть во *всех* странах, с ничтожными национальными различиями, — с одной стороны; затем, между Гендерсонами и Ллойд Джорджами, с другой, совершенно неважны и мелки с точки зрения чистого, т. е. абстрактного, т. е. недозревшего еще до практического, массового, политического действия, коммунизма. Но с точки зрения этого

практического действия масс, эти различия крайне, крайне важны»¹.

В связи с этим В. И. Ленин ориентировал советскую дипломатию проводить четкую разграничительную линию между агрессивными и неагрессивными группировками буржуазии. «...Нам не безразлично, — указывал В. И. Ленин на XI съезде партии, — имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму...»² В. И. Ленин учил быть особенно бдительными к проискам агрессивных кругов буржуазии, но в интересах мира поддерживать пацифистов в другом, то есть буржуазном лагере, «сделать все возможное и кое-что невозможное для того, чтобы усилить пацифистское крыло буржуазии»³, усилить давление этого пацифистского крыла на политику капиталистических стран, использовать каждую возможность, чтобы привлечь на свою сторону союзников, пусть даже временных.

Советская внешняя политика в интересах мира всегда идет на соглашения с теми капиталистическими странами, которые готовы принять платформу мирного сосуществования, в противовес тем кругам и группировкам в мире капитализма, которые придерживаются политики «с позиции силы» и проводят агрессивный курс. При этом, естественно, советской дипломатии чужда политика разжигания противоречий между странами и народами и втягивания их в конфликты.

Конечно, утверждение в международных отношениях принципа мирного сосуществования не может прийти автоматически, стихийно, само собой. Требуются целенаправленные, активные, последовательные действия социалистической дипломатии, умение проводить такую внешнюю политику, которая искусно сочетает принципиальность, твердость, решимость с гибкостью и осторожностью. «Кто думал, что мира достигнуть легко, — предупреждал В. И. Ленин, — что стоит только лишь заикнуться о мире, и буржуазия поднесет его нам на тарелочке, тот совсем наивный человек»⁴.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 80.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 70.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 407.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 116.

«Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики, — писал В. И. Ленин С. Г. Шаумяну в мае 1918 года. — Сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию... и мы победим»¹. Этим ленинским заветам внешняя политика КПСС и Советского правительства неизменно верна. Твердый отпор агрессии неизменно сочетается в нашей политике с конструктивной линией на урегулирование назревших международных проблем, на поддержание нормальных, а где позволяет обстановка, — хороших отношений с государствами.

В. И. Ленин постоянно подчеркивал, что история обычно идет зигзагообразным путем и социалистическому государству при практическом осуществлении его внешней политики необходимо считаться с самыми запутанными и причудливыми ее поворотами. «Всякий зигзагообразный поворот истории, — писал В. И. Ленин, — есть компромисс, компромисс между старым, уже недостаточно сильным для полного отрицания нового, и между новым, еще недостаточно сильным для полного свержения старого»².

Социалистическое государство, указывал В. И. Ленин, может и должно при определенных условиях использовать компромиссы и соглашения со своими противниками для облегчения и ускорения победы над классовыми врагами. «...Сторонник пролетарской революции, — писал В. И. Ленин, — может заключать компромиссы или соглашения с капиталистами. Все зависит от того, *какое* соглашение и *при каких обстоятельствах* заключается»³. Все дело в том, чтобы компромисс, заключенный социалистическим государством, шел на пользу социализму, отвечал коренным, общим интересам международного освободительного движения, интересам прогрессивного развития человечества, интересам сохранения мира. «Задача истинно революционной партии не в том, чтобы провозгласить невозможным отказ от всяких компромиссов, — учил В. И. Ленин, — а в том, чтобы *через все компромиссы*, поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче, своему делу подготовки революции и воспитания масс народа к победе в революции»⁴.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, с. 73—74.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 9.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 289—290.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 133.

В. И. Ленин считал величайшим искусством умение правильно определить характер того или иного компромисса, умение найти предел, дальше которого идти нельзя, не рискуя нанести ущерб делу. Из практики дипломатической деятельности В. И. Ленина известно, как он умело сочетал необходимые своевременные уступки с твердостью, когда противная сторона предъявляла чрезмерные требования. Обязательным условием соглашений с капиталистическими странами, предупреждал В. И. Ленин, должно быть получение «более или менее равноценных уступок со стороны международной буржуазии по отношению к Советской России или по отношению к другим отрядам международного, борющегося с капитализмом, пролетариата»¹. В то же время В. И. Ленин, допуская принципиальную возможность уступок со стороны социалистического государства, считал абсурдом линию на получение односторонних выгод, без учета политики и стремлений другой стороны. «Если обе стороны, — указывал В. И. Ленин, — ничего не выигрывают, то компромисс надо признать невозможным, и тогда не к чему говорить о нем»².

Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина дает образцы мастерского использования компромиссов в долговременных стратегических интересах социалистического государства, развития мирового революционного процесса. Достаточно вспомнить такие акции руководимого В. И. Лениным Советского правительства, как Брестский мир, заключение договоров о предоставлении концессий иностранным фирмам, предложения и программы, выдвинутые на международных конференциях в Женеве и Лозанне.

Конечно, никакие международные соглашения не могут ни устранить, ни изменить существа коренного классового антагонизма, разделяющего социализм и капитализм. Основные противоречия между ними, естественно, остаются и в обстановке утверждения принципа мирного сосуществования в отношениях между социалистическими и капиталистическими государствами, находят выход в политических, экономических и идеологических формах борьбы.

В. И. Ленин исходил из того, что с выходом социа-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 142.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 136.

лизма на мировую арену борьба за мир, мирное сосуществование социалистических и капиталистических государств, выражая насущные интересы рабочего класса и всех трудящихся, является не чем иным, как специфической формой классовой борьбы социализма с капитализмом.

3

Коммунистическая партия Советского Союза, Советское правительство в своей международной политике всегда исходят из коренных интересов советского народа, интернационального революционного долга перед братскими социалистическими странами, народными массами, борющимися за социальное и национальное освобождение, трудящимися, прогрессивными силами всего мира. Коммунистическая партия Советского Союза строго выдерживает классовый характер своей внешней политики. Проблемы борьбы за мир она решает не пацифистски, а с учетом неизбежности революционных перемен в мире, с постоянной готовностью оказать практическую поддержку тем, кто борется за национальное и социальное освобождение. «Вне связи с революционной классовой борьбой пролетариата, — говорил В. И. Ленин, — борьба за мир есть лишь пацифистская фраза сентиментальных или обманывающих народ буржуа»¹.

Внешняя политика Советского государства — политика классовая по своим принципам и целям, внешнеполитический курс СССР неизменно носит принципиально классовый, революционный, интернациональный характер. «Наша внешняя политика, — говорит Л. И. Брежнев, — была, есть и будет классовой, социалистической по своему содержанию и целям»².

В. И. Ленин постоянно ставил пролетарский интернационализм во главу угла проведения внешней политики Советского государства, однако видел его в том, чтобы «решать вопросы... исключительно с точки зрения наилучших условий для развития и укрепления социалистической революции, которая уже началась»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 33.

² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, с. 66.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 247.

Ярким принципом неразрывной связи пролетарского интернационализма с борьбой за упрочение мира во внешней политике Советской страны является борьба В. И. Ленина и партии большевиков за заключение Брестского мира.

Решающим фактором ленинской политики, направленной на заключение Брестского мира, был ее глубокий, очищенный от всех оттенков «революционной романтики» реализм, базирующийся не на прагматических импульсах текущего момента и не на отвлеченном пацифизме, а на анализе тех объективных факторов, которые создались на основе развития основных законов империализма на первом этапе его общего кризиса. Каковы же согласно ленинскому анализу были эти факторы и из каких объективных законов они вытекали?

Во-первых, ленинизм на основе всестороннего анализа социально-экономических корней империализма подчеркивал органическую связь финансового капитала и монополий, их губительное единство, сделал важнейший вывод о необходимости империалистических войн, поскольку «колоннальная политика капиталистических стран закончила захват незанятых земель на нашей планете»¹. Империалистическую политику войн ленинизм выводит из всей совокупности противоречий, присущих империализму, а не из простого стремления капиталистических стран к аннексиям и колониальным захватам, что было характерно для Каутского и прочих лидеров II Интернационала.

Во-вторых, когда социалистическая революция в России совершилась, В. И. Ленин дал обстоятельный анализ ее развития, конкретно указав, что Советское государство не вырывается «полностью из той или иной империалистической связи»². Потому что оно не могло махнуть рукой на обе империалистические группировки, особенно в тот момент на германский империализм, бросить лозунг «ни войны, ни мира», а в проведении практической политики придерживаться линии Троцкого: фронт открыть, армию демобилизовать, но мира не подписывать. В. И. Ленин отчетливо понимал, что социалистической революции в России, Советскому государ-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 374.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 247.

ству неизбежно придется вступать в определенные отношения с империалистическим миром, а в конкретной исторической обстановке — в отношении сепаратного мира с Германией.

В-третьих, В. И. Ленин тщательно анализировал конкретную историческую обстановку. Принципиальные черты социалистической внешней политики — интернационализм и борьба за условия мирного существования для СССР. Обе стратегические задачи осуществлялись с максимальной полнотой и взаимообусловленностью, которые определялись необычайно тяжелыми условиями развития русской революции. В противовес этому «левые» коммунисты и троцкисты, исходя из абстрактной революции и идеи «интернационализма» вообще, игнорируя конкретный анализ событий, ставили судьбу социалистической революции в России на грань катастрофы.

Главное, что в эти тяжелые месяцы сумел разглядеть В. И. Ленин, что в корне отличало его позицию от позиции его оппонентов, — это то, что с рождением Советской России появилось коренное, невнутриимпериалистическое, антагонистическое, основное противоречие эпохи — противоречие между социализмом и империализмом, противоречие, которое не только намертво связано с внутриимпериалистическими противоречиями, но и многообразно с точки зрения форм его реализации. Одной из основных форм решения этого противоречия будет арена международной борьбы, или, говоря иными словами, классовая борьба будет перенесена в область международных отношений. Этой борьбе, как ясно видел В. И. Ленин, русскому пролетариату предстояло упорно учиться.

Стремление разорвать диалектическую связь основополагающих ленинских принципов социалистической внешней политики — пролетарского интернационализма и мирного сосуществования — как раз и лежало в попытках троцкистов и «левых» коммунистов свернуть внешнеполитический курс Страны Советов на путь авантюризма и в конечном счете капитулянтства перед империализмом. Яростные атаки на принцип мирного сосуществования троцкисты и «левые» коммунисты прикрывали демагогическими заявлениями о том, будто бы даже сама гибель Советской Республики в вооруженной схватке с силами империализма воодушевит трудящие-

ся массы капиталистических стран на революционные действия.

В. И. Ленин, отстаивая принципы социалистической внешней политики, показал, что авантюристическая позиция троцкистов и «левых» коммунистов свидетельствует о полном игнорировании ими законов общественного развития. Марксисты-ленинцы никогда не считали, будто военная мощь должна быть прямым орудием изменения социального статус-кво в мире. Такая примитивизация сложнейших объективных социальных взаимосвязей между внешнеполитической линией Советского государства и мировым революционным процессом свойственна схеме вульгарного антикоммунизма и направлена на дискредитацию советской внешней политики и ее принципов.

Переход от капитализма к социализму совершается не в результате вмешательства извне, «подталкивания» революции, а в итоге созревания внутренних экономических, социальных и политических условий социалистической революции. «Никакая сила, — писал В. И. Ленин, — не разрушила бы капитализм, если бы его не подмыла и не подрывала история... Господство капитализма прекратить было бы невозможно, если бы к этому не вело все экономическое развитие капиталистических стран»¹. Никакие войны, никакие внешние факторы сами по себе не могут породить революцию — для этого необходимы определенные внутренние условия — глубокий общенациональный кризис, наличие революционной ситуации. Революция, указывал В. И. Ленин, не может «родиться в чужой стране по заказу, по соглашению»², не «экспорт революции», а углубление общего кризиса капитализма, обострение его социальных противоречий, усиление гнета трудящихся вызывают борьбу широких народных масс, и прежде всего рабочего класса, за свои права, за социальное освобождение.

В статье «Странное и чудовищное», полемизируя с «левыми», В. И. Ленин писал: «Может быть... интересы международной революции требуют *подталкивания* ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир, способный произвести на массы впечатле-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 99.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 457.

ние вроде «узаконения» империализма? Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции. Подобная теория была бы равносильна взгляду, что вооруженное восстание есть форма борьбы, обязательная всегда и при всяких условиях. На деле интересы международной революции требуют, чтобы Советская власть, свергнувшая буржуазию страны, *помогала* этой революции, но *форму* помощи избирала соответственно своим силам»¹. В. И. Ленин подчеркивал, что мировой революции надо помогать, и тут же добавлял: «Ей надо *уметь* помогать»².

Мировой социализм оказывает революционизирующее воздействие уже самим фактом своего существования и развития, успехами социалистического и коммунистического строительства. Это воздействие испытывает на себе и сфера международных отношений, где отражаются объективные закономерности возрастания роли социализма в современном мире, изменения соотношения сил двух социально-экономических систем в пользу социализма. Вместе с тем внешняя политика Советского Союза влияет на международную обстановку и непосредственно. Оба эти процесса взаимодействуют друг с другом, в них проявляется значение социализма в исторических судьбах человечества.

Примечательно, что наиболее дальновидные буржуазные деятели видели классовый революционный смысл политики мирного сосуществования уже в первые годы жизни Советского государства и понимали, что последовательное осуществление политики мира является важнейшим условием не только будущего этого молодого государства, но и того революционного движения, порождением которого оно явилось и идеи которого провозгласило. «Вопрос о том, окажет ли русская революция, — писал премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж, — такое же влияние, как французская, или ее влияние на судьбу человечества будет еще большим, зависит от одного. Это будет зависеть от того,

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 403.

² Там же, с. 396.

сумеют ли вожди революции продолжать свое движение на путях мирного развития или же энергия революции будет израсходована зря и она будет отклонена от своей цели войной. Если Россия не будет вовлечена в войну, то революция станет одним из величайших факторов, определяющих судьбы народных масс во всех странах, которые когда-либо пришлось наблюдать или испытывать человечеству».

Утверждение в отношениях между социалистическими и капиталистическими государствами принципа мирного сосуществования В. И. Ленин прямо и непосредственно увязывал с ростом могущества социализма как общественной системы, изменением соотношения сил в ходе мирового противоборства двух систем в пользу социализма. В связи с этим для каждого периода в соревновании и борьбе двух систем характерна и определенная степень развития политики мирного сосуществования в отношениях между государствами двух систем.

Начало противоборства двух систем было положено победой Великой Октябрьской социалистической революции. В период от победы Октября до образования мировой системы социализма задача социализма, представленного Советским Союзом, заключалась в том, чтобы сохранить и укрепить новый общественный строй в обстановке капиталистического окружения, практически доказать принципиальные преимущества социалистического способа производства, упрочить материальную базу мирового революционного процесса. Как известно, с этими задачами советский народ под руководством Коммунистической партии успешно справился.

Однако на этом этапе степень воздействия социализма на международные отношения была еще ограниченной по своим масштабам. Социализм, существующий в одной стране, еще был не способен, как об этом говорил В. И. Ленин, «определять всемирную политику»¹. Конечно, в ту пору речь не могла идти об исключении войн из жизни народов. Как великий реалист, В. И. Ленин понимал, что при сложившемся в тот период соотношении сил империалистические державы

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 165.

революционную Россию в покое не оставят, что завоеванный в тяжелой борьбе мир будет лишь «отсрочкой в войне», лишь мирной передышкой. Но как долго продлится эта передышка, жизненно важная для самого существования первого в мире социалистического государства, для темпов развития мирового революционного процесса в целом, зависело в немалой степени от искусства и мудрости внешней политики Коммунистической партии Советского Союза, вооруженной научным марксистско-ленинским знанием законов развития общества, опирающейся на поддержку народов Советского Союза, прогрессивных миролюбивых сил за рубежом.

Мировая передышка продолжалась двадцать лет. За эти годы Советская страна не раз была на волосок от военного столкновения с империалистическими державами. Но советской дипломатии, твердо и последовательно отстаивавшей принцип мирного сосуществования, удавалось срывать планы агрессивных империалистических кругов. Так было в 1923 году, когда обстановка стала взрывоопасной в связи с ультиматумом, предъявленным Советскому Союзу министром иностранных дел Великобритании Керзоном. Так было в 1927 году, когда после целой серии провокаций — налет на помещение англо-советского общества «Аркос» в Лондоне, нападение на посольство СССР в Китае, убийство советского полпреда в Польше П. Л. Войкова — Советский Союз оказался на грани новой империалистической интервенции.

Так было и в 1939 году, когда стало ясно, что Англия и Франция не хотят идти на эффективное сотрудничество с Советским Союзом, а строят свою политику в расчете на достижение сговора с фашистским агрессором.

Теоретически, с точки зрения большой исторической ретроспективы, максимальное обострение противоречий между двумя империалистическими блоками в канун второй мировой войны объективно создавало благоприятные возможности советской дипломатии для использования глубинных противоречий империализма, аккумулярованных мировой капиталистической системой на первом этапе общего кризиса капитализма. Практически, то есть в текущей политике, проблема конкретных мероприятий не сводилась, разумеется, к анализу теку-

шей информации, какой бы полной она ни была. Анализ расстановки сил на каждый данный момент предполагает строгий учет тенденций развития политических, экономических и других противоречий империализма, а это возможно лишь при глубоком изучении развития этих противоречий на большом историческом фоне, каким в данном случае является период развития версальских противоречий. Советская дипломатия накопила за более чем 20-летний период борьбы на мировой арене богатый опыт такого анализа.

Советская дипломатия, действуя по-ленински смело, решительно и умело, сорвала попытки образования единого антисоветского фронта. Это одна из лучших страниц в истории советской внешней политики.

ГЛАВА
ЧЕТВЕРТАЯ
КАМУН ВОЙНЫ:
НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТРЕХ СТРАТЕГИЙ

В послеюнхенский период правящие круги Запада старались максимально адаптировать политику «умиротворения» к создавшимся новым историческим условиям, которые характеризовались новыми агрессивными актами фашистской Германии и дальнейшим качественно новым сдвигом в европейском «равновесии сил» в пользу держав фашистской «оси». В то же время нарастающие противоречия в рамках общей империалистической стратегии еще более конкретизировали особенные и специфические черты позиций отдельных империалистических стран именно в послеюнхенский период.

Лондон и Париж для проведения в наиболее эффективной форме прежнего антисоветского курса на «умиротворение» агрессора перешли к новой тактике — политике предоставления гарантий. Суть «новой» тактики заключалась в том, чтобы обеспечить благоприятные условия антисоветского сговора путем использования переговоров с СССР для шантажа гитлеровской Германии угрозой сближения с Советским Союзом. Демонстрация «моральной силы» вместо эффективного отпора агрессору привела к такому парадоксальному положению, когда *реальный* смысл самой доктрины «баланса сил» сводился, по существу, к пустой угрозе ее применения.

Например, 20 июля 1939 года, то есть за 40 дней до того момента, когда *критическое* нарушение «европейского равновесия сил» германским империализмом в

Европе реализовалось гитлеровским рейхом на путях завоевательной войны, английский министр Хадсон «предупреждает» германского представителя Вольгата на тот счет, что английская внешняя политика «никогда не допускала военной предпочтительности в Европе ни для одной континентальной державы». Четверть века спустя английский исследователь назовет без тени юмора эти слова «эффективным предупреждением». Можно с полным основанием сказать, что обновленный вариант английской политики «умиротворения» с марта 1939 года трансформировал суть концепции «баланса сил» в ее противоположность, то есть в создание «психологического климата противодействия агрессии», что мы и постараемся проследить на этом этапе нашего исследования.

Позиция Вашингтона характеризовалась более активной ролью «европейского балансира» и, следовательно, более решительной позицией США по поддержке европейского «баланса сил», а не простой ролью контролера над английской политикой «баланса сил».

Военно-политическая стратегия германского фашизма определялась еще более активным использованием социальных пружин стратегии «умиротворения», конкретизацией нацистских планов установления мирового господства: первоначальный удар по Англии и Франции теперь уже окончательно рассматривался как неременное предварительное условие нападения на СССР. В германских военных документах этого периода в целом, в дневниках начальника генерального штаба генерала Гальдера в частности дается развернутая характеристика комплекса экономических, политических и военно-стратегических проблем, связанных с разработкой конкретных планов войны против Англии и Франции на основе дальнейшего и все более активного использования политической и моральной разоруженности правящих кругов этих стран, подготовленной политикой «умиротворения».

В послеюнкенский период повышается активность германской дипломатии, которая вынуждена была считаться с последовательными усилиями СССР, направленными на создание системы коллективного отпора агрессору в Европе. Просчеты стратегии Риббентропа, обнаружившиеся к весне 1939 года, «компенсировались»

дополнительными возможностями «умиротворения», которые выявились в губительной политике «двойной игры» Лондона и Парижа. Аналитические возможности Берлина предопределялись также сужающимися горизонтами «умиротворения», но максимально использовались германской дипломатией. Корни аналитической активности Берлина не были поняты английской дипломатией, склонной оценивать ее эффективность со слов геббельсовской пропаганды. «Главное впечатление, которое у меня осталось от Гитлера, — отмечал английский посол в Берлине Н. Гендерсон, оказавший не последнее влияние на формирование английской политики «умиротворения», — это впечатление гротесктера, изучающего шахматную доску в ожидании ошибки противника, которую можно немедленно использовать в собственных интересах».

Такая примитивная оценка аналитических способностей противника весьма характерна для дипломатии «умиротворения» вообще, что показательна с точки зрения все уменьшающегося угла зрения, под которым английская дипломатия могла сколько-нибудь здраво судить о политических реальностях послемиюнхенской Европы. Политика «умиротворения» в это критическое время, катализируя противоречия двух тенденций в английском внешнеполитическом мышлении, создала и приумножила относительный и абсолютный разрыв в способностях адекватного отражения международных реальностей между дипломатией агрессора и дипломатией «умиротворителей». Сложность и опасность положения западных держав начиная с конца марта 1939 года заключалась в том, что «новая» тактика Лондона и Парижа была без труда разгадана немецко-фашистской дипломатией.

Внешнеполитическая программа Советского правительства, на протяжении многих лет проводившего последовательный курс на создание системы коллективной безопасности в Европе со строгим учетом соотношения сил и тенденций его развития, вылилась в последовательную борьбу советской дипломатии за создание эффективной и равноправной международной системы коллективного отпора агрессору. Этот курс в условиях предвоенной Европы наиболее точно отражал в себе оба стратегических принципа ленинской внешней политики. Создание такой системы означало бы претворение

в жизнь международных норм в духе принципа мирного сосуществования и могло бы реально обеспечить мир и обуздать силы фашизма и реакции, а это, в свою очередь, наиболее полно соответствовало интересам самых широких народных масс.

Однако, проводя эту стратегию во внешней политике, Советское правительство должно было базировать свои действия на почве сложнейшей и противоречивой реальности в международных отношениях предвоенной Европы. Более двадцати лет межвоенного развития советская дипломатия не только внимательно следила за тенденцией к объединению в империалистическом мире на основе подготовки военного похода против СССР. На эту тенденцию указывал В. И. Ленин в первые послереволюционные годы. Именно поэтому, отстаивая год за годом всеобщий и неделимый мир как стратегическую основу внешней политики, Советское правительство не имело объективных оснований для того, чтобы исключить ситуацию, при которой ему придется отстаивать социалистические завоевания один на один с агрессором, а следовательно должно было предусмотреть тактическую альтернативу для обеспечения наиболее благоприятных условий и для такой борьбы.

Правительство СССР очень трезво оценивало создавшееся положение. Агрессивность гитлеровской Германии, ее лютая враждебность Советскому Союзу, провокационный характер действий японских милитаристов на восточных границах нашей страны и МНР, где шли напряженные бои у реки Халхин-Гол, — все эти факторы вкупе с явным нежеланием Лондона и Парижа создать эффективную систему коллективного отпора агрессорам грозили стране социализма смертельной опасностью.

2

В начале 1939 года «умиротворители» совершают новое предательство в отношении Чехословакии. Ее судьба меньше всего интересовала правящие круги Англии и Франции, и это обстоятельство не ускользнуло от внимания немецких дипломатов. «В Великобритании, — отмечал в своем отчете германский посол в Лондоне Г. Дирксен, — эта страна (Чехословакия) при всех обстоятельствах рассматривалась как германский

вассал». Посему гитлеровская Германия с легким сердцем 15 марта 1939 года захватила оставшуюся часть Чехословакии, ликвидировав ее независимость. Лишь нарушение гитлеровским руководством «мюнхенских» правил игры, предполагавших «раздел с Германией сфер интересов методом дружеской дискуссии», несколько смущало правительство Чемберлена. Речь британского премьера 15 марта 1939 года в английском парламенте, не обещавшего своему народу «никакой иной политики, кроме мюнхенской», прямо свидетельствовала о неизменности английской внешнеполитической стратегии.

Однако новейшие захваты гитлеровского рейха резко увеличивали мощь Германии. Это противоречило многовековой заповеди британской внешней политики, требовавшей, чтобы на Европейском континенте никогда не возникало государство, способное один на один противостоять Великобритании. Кроме того, линия на «умиротворение» имела естественные географические пределы. «Политика Чемберлена, — отмечал еще в феврале 1939 года полпред СССР в Англии И. М. Майский, — сводится к сделке с агрессором за счет третьих стран. Но запас третьих стран довольно быстро иссякает». Очередная агрессия Гитлера грубо нарушила даже тот критический «баланс сил» в Европе, зафиксированный Н. Чемберленом и французским премьером Э. Даладье в тексте мюнхенского соглашения. В этих условиях английское правительство, казалось бы, должно было искать пути к созданию эффективной системы противодействий фашистской агрессии. Однако логика политики «умиротворения», которая вопреки утверждениям буржуазных исследователей была не досужим изобретением Чемберлена и Даладье, а системой внешнеполитических воззрений правящих кругов Англии и Франции в конкретной исторической обстановке предвоенных лет, повела правительства этих стран по иному пути.

Куда же вел этот путь? Известно, что в ответ на требования Гитлера относительно Данцига и «польского коридора», а затем и Румынии Лондон 31 марта объявил о британских гарантиях Польше, а 13 апреля — Румынии и Греции. С Лондоном солидаризировался Париж. Под давлением общественного мнения английское правительство согласилось также на консультации с

СССР. Но оно так и не отошло от фактического поощрения германской агрессии и не приступило к созданию системы коллективной безопасности. Первые же дебаты в парламенте по вопросу о гарантиях Польше показали, что эти гарантии не имели под собой реального обеспечения. Это обстоятельство не ускользнуло от Берлина. «Как могут англичане судить о характере современной войны, — кричит Гитлер в лицо перепуганному румынскому министру К. Гафенку, — если они не в состоянии поставить на поле боя даже две укомплектованные дивизии». Консультации же с СССР носили со стороны Лондона эфемерный характер, ибо, по собственному признанию британского премьера, он не хотел сближения с СССР. В результате изменение внешнеполитического курса Великобритании в марте 1939 года носило сугубо декларативный характер. По существу, так называемый «новый курс» представлял собой лишь модифицированный, кое-как приспособленный к меняющимся условиям прежний курс на поощрение фашистской Германии к активности, в первую очередь за счет СССР. «Британское правительство, — писал английский историк Тейлор, — даже не стремилось сдерживать Гитлера путем демонстрации превосходящей силы. Оно пыталось осуществить лишь моральную демонстрацию».

По замыслу английских политиков Советский Союз должен был как бы содействовать германской агрессии против самого себя! Однако хитроумные схемы Даунинг-стрит были сразу же разоблачены советской стороной. На основе тщательного анализа тенденций международного развития и расстановки сил правительство СССР вскрыло истинные замыслы западных стратегов. И. В. Сталин, касаясь отношения СССР к «новой политике» западных стран, заявил, в частности, У. Черчиллю (в октябре 1942 г.): «У нас создалось впечатление, что правительства Англии и Франции не приняли решения вступить в войну в случае нападения на Польшу, но надеялись, что дипломатическое объединение Англии, Франции и России остановит Гитлера». Английское правительство не пошло тогда на создание союза в Европе, способного противодействовать фашистскому блоку, а вместо этого стремилось оказать моральное давление на Берлин с целью скорейшего достижения с ним соглашения за счет Советского Союза. Военное столкновение

СССР с Германией по-прежнему являлось конечной целью этой английской внешней политики. «Все на свете движется одновременно, — с грустью констатировал У. Черчилль, характеризуя позднее этот период предвоенной истории. — ...В то время как мы достигали известных позиций мысленно, другие достигли определенных позиций на деле».

Немецкая дипломатия работала с учетом противоположных внешнеполитических курсов, характерных для международного положения того времени. Она учитывала борьбу СССР за создание системы коллективной безопасности и отпора агрессору, борьбу, которая оказывала доминирующее влияние на международный климат в Европе и пользовалась поддержкой прогрессивного мирового общественного мнения. На Вильгельмштрассе тщательно изучали внешнеполитическую линию Англии и Франции, которая отличалась антисоветской направленностью. Все шесть лет после прихода Гитлера к власти нацистское руководство успешно использовало антикоммунистический козырь в игре против правящих кругов западных стран. А ответная двойная игра Англии и Франции открыла весной 1939 года, по мнению Гитлера и его окружения, новые возможности в этом направлении. Недаром в первые же дни после захвата фашистами Чехословакии нацистские дипломаты в Лондоне и Париже успокаивали Берлин относительно позиции западных стран. Отмечая резкие антигерманские настроения в Англии и падение престижа правительства Чемберлена, Дирксен в то же время подчеркнул: «Присоединение Чехии к Германии не приведет к увеличению напряженности до такой степени, чтобы это угрожало войной». Он настаивал: «Было бы неверным создавать иллюзии на тот счет, что в отношении Англии к Германии произошли коренные изменения». Из Парижа немецкий посол сообщал: «Франция на деле ничего не предпримет в ситуации, созданной германскими действиями в Богемии, Моравии и Словакии».

Некоторое беспокойство на первых порах вызывало предоставление 31 марта 1939 года англо-французских гарантий Польше. Немецкая пропаганда все настойчивее вещала о политике «окружения», якобы проводившейся Великобританией в отношении Германии. Однако во всех этих разговорах, используемых для прикрытия подготовки новых захватов, была известная доля и дей-

ствительных опасений гитлеровского руководства. В Берлине не могли не видеть усилий Советского правительства по обеспечению международной безопасности. Тревоги же Германии относительно англо-французских гарантий Польше, Румынии и Греции были явно преждевременными и вскоре рассеялись. Временный поверенный в делах Германии в Лондоне Кордт, анализируя речь английского премьера, отметил изобилие оговорок в гарантиях Польше и присовокупил, что соответствующий департамент Форин-офиса акцентировал внимание на том, что «заявления Чемберлена никоим образом не представляют собой подготовки в направлении политики окружения. Премьер-министр и английское правительство придают важное значение тому, что бы этот факт был зафиксирован».

Что касается перспективы участия СССР в возможном блоке против фашистских стран, то в конце марта германские дипломаты все более склонялись к мысли, что «Советская Россия не допускается в число партнеров». Германское руководство в марте — апреле 1939 года не только не поддалось английской демонстрации «моральной силы», но и сумело довольно объективно различить истинную подоплеку британской внешней политики и настроений правящих кругов западных стран. «Эти настроения проявились в нескольких речах Чемберлена и английского министра иностранных дел Э. Галифакса, в которых ясно выражался принцип двусторонней политики Англии, или политики двойного действия. Англия хочет посредством вооружений и приобретения союзников усилиться и поравняться с «осью», но в то же время она хочет попытаться путем переговоров прийти к полюбовному соглашению с Германией и готова для этого принести жертвы...»

В этой обстановке Берлин, не считая себя в достаточной степени готовым к войне с Советским Союзом, начинает маневрирование. Объективную возможность для этого подготавливала двурушническая тактика западных стран, порожденная закоренелым антикоммунизмом их правящих кругов. Гитлеровская дипломатия стремилась использовать до отказа возможности, таившиеся в антисоветизме. С конца апреля 1939 года «третий рейх» пытается активно играть картой советско-германского сближения; стратеги с Вильгельмштрассе задумали большой шантаж по отношению к Англии и

Франции, используя климат, созданный политикой «умиротворения».

Возможные маневры немецкой дипломатии не могли пройти мимо внимания советских дипломатов в Берлине. Советский полпред посетил статс-секретаря германского МИД Э. Вейцекера и по поручению Советского правительства поставил вопрос относительно причин прекращения поставок в СССР договорной продукции с заводов Шкода, оказавшихся на территории германского «протектората». Вместо прямого ответа Вейцекер заговорил о «неблагоприятной атмосфере», созданной англо-франко-советскими взаимоотношениями, ставя решение экономического вопроса в зависимость от политической обстановки. Во-первых, проблем политического характера коснулся немецкий статс-секретарь, а не советский полпред, как это хотят доказать западные историки. Во-вторых, экономические переговоры тоже были начаты и велись по немецкой инициативе. Днем ранее вопрос о возможности маневра стран «оси» в сторону СССР обсуждался в Риме между Муссолини и министром иностранных дел Италии Чиано, с одной стороны, и Герингом — с другой. Геринг сообщил, что он «неоднократно ставил перед фюрером вопрос относительно осторожного зондажа через посредников с целью возможности сближения с Россией». Муссолини, в свою очередь, отметил, что у итальянской стороны были такие же планы.

Германская сторона не первый день искала путей для зондажа в отношении СССР, и к тому имелись веские причины, ибо гитлеровская клика всеми силами стремилась сорвать советские усилия по созданию системы коллективной безопасности.

В ходе беседы 17 апреля Вейцекер прямо спросил советского полпреда: «Чувствует ли СССР себя под угрозой и думает ли, что его интересы на каком-либо участке ущемлены?» Плохо замаскированный зондаж со стороны германского статс-секретаря вызвал спокойный ответ советского дипломата: «СССР вообще заинтересован в устранении угрозы войны и в разрядлении создавшегося положения, — сказал он. — Специально же задетыми на каком-либо участке мы себя не чувствуем».

Таков был итог беседы 17 апреля 1939 года в здании германского МИД на Вильгельмштрассе в Берлине.

В начале мая немецкие должностные лица усиливают «прощупывание» советских дипломатов в Берлине по вопросу о возможности «смены» внешнеполитического курса СССР. 5 мая заместитель начальника отдела печати МИД Браун фон Штумм принялся доказывать советскому поверенному в делах Астахову, что существует ряд симптомов улучшения отношений между Германией и СССР. Более сдержанный, чем обычно, тон немецкой печати по отношению к Советскому Союзу, заключение Германией договоров о ненападении с Эстонией и Латвией, отсутствие обычных нападков на СССР в выступлениях фашистских главарей — все эти признаки, по мнению Штумма, свидетельствовали об изменении германской позиции. Тут же был поставлен вопрос о возможности перемен в советской внешней политике в связи с заменой М. М. Литвинова В. М. Молотовым. В ответ Астахов посоветовал немецкому дипломату не персонифицировать внешнюю политику СССР, ибо она является прерогативой партии и правительства. Такой ответ явно разочаровал немецкого чиновника. «Что касается симптомов улучшения, о которых говорит Браун фон Штумм, — писал в донесении советский поверенный в делах, — то, отведя или взяв под сомнение большинство из них, я отметил, что мы пока не имели никаких оснований придавать им серьезное значение, выходящее за пределы кратковременного тактического маневра». Все тогдашние попытки Берлина как-нибудь спровоцировать заявление советских дипломатов о желательности сближения СССР с Германией потерпели крах.

Тем не менее в берлинском дипломатическом корпусе усиленно муссировались слухи о советско-германском сближении. 5 мая советник английского посольства Огильви-Форбс явно в расчете на дополнительную информацию сообщил Астахову, что «за последние дни в Японии усилилось беспокойство по поводу возможностей улучшения германо-советских отношений». Это сообщение советского поверенного в делах со ссылкой на советника английского посольства весьма симптоматично. В дипломатической кухне Берлина, очевидно, планировалась многоплановая интрига, целью которой было поймать на слове советских дипломатов относительно возможности советско-германского сближения. Две недели до этого, 22 апреля 1939 года, через

того же английского советника Огильви-Форбса было передано личное мнение Гитлера о том, что «постоянные хорошие отношения с Великобританией всегда соответствовали давним и искренним его стремлениям», и предлагалось «действительно значительной личности» в британской политике посетить Берлин и «с глазу на глаз», «без посредника и переводчика», побеседовать с Гитлером. Поэтому зондаж со стороны именно этого британского дипломата весьма показателен.

9 мая на приеме в американском посольстве различные вариации на эту тему пересказывает советскому поверенному в делах турецкий посол Арпаг, указывая, что источником этих слухов являются немецкие официальные лица. 11 мая корреспонденты газет «Таймс» и «Нью-Йорк таймс» на приеме у советского поверенного в делах сообщили о новых спекуляциях насчет советско-германского сближения, исходящих, как они заключили, «из немецких источников». Слухи множились с невероятной быстротой, обрастая «новыми подробностями» и вызывая все более острый интерес у дипломатов, аккредитованных в Берлине. Хотя в накаленной атмосфере тех дней трудно было представить себе реальные размеры мистификации, истинные цели распространившейся дезинформации были ясны.

С особым вниманием относилось ко всей этой шумихе советское посольство. Ее суть последовательно вскрывается в донесениях советского поверенного в делах в Наркоминдел. «Из моих телеграфных сообщений и записей в дневниках, — писал он 12 мая, — вы можете заметить, что немцы стремятся создать впечатление о наступающем или даже уже о наступившем потеплении германо-советских отношений. Отбросив все нелепости, фабрикуемые здесь немцами или досужими иностранными корреспондентами, пока можно констатировать как несомненный факт лишь одно — это заметное изменение тона германской прессы в отношении нас... Но, отмечая эти моменты, мы, конечно, не можем закрывать глаза на исключительную их поверхностность, ни к чему не обязывающий немцев характер. Слишком уж ясны мотивы, заставляющие немцев изменить тон в отношении нас, чтобы к этому можно было относиться достаточно серьезно».

Английские же и французские дипломаты, напротив, легко стали жертвами немецкой дезинформации.

У. Черчилль в своих мемуарах хвалит французского посла в Берлине Кулондра за его «замечательное донесение» от 7 мая, где говорилось, что на основании секретных сведений посол пришел к убеждению о намечающемся германо-советском сближении. Эти домыслы, пожалуй, были бы на руку антисоветским измышлениям буржуазных историков, если бы не обнаружилось одно любопытнейшее обстоятельство. Информация о якобы начавшемся тогда германо-советском сближении была передана 7 мая во французское посольство Боденштатцем, немецким офицером-связистом, по личному распоряжению Геринга. 29 мая в тех же целях аналогичные «сведения» были переданы польскому посольству. Грубая провокация гитлеровцев была принята руководством западных стран отнюдь не случайно. Нацисты использовали преимущества, которые давала им антисоветская направленность политики «умиротворения».

Результаты маневра гитлеровской дипломатии не замедлили сказаться. Эскалация английских уступок Германии на протяжении небольшого периода (май — июль 1939 г.) убедительно свидетельствует, что немецкий шантаж Англии и Франции «угрозой» германского сближения с СССР возымел свои результаты и явился своеобразным катализатором политики «умиротворения». С невиданной быстротой британское правительство шло навстречу фашистскому рейху. 12 мая по приглашению Вильсона, экономического советника британского правительства, в Берлин прибыл член британского парламента Друммонд-Вольф. В ходе беседы в немецком МИД он сразу же подчеркнул, что «политические комбинации, в которые вступает Великобритания, не останавливают ее от предоставления Германии во всем мире, а в особенности в Восточной Европе и на Балканах, такой экономической активности, какая ей принадлежит по праву».

Упоминание о Балканах и Восточной Европе не было случайным, и его собеседник хорошо понял этот намек. Затем Друммонд-Вольф поставил вопрос относительно того, какие бы именно колонии хотела получить Германия, и в ответ услышал: все, которые ей принадлежат. Этот визит во многом определил программу тайных переговоров, которые велись в Лондоне видным немецким чиновником Вольтатом.

Ни в английских, ни в германских сборниках внеш-

неполитических документов нет записей бесед Вольтата с Вильсоном. Но известно, что такие беседы состоялись и что речь шла об англо-германских отношениях. Некоторые представления о содержании упомянутых бесед дают другие материалы. Оказывается, Вольтат развивал, в частности, тезис о том, что Восточная и Юго-Восточная Европа — «сфера экономических интересов Германии» и что с этим должна согласиться Англия. Поездка Вольтата в Лондон была генеральной репетицией тех его переговоров с видными британскими официальными лицами Вильсоном и Хадсоном месяц спустя, которым в предыстории второй мировой войны было суждено стать символом окончательного предательства идеи коллективного отпора агрессору. Попытки добиться скорейшей договоренности с Берлином предпринимал непосредственно и английский министр иностранных дел Галифакс.

19 мая он просит Дирксена, чтобы Гитлер сделал хотя бы «жест», свидетельствующий о том, что он стремится «решить спорные вопросы путем переговоров». Такой жест, гарантировал Галифакс, будет «встречен благожелательным откликом здесь, в правительственных кругах». Затем в игру включился английский посол в Берлине Гендерсон. 7 июля в беседе с Герингом он откровенно предложил «выложить карты на стол». Однако Геринг уклонился от продолжения разговора, и «пробный шар», как выразился Гендерсон, пролетел мимо. Тогда Гендерсон нанес визит Вейцзекеру. Последний предпочел говорить о второстепенных предметах. Посол настойчиво домогался объяснения, когда же наконец англо-германские отношения выйдут из «заколдованного круга» и что именно Лондон должен сделать для этого.

Английский посол не получил ясного ответа на свой вопрос, ибо германское руководство, ведшее свою собственную игру, не было склонно связывать себя какими бы то ни было обязательствами политического характера в отношении Англии и Франции. Менее чем за два месяца политика «умиротворения» проделала такой гигантский путь к пропасти и продемонстрировала столь беспримерный образец морального падения, что нацистам стал очевиден страх перед германской военной машиной, охвативший правительства Чемберлена и Даладье.

Это обстоятельство оказало определенное влияние на линию Берлина. Еще 23 мая 1939 года Гитлер заявил на узком совещании: «Нет уверенности в том, что в ходе германо-польского столкновения война с Западом исключается; тогда борьбу следует вести в первую очередь против Англии и Франции». Что касается колоний, предлагавшихся Германии Лондоном, то Гитлер не без задней мысли предупредил против принятия колониальных владений «в качестве подарка». Вот почему немецкие участники тайных переговоров с Лондоном летом 1939 года были сравнительно сдержанны.

Стремясь добиться от Лондона максимума уступок, Гитлер все же не мог упускать из виду и другую тенденцию международного развития того времени, находившую выражение во внешней политике СССР: нельзя было исключить возможность создания системы коллективного отпора фашистскому блоку, тем более что за нее выступали широкие слои общественности Англии и Франции. «Хотя дальнейший курс англо-русских переговоров невозможно предвидеть, — писал Дирксен 11 мая 1939 года, — можно предположить, что в случае, если даже коренные расхождения между Англией и Россией окажутся непреодоленными, будет заключено соглашение меньшей значимости. Переговоры уже продвинулись слишком далеко и ожидания общественности слишком велики, чтобы английское правительство могло незаметно отступить». Беспокойство гитлеровского руководства относительно возможности заключения эффективного союза между СССР, Англией и Францией заметно усиливалось. Сроки нападения на Польшу, предусмотренные в принятом 3 апреля 1939 года плане «Вейсс», приближались, а Гитлер и его военное командование не имели ясной внешнеполитической перспективы. Для гитлеровцев было очевидно только одно — попытки провокационного зондажа советских дипломатов, предпринятые в апреле — мае, не загнали СССР в уготованную ему ловушку, а возымели действие лишь на Лондон и Париж. Советские дипломаты более чем холодно принимали любезности, расточавшиеся Вильгельмштрассе.

6 мая Гитлер потребовал детально проинформировать его о политическом, идеологическом, экономическом и военном положении СССР. 9 мая советник германского посольства в Москве Хильгер был вызван

Риббентропом в Мюнхен. С первых же слов, пишет Хильгер в своей книге, ему стало ясно, что министр собирал информацию для личного доклада фюреру. Выслушав Хильгера, Риббентроп велел ему оставаться в Мюнхене и быть постоянно готовым на случай, если Гитлер пожелает говорить с ним лично. Затем Риббентроп отбыл в Берхтесгаден. На следующий день Хильгера вызвали к Гитлеру. Чиновник из окружения фюрера как мог пытался успокоить перетрусившего дипломата: ему, мол, ничего не придется говорить, ибо говорить будет сам фюрер. Однако в тот момент Гитлеру было не до риторических упражнений.

В присутствии представителя верховного командования вооруженных сил Германии Кейтеля, заведующего референтурой в отделе германского МИД Шнурре и чиновника МИД Хевеля Гитлер поставил перед Хильгером ряд вопросов: почему ушел Литвинов, каково экономическое и политическое положение СССР, может ли Сталин «при определенных условиях изъявить готовность к взаимопониманию с Германией». Германский дипломат постарался дать исчерпывающий обзор внутривнутриполитической и экономической стороны дела, особенно подчеркнув успехи СССР в области индустриализации и хозяйственного развития. Затем Хильгер коснулся главного вопроса — о возможности германо-советского сближения и указал «по ходу дела», как он выразился, на доклад И. В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б), в котором, как известно, делалось серьезное предупреждение относительно попыток западных стран направить гитлеровскую агрессию против СССР. Отчет об этом докладе немецкое посольство в Москве направило в свой МИД тогда же. Хильгеру показалось, что ни Гитлер, ни Риббентроп не знали об этой части доклада. (Факт, примечательный в том отношении, что показывает, сколь мало интересовалось гитлеровское руководство вопросом нормализации отношений с СССР еще в середине марта 1939 года.)

Информация Хильгера вызвала у Гитлера раздражение. «Существует возможность, — резюмировал он, — что Хильгер стал жертвой советской пропаганды. В этом случае его описание обстановки в Советском Союзе бесполезно. Но если он прав, тогда мы не должны терять времени в принятии мер, с тем чтобы предотвратить дальнейшую консолидацию советской силы».

В течение следующей недели выработка тактической линии Берлина была в основном завершена. Что Германия ни в коей мере не отказывалась от основ своей внешней политики и от враждебного отношения к СССР, а рассматривала новые, планируемые ею мероприятия как средство достижения определенной политической цели, становится совершенно очевидным, в частности, из беседы Риббентропа и Чиано, состоявшейся 6 мая. «Была достигнута договоренность, — говорилось в документе, — что в политических взаимоотношениях между странами «оси» и Советским Союзом должно наступить успокоение. Однако оно не должно заходить слишком далеко».

Резюмируя советско-германские отношения в апреле — мае 1939 года, необходимо отметить следующее:

— Во-первых, в указанный период вопреки измышлениям некоторых западных исследователей ничего похожего на сближение между Германией и СССР не происходило и произойти не могло. С одной стороны, Советское правительство было верно принципам коллективной безопасности и прекрасно видело провокационный характер немецких маневров, с другой — гитлеровское руководство и не стремилось к улучшению советско-германских отношений. Из многочисленных мемуарных источников, имеющих на сегодняшний день, становится совершенно очевидным, что германская дипломатия в апреле — мае 1939 года не помышляла ни о каких серьезных шагах в области германо-советских отношений. В частности, статс-секретарь германского МИД Вейцекер в записке от 25 мая указывал, что, по его мнению, Англия и Россия в скором времени заключат между собой договор и «поэтому необходимо спешить, если Берлин хочет помешать этому союзу».

— Во-вторых, именно двурушническая политика Англии и Франции как новая тактическая форма «умиротворения» позволила германской дипломатии успешно реализовать политику шантажа Англии и Франции угрозой советско-германского сближения.

— В-третьих, оголтелый антисоветизм Англии и Франции и шантаж Германии вкупе привели к тому, что, все дальше идя навстречу пожеланиям Гитлера, они вместо демонстрации «моральной силы» продемонстрировали, по существу, слабость и растерянность правя-

ших кругов этих стран, что не в последнюю очередь повлияло на Гитлера при принятии им решения о возможности первого удара против западных стран.

3

Следующий этап немецких дипломатических маневров в отношении СССР начался 17 мая беседой Шнурре с Астаховым. Советский поверенный в делах коснулся вопроса о статусе советского торгпредства в Праге. Учитывая прежний объем торгового оборота между СССР и Чехословакией, Советское правительство считало целесообразным сохранить свое торгпредство в Праге как отделение торгового представительства СССР в Берлине. Во время разговора Шнурре попытался затронуть «тему об улучшении советско-германских отношений». Советский дипломат, отметив известное изменение тона германской прессы в отношении СССР, заявил, что Советское правительство не имеет «данных о коренном изменении германской политики». Шнурре начал «заверять об отсутствии у Германии каких бы то ни было агрессивных стремлений в отношении СССР» и спросил, «что нужно для того, чтобы рассеять ваше недоверие?». Советский представитель холодно заметил, что улучшение атмосферы в отношениях между двумя странами зависит от германского правительства.

Недоверие Советского правительства к маневрам немецкой дипломатии не только не рассеялось, а явно усугубилось. Поэтому нервозность на Вильгельмштрассе возрастала. 19 мая в соответствии с решением Гитлера германскому посольству в Москве была послана инструкция сообщить о готовности немецкой стороны возобновить прерванные в феврале 1939 года советско-германские экономические переговоры. Хотя торговый договор с СССР был действительно желателен для Германии, нуждавшейся в некоторых видах сырья, истинная цель этих предложений была совсем иная.

20 мая, выполняя инструкции МИД, немецкий посол в Москве Шуленбург посетил наркома иностранных дел СССР Молотова. Заявление посла сводилось к следующему: Германия и СССР возобновляют экономические переговоры и с этой целью германское правительство собирается послать в Москву для переговоров видного чиновника германского МИД Шнурре. То, что посол

услышал в ответ, глубоко поразило его, а позднее вызвало глубокое разочарование и у берлинского руководства. Нарком заявил, что «ход последних экономических переговоров создал у Советского правительства впечатление, что мы (германская сторона) не относились к этому вопросу серьезно и лишь играли в переговоры по причинам политического характера». В феврале тот же Шнурре буквально с полдороги оборвал запланированную поездку в Москву, а переговоры об экономическом соглашении, ведшиеся Шуленбургом и советником Хильгером, также были сведены на нет.

Обескураженный отпором, посол посетил первого заместителя наркома Потемкина и растерянно «пожаловался», что он, собственно, теперь не знает, что ему следует сообщить своему правительству. Но посла не смог «утешить» и Потемкин. Вопреки этому очевидному факту западные авторы пишут о том, что Советское правительство сделало якобы 20 мая серьезный шаг к сближению с Германией. Произвольность таких утверждений опровергается всем ходом советско-германских экономических переговоров в июне — июле 1939 года и меморандумом Шнурре от 7 июня, в котором он писал: «Мы на сегодняшней стадии англо-советских переговоров особенно стремимся использовать шанс вмешательства в Москве. Сам факт прямых германо-советских переговоров в Москве будет способствовать дальнейшему вбиванию клина в англо-советские переговоры».

После 20 мая на Вильгельмштрассе воцарилась растерянность. Гитлеровская дипломатия усиленно искала выход из создавшегося положения. Подготовленная Риббентропом 24 мая новая инструкция посольству в Москве, исходя из задачи сорвать возможное англо-советское соглашение, предполагала применение в отношении СССР политики обещаний и запугивания. В инструкции говорилось, что у Германии и СССР нет якобы противоположных интересов во внешней политике. В случае германо-польской войны англо-французское вмешательство представляется чисто иллюзорным, а альянс с Англией принесет Советскому Союзу лишь негативные последствия. В заключение немецкому послу в Москве предлагалось, чтобы тот на возможное выражение недоверия советской стороной ответил, что обе стороны «должны совместными усилиями восстановить взаимное доверие... и подвергнуть его практической про-

верке». Предлагаемая инструкцией «тактика» не могла вызвать ничего, кроме усиления отрицательного отношения Москвы к немецким маневрам, и поэтому как лишенная объективного основания была отклонена, по всей видимости, самим Гитлером. В Москву Шуленбургу была направлена инструкция противоположного характера: «Проявлять полную сдержанность».

Внимательный анализ даже немецких документальных источников позволяет прийти к выводу о том, что, несмотря на лихорадочную деятельность берлинской дипломатии 20—25 мая 1939 года, Советское правительство не проявило ни малейшей заинтересованности в предложениях Берлина. Это обстоятельство вынуждены признавать даже западные исследователи, далекие от симпатий к Советскому Союзу и его внешнеполитической деятельности. Так, весьма тенденциозное толкование германо-советских отношений рассматриваемого периода западногерманским исследователем В. Фабри наталкивается на вынужденное признание того факта, что «Германия должна была отбросить свою сдержанность» и Берлину «не оставалось другого пути, кроме как прозондировать мнение ответственных советских руководителей», но тем не менее Кремль «не считал возможным быть более откровенным».

25 мая в меморандуме Риббентропу Вейцекер рекомендовал: во-первых, Хильгер в ходе экономических переговоров должен от своего имени «вскользь» намекнуть, что «между Германией и Россией все возможности остаются открытыми»; во-вторых, о германской готовности к контактам с СССР должен намекнуть советскому руководству итальянский посол в Москве Россо. 29 мая Риббентроп связался с итальянским послом в Берлине Аттолико и попросил его выяснить возможность предполагаемого демарша Россо, который мог бы намекнуть в Москве о том, что СССР связывает себя с Англией в такой момент, когда налицо признаки «благоприятной эволюции» в политике Берлина.

В тот же день на вилле Риббентропа в Зонненберге состоялась «тайная вечеря» германских и итальянских дипломатов. Присутствовали Риббентроп, Вейцекер, советник МИД Германии Гаус и Аттолико. Риббентроп вновь предложил осуществить «косвенное вмешательство» итальянского посла в Москве. Аттолико возразил против такого хода, высказав мысль, что такое вмеша-

тельство в разгар англо-франко-советских переговоров окажется неэффективным. Рейхсминистру пришлось уступить. Было решено, что во время предполагавшейся встречи с Г. А. Астаховым Вейцзекер скажет ему, что поднятый Москвою вопрос о правовом положении советской торговой миссии в Праге является делом принципиального характера и поэтому может быть решен «лишь при известном прояснении взаимоотношений». Кроме того, гитлеровское руководство поручило Вейцзекеру провести новый зондаж позиции Советского Союза. Когда 30 мая Г. А. Астахов посетил Вейцзекера, последний заявил, что «попытки Великобритании втянуть Россию в свою орбиту указывают на политическую ориентацию Москвы, которую мы должны учитывать даже в сравнительно маловажных вопросах, таких, как вопрос о русском торгпредстве в Праге». Далее он попытался выяснить возможность советско-германских политических переговоров.

Советский поверенный в делах реагировал очень осторожно, указав еще раз на глубокое недоверие к политике Германии, которое существует в Москве. Советская стратегия коллективной безопасности оставалась неизменной. 31 мая на очередной сессии Верховного Совета СССР в докладе, сделанном В. М. Молотовым, указывалось на дальнейшее «серьезное ухудшение» мировой обстановки и усиление агрессивных действий стран «оси». Задачи Советского правительства в этих условиях «идут по линии интересов других неагрессивных стран. Они заключаются в том, чтобы остановить дальнейшее развитие агрессии и для этого создать надежный и эффективный оборонительный фронт неагрессивных держав». Отметив известные сдвиги в позиции западных стран относительно заключения пакта о взаимопомощи с СССР, докладчик указал на их неопределенность и половинчатость. «Поэтому, — говорил он, — мы должны быть бдительными... мы должны помнить... положение: «Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками. Только в этом случае мы сумеем до конца отстоять интересы нашей страны и интересы всеобщего мира».

Немецкое посольство в Москве, изучив все сказанное на сессии Верховного Совета СССР и стремясь отыскать моменты, благоприятные с точки зрения Берлина,

констатировало, что «Советский Союз до сих пор готов заключить договор с Великобританией и Францией...».

Между тем выдвинутый 25 мая в инструкции английскому послу в Москве британский проект пакта о взаимопомощи продолжал мюнхенскую линию «умиротворения» агрессора и подталкивания его к войне с СССР. 2 июня Советское правительство вручило партнерам по переговорам свой проект договора, который мог явиться основой системы коллективной безопасности, ибо соблюдал интересы как больших, так и малых стран Европы, а также предполагал определение на основе взаимных консультаций «момента немедленного приведения в действие механизма взаимопомощи и порядка его применения». Казалось бы, правительства Англии и Франции могли теперь пойти навстречу советским предложениям или хотя бы приступить к их быстрому и эффективному обсуждению. Как известно, ни того, ни другого не случилось. Оценивая реакцию правящих кругов Англии на советское предложение, Дирксен писал 5 июня: «Оптимистические взгляды на перспективы заключения договора, выраженные во вчерашней и сегодняшней прессе, не находят поддержки авторитетных британских кругов». В день, когда Англия послала в Москву одного из чиновников Форин-офиса, Стрэнга, Советское правительство через своего посла в Лондоне Майского пригласило в Москву английского министра иностранных дел Галифакса. Но он уклонился от приглашения, сославшись на сложность международной обстановки, как будто его визит в Москву не должен был способствовать решению ключевого для международного положения вопроса относительно коллективного сопротивления агрессору.

4

Тем временем развернулась тайная деятельность английской дипломатии. В первой половине июня переговоры в Лондоне вели с немецкой стороны принц Гогенлоэ-Лангебург, представивший затем три меморандума на Вильгельмштрассе; Мотс из гамбургского германо-британского общества; анонимное лицо, отчет которого дает представление о том, какого масштаба вопросы поднимались во время этих встреч. Переговоры анонима с членами британского кабинета прохо-

дили в поместье леди Астор в Клайвдене. 8 июня, то есть в самый разгар обсуждения Лондоном советского проекта, он встретился с Чемберленом, который, характеризуя международную обстановку, сказал, что по-прежнему «хочет мирного урегулирования с Германией. Со дня, когда он пришел к руководству, он придерживался мнения, что европейская проблема может быть решена единственным образом: по линии Берлин — Лондон», и далее признался, что меры, предпринимаемые им ныне, носят вынужденный характер и что «совместимость их с германо-британским соглашением» постоянно учитывается.

Такова была четко выраженная программа активного «умиротворения» агрессора, которую английский премьер развивал за четыре дня до отправки в Москву Стрэнга. Характерен также уровень встреч. Если вышеупомянутый документ сопровождался подписью «фюреру», то еще один немецкий чиновник, Венер-Грин, принятый Чемберленом 6 июня и развивавший новые планы германо-британского сближения, был личным эмиссаром Геринга. Специфика тогдашних англо-немецких переговоров заключалась в том, что, хотя они велись по преимуществу неофициальными лицами (чего требовала двурушническая политика обоих правительств), по существу, они являлись диалогом на самом высоком уровне.

С учетом позиций Англии и Франции немецкая дипломатия и пыталась строить свои отношения с СССР.

30 мая 1939 года в разгар англо-франко-советских переговоров статс-секретарь германского министерства иностранных дел Вейцзекер заявил советскому поверенному в делах Г. А. Астахову, что имеется возможность улучшения советско-германских отношений. Он указал на тот факт, что Германия, отказавшись от Закарпатской Украины (в пользу Венгрии), сняла повод для войны. «Если Советское правительство хочет говорить на эту тему, — продолжал Вейцзекер, — то такая возможность имеется. Если же оно идет по пути «окружения» Германии вместе с Англией и Францией и хочет идти против Германии, то Германия готовится к этому».

2 июня Хильгер посетил наркома внешней торговли А. И. Микояна и, «заверив его в искренности германского правительства», поставил вопрос о «расширении

экономических отношений» Германии с СССР. Напомнив, что вина за срыв февральских переговоров лежит на правительстве Германии, нарком уклонился от ответа на это предложение. 7, 12 и 15 июня немецкий МИД шлет подробные инструкции своему посольству в Москве. Смысл их сводится к тому, что германская сторона готова рассмотреть советские контрпредложения и немедленно выслать в Москву своего представителя. «В течение этого периода, — писал немецкий статс-секретарь, — мы старались устранить те помехи, которые еще в феврале казались нам непреодолимыми». Но и этот шаг германской стороны был оставлен без ответа.

В меморандуме от 15 июня Шнурре рисует перед германским посольством в Москве мрачную картину неуклонного падения размеров немецкого экспорта из СССР и резкой нехватки сырья, ощущаемой Германией. «Мы должны понять, — заключает он, — что еще один срыв переговоров положит конец нашим усилиям поставить наши экономические взаимоотношения с СССР на более широкую основу». Однако усилия Берлина снова оказались напрасными. 17 июня А. И. Микоян заявил Хильгеру, что он до сих пор не может быть уверенным в том, что эти новые экономические предложения Германии... — не вопрос продолжающейся политической игры, которая интересует немцев лишь в настоящий момент и из которой они, очевидно, намерены извлечь выгоду. Ответ советского наркома, как следует из немецкой записи беседы, вывел германского дипломата из равновесия. Растерянный, он повторял заверения в «искренности» немецкой стороны. Однако народный комиссар, пишет Хильгер в отчете, заявил, что он «не может изменить своего мнения».

Советская позиция по экономическим переговорам с Германией была сформулирована в упоминавшейся выше речи наркома иностранных дел на сессии Верховного Совета СССР: «Ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия». Коснувшись далее хода названных переговоров в конце 1938-го — начале 1939 года, нарком говорил: «Судя по некоторым признакам, не исключено, что переговоры могут возобновиться». СССР не отказывался от деловых связей с Германией. Но такие связи, по убеждению Советского правительства, никоим

образом не должны были служить инструментом грязных политических инсинуаций со стороны Гитлера.

Берлин предпринял еще одну попытку фронтального зондирования позиции СССР. В третий раз за последние два месяца в ставке Гитлера собрались на совещание немецкие политики и дипломаты для определения «новой тактики» по отношению к Советскому Союзу. 12 июня в Берлин выехали для консультаций германский посол в Москве Шуленбург и советник посольства Хильгер. Тогда же согласно показаниям на Нюрнбергском процессе бывшего советника германского МИД Гауса оп и Вейцекер были вызваны Риббентропом в Зонненберг, где им сообщили, что Гитлер на протяжении некоторого времени думает над тем, как бы попытаться «установить более терпимые отношения между Германией и СССР». С этой целью Риббентроп предложил выбрать несколько непервостепенной важности вопросов, которые могли бы послужить пробным камнем для конкретного политического разговора. Им же, как свидетельствует Гаус, был избран вопрос советском консульском представительстве в Праге. Вейцекер и Гаус, отбыв в Берлин, подготовили проект соответствующей инструкции для немецкого посольства в Москве. Однако этот проект не был отправлен в Москву. Гитлер нашел его «слишком определенным».

17 июня Шуленбург нанес в Берлине визит советскому поверенному в делах Г. А. Астахову и начал разговор с того момента, который за последние два месяца превратился у немецких дипломатов в нечто вроде дежурной любезности: «Германская пресса вряд ли дает Советскому правительству повод для жалоб». Затем, посетовав на антифашистский тон советской прессы и радио, Шуленбург перевел разговор на предыдущую беседу Астахова с Вейцекером и спросил, отчего Советское правительство не дает ответа на вопросы Вейцекера. «Россия, — заявил Шуленбург, — должна сделать выбор». Из его записи ясно, что Астахов никак не реагировал на эти назойливые домогательства.

Из советской же записи беседы видно, что Шуленбург пошел еще дальше. Он приложил немало усилий, чтобы постараться придать беседе характер строгой «конфиденциальности», тщательно готовившейся в Берлине.

Согласно записи Г. А. Астахова Шуленбург, в част-

ности, «доверительно» изложил следующую сентенцию Риббентропа: Германия не боится ни Англии, ни Франции, поскольку она обладает мощными укреплениями на западе, способными сдержать любой натиск... но с «Россией есть смысл договориться». Через неделю, 24 июня, прощаясь с Астаховым на вокзале Александр-плац, все в том же ключе «дружеской доверительности» Шуленбург говорит полушепотом: «Они (нацистские руководители. — И. А.) настроены очень серьезно, очень серьезно...» Однако незатейливая уловка германской дипломатии не имела успеха. Шуленбург с сожалением отмечал, что Астахов вновь и вновь подчеркивал недоверие к немецкой политике, царящее в Москве. Наконец, при приезде в Москву, несмотря на упорное молчание советских дипломатов, игнорировавших и прямые запросы, и отдаленные намеки немецкой стороны относительно последнего демарша Вейцзекера, Шуленбург посетил наркома иностранных дел. Однако в ходе беседы выяснилось, что никаких конструктивных идей за вторую половину июня немецкая дипломатия не родила. Шуленбург, как и ожидалось, в доказательство «искренности» Германии опять привел примеры относительно заключения ею пактов о ненападении с Прибалтийскими странами, «смягчения» тона немецкой печати и желания «возобновить экономические переговоры».

О повторявшейся «триаде» в немецкой аргументации по поводу «изменения атмосферы» во взаимоотношениях между Германией и СССР необходимо заметить, что все заверения немецких дипломатов не рассматривались советским руководством серьезно и считались не чем иным, как средством в дипломатическом арсенале агрессора, используемым им в борьбе против создания антиагрессивного пакта. Именно так и взирало на немецкие демарши Советское правительство. Этими соображениями определялась, в частности, позиция наркома иностранных дел В. М. Молотова, когда в беседе 29 июня 1939 года он отказался касаться темы о советско-германских экономических переговорах. В целом немецкий посол не сказал советскому наркому ничего особенного, кроме одного момента: он упомянул о Берлинском договоре 13-летней давности. Самое упоминание нацистским дипломатом о Берлинском договоре от 24 апреля 1926 года было более чем странным. Ведь

фашистская дипломатия давно предала его полному забвению.

Этот договор был подписан между СССР и Веймарской республикой на пять лет как договор о соблюдении нейтралитета на основе взаимоотношений, предусмотренных в Рапалло. В условиях двадцатых годов он представлял собой большую победу советской дипломатии, так как исключал участие Германии в любых антисоветских акциях и потому являлся противовесом локкарнским соглашениям, направленным против СССР. Шуленбург, упоминая о Берлинском договоре, осуществлял тем самым далеко идущий зондаж, санкционированный немецким фашистским руководством.

Документы германского внешнеполитического архива позволяют проследить зарождение этой акции. 7 июня, за несколько дней до отъезда Шуленбурга в Берлин, в немецком посольстве в Москве был подготовлен меморандум, в котором предлагались меры, необходимые для «нормализации» германо-советских отношений. В разделе «Меры в сфере внешней политики» говорилось: «Первостепенной целью будет возрождение устаревшего договора о нейтралитете от 24 апреля 1926 года между Германией и Советским Союзом». Далее в пункте 4 предлагалось официально подтвердить этот договор. Меморандум был представлен немецкому руководству Шуленбургом, и во второй половине июня в Берлине были одобрены положения, содержащиеся в памятной записке.

Затем, находясь в Берлине, Шуленбург вентилировал идею «реанимации» договора. Немецкого посла договор, как явствует из документов, интересовал с двух точек зрения: до какой степени он может быть действительным в аспекте будущих событий и как можно его использовать тактически. Что касается первого, то здесь дело выглядело совершенно безнадежным, ибо в глазах мировой общественности договор как юридическая форма был практически сведен на нет вероломными действиями гитлеровцев. Надольный (немецкий посол в СССР в 1933—1934 годах), с которым консультировался Шуленбург, писал по поводу Берлинского договора: «Из статьи 2, которая гласит о нейтралитете в случае войны, нельзя вывести никакого заключения. Ибо она предписывает нейтралитет только в том случае, если другая сторона подвергнется нападению, не-

смотря на свой мирный образ действий. А сегодня было бы трудно на основании этой статьи делать заключение как об обязанностях, так и о праве русских оставаться нейтральными по наступлении ожидаемого конфликта». У немецкого дипломата по понятным причинам язык не повернулся назвать собственную страну агрессором. Ему осталось лишь сетовать на то, что статья 2 «плохо сформулирована».

29 июня, когда Шуленбург сказал советскому наркому о Берлинском договоре, последний в иронической форме выразил изумление, что германское правительство еще помнит об этом договоре. У Советского же правительства существуют на этот счет немалые сомнения. Далее нарком отметил, что «он должен усомниться в прочности договоров после того, как имеется опыт...». Немецкому послу более «зондировать» было нечего. То был уже третий по счету недвусмысленный отказ СССР дипломатии «третьего рейха» в ее настойчивых поисках путей политического сближения с Советским Союзом. Германскому МИД не оставалось ничего иного, как бить отбой. 30 июня Вейцекер телеграфировал Шуленбургу: «Рейхсминистр Риббентроп придерживается того мнения, что в сфере политики было сказано уже достаточно... и что на этом этапе мы не должны выступать инициаторами таких разговоров».

5

Июль 1939 года застал мировую историю на прямой дороге ко второй мировой войне. «Сердитые» речи Чемберлена и Даладье спорадически сотрясали эфир. Однако дело создания единого антигитлеровского фронта не продвигалось. В статье члена Политбюро и секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова от 29 июня в газете «Правда» имелись горькие, но правдивые слова: «Англо-франко-советские переговоры... зашли в тупик. Факт недопустимой затяжки и бесконечных проволочек в переговорах с СССР позволяет усомниться в искренности подлинных намерений Англии и Франции и заставляет нас поставить вопрос о том, что именно лежит в основе такой политики: серьезное стремление обеспечить фронт мира или желание использовать факт переговоров как затяжку самих переговоров для каких-то

иных целей, не имеющих ничего общего с делом создания фронта миролюбивых держав».

Западная политика «морального давления», или «сильного жеста», в адрес агрессоров при наличии уже слышавшихся грозных раскатов кануна войны вылилась в дискуссию между Западом и СССР по двум важнейшим вопросам: о пакте миролюбивых держав и долженствующей подкреплять его военной конвенции и о так называемой косвенной агрессии.

Основываясь на комплексном изучении политики «умиротворения», проводимой западными странами не первый год, Советское правительство могло прийти к заключению о том, что одной из характерных особенностей этого курса было нежелание этих правительств увязывать в единое целое политические и военные аспекты соглашения. В условиях надвигающегося военного конфликта это вполне соответствовало тактике «полуобещаний», как определил в свое время «разрыв» между гарантиями Запада и их военным обеспечением английский исследователь Л. Нэмир. Советское правительство имело печальный опыт событий мая 1938 года, когда отсутствие военной конвенции явилось для французского правительства поводом для уклонения от обязательств, вытекающих из франко-чехословацкого соглашения 1934 года.

История полностью подтвердила выводы Советского правительства: после войны определились масштабы просчетов военно-политической доктрины «умиротворения». Выяснилось, например, что «решительность» западных правительств в вопросе предоставления гарантий Польше сопровождалась «продуманным» уклонением от принятия на себя военных обязательств, что со всей очевидностью показали, например, франко-польские военные переговоры в мае 1939 года. Обоснованность советских требований о единстве политического и военного соглашения летом 1939 года история полностью подтвердила.

В июне 1939 года Чемберлен все еще надеялся на то, что ему все-таки «удастся избежать подписания этого несчастного пакта». Еще раньше, сразу после Мюнхена, в ноябре 1939 года Боннэ в разговоре с французским послом в Польше Ноэлем выразил стремление «избавиться» от франко-советского договора 1935 года.

В конце июня сходное настроение всего английского

правительства было еще зафиксировано дипломатами «оси»: «Надежды на то, что они (правительства СССР и Англии. — И. А.), — писал итальянский посол в Москве Россо со ссылкой на Стрэнга, — придут к положительному соглашению, весьма невелики». Еще более явственными были намерения западных правительств в связи с их позицией об определении косвенной агрессии. Отрицательное отношение Лондона и Парижа к советским предложениям являлось тем более странным, что при двусторонних англо-французских переговорах в феврале 1939 года таковое определение практически было признано этими странами применительно к Бельгии и Нидерландам. Кроме того, исторический опыт свидетельствовал, что в Восточной Прибалтике существуют все условия для развертывания косвенной агрессии. Это обстоятельство не укрылось, к примеру, от американского посла в Москве Дэвиса, совершавшего по личной просьбе президента Рузвельта поездку по странам Прибалтики в 1938 году. В этом случае тень фашистской Германии выростала как раз у границ СССР. А это вполне устраивало тогда как Лондон и Париж, так и Вашингтон.

Правительство СССР в ходе переговоров с Англией и Францией в июне — июле 1939 года не требовало для себя никаких «лишних» преимуществ, а добивалось лишь минимума, обеспечивавшего надежную систему отпора агрессору. Советская дипломатия боролась в то жаркое лето за полную «герметичность» пакта о взаимопомощи, зная, что любая брешь в нем могла обернуться для СССР смертельной опасностью. На иной почве велись закулисные переговоры в Лондоне между германским представителем Вольтатом и помощником английского премьера Вильсоном в том же предвоенном июле. С самого начала Вильсон дал ясно понять, что Чемберлен одобряет программу переговоров, и даже предложил Вольтату прямую встречу с британским премьером. Эти переговоры Вольтата с Вильсоном и министром торговли Хадсоном затрагивали политический, экономический и военный аспекты. Налицо была попытка англичан достигнуть с Германией самой широкой договоренности.

В политической области предусматривались два мероприятия: пакт о ненападении, который, как отмечает Дирксен, должен был «дать возможность англичанам

постепенно отделаться от своих обязательств в отношении Польши», и договор о невмешательстве, который служил бы до некоторой степени маскировкой для разграничения сфер интересов великих держав. Как и за счет кого собирался Лондон разграничивать «сферы интересов», становится ясно из беседы Вольтата с Хадсоном. Последний «указал на то, что перед обоими народами находятся три обширные области, представляющие необъятное поприще для экономической деятельности», — Британская империя, Китай и Россия. Поскольку Британская империя оставалась английской, а Китай согласно англо-японскому соглашению от 2 июля 1939 года признавался сферой влияния Японии, то в качестве сферы интересов Германии Лондон предлагал Советский Союз.

Узкоимпериалистические устремления правящих кругов Англии настолько доминировали над другими соображениями, что Лондон оставлял за бортом даже интересы своего ближайшего союзника — Франции. Парижу ничего не сообщалось о переговорах Вольтат — Вильсон. У британских руководителей были свои основания скрывать истинное положение вещей даже от ближайших партнеров, ибо обсуждавшаяся программа предусматривала, что именно Германия будет господствующей державой на Европейском континенте с «преимущественными правами на Юго-Востоке Европы». Но слухи о переговорах Вольтата с лондонскими официальными лицами тогда же просочились в газеты и стали достоянием гласности. Этих настораживавших СССР фактов было совершенно достаточно для серьезного беспокойства. Советское правительство не делало отсюда далеко идущих выводов, но, естественно, его недоверие к истинным намерениям британского правительства только возросло.

Вполне достойную «мюнхенцев» грязную игру вело лондонское правительство и на Дальнем Востоке, когда английский посол в Японии Крэйги подписал с японским министром иностранных дел Арита уже упоминавшееся соглашение, признававшее за Японией «право» на захваты в Китае. Предоставив японцам свободу рук в этом районе и признавая «особые нужды японских вооруженных сил в Китае», английские политики воспроизводили весьма близко к мюнхенскому оригиналу токийскую копию. Вновь противоречия между двумя

империалистическими хищниками решались за счет третьей страны, причем маршрут продолжения японской агрессии пролегал у границ СССР и МНР. Немецкие дипломаты не прошли мимо этого события. Анализируя сложившуюся на Дальнем Востоке обстановку, немецкий посол в Токио Отт рассматривал «далеко идущее раскрытие слабости Великобритании» как одну из благоприятных для Германии черт складывающейся ситуации.

Понимая антисоветскую направленность соглашения Арита — Крэйги, советские дипломаты занимали очень осторожную позицию по этому вопросу, дабы исключить всякое германское вмешательство в англо-франко-советские переговоры. Когда Вейцекер в разговоре с Астаховым затронул англо-японские переговоры, последний дал ему понять, что Англия, по мнению Москвы, совершает лишь перегруппировку сил, которая не помешает англо-франко-советскому соглашению. 27 июля Шуленбург ставит вопрос относительно англо-японского договора и событий на Халхин-Голе перед первым заместителем наркома иностранных дел В. П. Потемкиным. Но он снова не получил ответа: «Советский дипломат был явно не склонен проявлять интерес к этому вопросу». За кулисами провокационной болтовни о японо-советских отношениях скользила тень возможной англо-германской договоренности. То был явный случай, когда Берлин и Лондон, надеясь на усиление советско-японского военного конфликта, эксплуатировали одну и ту же модель.

На Вильгельмштрассе нарастала нервозность. Дипломаты старшего поколения стали терять надежду на возможность германо-советского сближения. Тамошнюю атмосферу в разгар «выжидания» можно проследить по письму советника германского посольства в Москве Типпельскирха, находившегося в те дни в Берлине. «Статс-секретарь, — пишет он, — хотел выслушать мнение относительно возможного результата англо-франко-советских переговоров. Он сказал, что не может представить себе, чтобы Советский Союз, вступив в переговоры, позволил бы им пройти безрезультатно и вновь бы погрузился в изоляцию». Шнурре, курировавший экономические переговоры с СССР, тоже «был не в духе»: «Он постоянно подчеркивал, что без положительной реакции Молотова трудно достигнуть прогресса...

Я сказал ему, — продолжает Типпельскирх, — что посольство... делает все возможное, но мы не можем силком втащить Молотова и Микояна в Бранденбургские ворота». К середине месяца ажиотаж в Берлине достиг предела.

Выгодный для себя выход фашисты видели в использовании линии англо-французских «умиротворителей» путем прямого политического нажима на западные страны. 13 июля Риббентроп в письме на имя французского министра иностранных дел Ж. Боннэ в грубой форме посоветовал Франции «не вмешиваться не в свое дело». Тем временем Лондон поспешно искал пути «освобождения» от своих обязательств Польше, а заодно, как показали переговоры Вильсона и Хадсона с Вольтатом, менее обязывающей формулировки во взаимоотношениях с союзной ему Францией. Стратеги «умиротворения» подыскивали всяческие обходные маневры. Зигзаги английской политики тщательно регистрировались немецким посольством в Лондоне. В письме Дирксена от 24 июля давался анализ «конструктивной политики» Англии за истекший месячный период. Посол указывал, что отмеченные им еще в отчете от 24 июня такие устремления, как «приостановка переговоров с Россией, сомнения в дееспособности польского союзника, тактические предвыборные соображения, продолжали оказывать тем временем свое действие и усиливали конструктивные тенденции» — готовность Лондона к сговору с Германией. «Лица, занятые выработкой программы переговоров, понимают... что подготовительные шаги, направленные в сторону сближения с Германией, должны быть сделаны самым секретным образом». Что касается германо-польской проблемы, то она нашла бы свое решение в планах «общего урегулирования» отношений Англии с Германией.

Чтобы определить амплитуду антисоветских колебаний в правящих кругах Лондона и Парижа в конце июля 1939 года, не нужно было иметь специальных источников информации; для этого было достаточно знакомства с буржуазной печатью этих стран. «Я считаю пораженцами тех... кто стремится образовать причудливую коалицию с кем угодно... (подчеркнуто мной. — И. А.), кто считает, что Англия и Франция пропали, если только Сталин и Молотов не соблаговолит подписать тройственный акт», — писала парижская «Эка» 21 июля 1939 года. «Я называю патриотами тех, кто с опасе-

нием относится к зыбучим пескам Восточной Европы... тех, кто думает о Франции раньше, чем о русских...» Днем раньше «Ла Републик» в тоне грубой провокации предупреждала французов, что «Россия, верная своим интересам... стремится к тому, чтобы война была не ее войной, а войной Запада».

6

К концу июля нацистское руководство имело уже ясное представление о стремлении английского правительства «развязаться с Польшей» и избежать заключения пакта с СССР. Берлин приступил к новой попытке зондажа советской позиции. Как говорилось в очередной инструкции немецкому посольству в Москве, «нужно вновь ухватиться за кончик нитки», используя текущие вопросы международной политики. Из дальнейшего стало ясно, что такими вопросами Берлин считал советско-японские отношения. А в Берлине в том же направлении было поручено действовать Шнурре. Согласно данному ему поручению, как отмечает он в отчете, 26 июля Астахов и глава советской экономической делегации были приглашены в ресторан «Эвест». Шнурре «взял инициативу в свои руки» и предложил советским дипломатам широкую программу экономического и политического сотрудничества, ключевым моментом которой было предложение «продолжить то, что было раньше (Берлинский договор), либо установление политических отношений в новой форме с учетом жизненно важных политических интересов обеих сторон». Отметив, что «путь к сближению с Германией соответствует жизненным интересам обеих стран», Астахов со всей серьезностью напомнил Шнурре о глубокой враждебности национал-социалистской внешней политики к СССР. Антикоминтерновский пакт, мюнхенский сговор, агрессивные акции Германии в Восточной Европе — все это носит на себе глубокие следы антисоветской политики. «Москве, — заключал Астахов, — нелегко поверить, что политика Германии в отношении Советского Союза приняла другой курс». Из беседы от 26 июля, на которую немецкие дипломаты возлагали такие надежды, следует, что советские представители более чем осторожно отнеслись к новым шагам со стороны Вильгельмштрассе.

29 июля Вейцзекер опять торопил Шуленбурга с выяснением позиции СССР. То, что происходило в следующие три дня, весьма характерно для обычного механизма создания кризисной ситуации гитлеровским руководством. Сознательно нагнетая политическую напряженность в отношениях с Польшей и провоцируя антипольские выступления в районе Данцига (Гданьска), нацистская верхушка особую роль уделяла дипломатии. Осуществляя нажим на Польшу, дипломатия «третьего рейха» вела постоянное наблюдение за реакцией британского Форин-офиса, хладнокровно оценивая степень готовности последнего пойти на соглашение с Германией, отказаться от своих обязательств Польше и уклониться от заключения договоренности с СССР.

Стратегия «умиротворения» в летние месяцы 1939 года реализовалась, по существу, в двух противоположных внешнеполитических курсах, конфликт между которыми в июне — июле 1939 года достиг своего апогея. С одной стороны, английские «умиротворители» в беседах Вильсона и Хадсона с Вольтатом в Лондоне предприняли попытки прямого сговора с агрессором на условиях непосредственного раздела сфер влияния в Европе и Азии, проявив при этом полную незаинтересованность именно в тех районах, которые они в переговорах с СССР (протекавших в этот же период) согласились гарантировать. Конфликт стратегии «умиротворения», подготавливавшийся всем ходом ее развития, логически привел политику Лондона и Парижа к политическому двурушничеству. С другой стороны, германская внешняя политика максимально использовала «двойную игру» Лондона и Парижа как органическую составную в оперативной разработке планов развязывания войны. Единственным препятствием для этого, по мнению Берлина, была последовательная политика СССР на создание системы коллективного отпора агрессору. С целью срыва англо-франко-советских переговоров были использованы и рычаги взаимной экономической заинтересованности. Первостепенной задачей планируемого экономического соглашения в июне — июле 1939 года был срыв переговоров СССР с Западом — обстоятельство, которое не в силах скрыть самые оголтелые фальсификаторы вопроса германо-советского пакта о ненападении. Не следует забывать, что приблизительно с марта — апреля 1939 года немецкая дипломатия с

прицелом на «умиротворение» все более конкретизировала маршруты агрессии, решая проблему нейтрализации СССР. Переговоры по экономическим вопросам были разновидностью традиционного внешнеполитического блефа со стороны Берлина.

Советское правительство ясно видело цели германской дипломатии: «нейтрализация» Советского Союза в условиях единой стратегии «умиротворения» могла легко обернуться «изоляцией» СССР на международной арене с последующей объединенной агрессией империалистических стран против СССР. Советский Союз и на этом этапе германского зондажа не пошел навстречу предложениям Берлина, несмотря на то, что после мюнхенского стовора он оставался единственной из трех держав, не обменявшейся с Германией соответствующими взаимными обязательствами. Советская внешнеполитическая концепция объективно рассматривала коллективное сохранение мира как единственное эффективное средство обеспечения безопасности. СССР стремился сохранить мир не только для себя, но и для всех народов Европы, надежно блокировав возможные пути германской агрессии.

1 августа Дирксен писал из Лондона, что «договоренность с Германией растворила бы, так сказать, «химически» проблему Данцига и открыла бы путь для германо-польского соглашения, в котором Великобритания больше не была бы заинтересована. Что касается англо-франко-советских военных переговоров в Москве, то немецкий посол с уверенностью предсказывал их неудачу: «Прогресс переговоров о договоре с Россией рассматривается скептически, несмотря на посылку военной миссии или, точнее говоря, благодаря этому. Это подтверждается и составом британской военной миссии: адмирал... практически в отставке и никогда не работал в военно-морском штабе; генерал также чисто строевой офицер; маршал военно-воздушных сил — выдающийся пилот и инструктор, но не стратег. Это создает впечатление, что задачей военной миссии является скорее оценка боеспособности советской мощи, нежели заключение соглашения».

В тот же день Риббентроп пригласил к себе Г. А. Астахова и поднял в беседе с ним широкий круг вопросов, затрагивавших советско-германские отношения. В основном то были проблемы, поставленные в

неофициальном порядке Шнурре перед советским дипломатом неделей ранее. Предлагая базировать советско-германские отношения на принципах невмешательства во внутренние дела друг друга и отхода от политики, направленной против жизненных интересов двух сторон, Риббентроп попытался прибегнуть к угрозам: «Если у вас другие перспективы, если, например, вы считаете, что лучшим способом урегулировать взаимоотношения с нами является приглашение в Москву англо-французских военных миссий, то это, конечно, дело ваше... Мы уверены в своих силах; нет такой войны, которую мы бы не выиграли». Далее последовала незамысловатая попытка шантажа Советского правительства японской угрозой с востока. «Я охарактеризовал германо-японские отношения, — пишет Риббентроп, — как хорошие и дружеские... Однако что касается русско-японских отношений, то у меня есть особые мысли».

На следующий день Шуленбург повторил вопросы Риббентропа советскому наркому иностранных дел. Что же ответил советский нарком? Отметив, что нормализация и улучшение советско-германских отношений совпадают с желанием Советского правительства, он тут же заявил, что ухудшение этих отношений произошло не по вине Советского правительства, и прямо указал на антикоминтерновский пакт как на коренную причину плохих германо-советских отношений. Нарком привел далее примеры антисоветской внешней политики «третьего рейха»: поддержка и поощрение агрессии Японии против СССР, мюнхенские соглашения. Как может быть все это поставлено в один ряд с заверениями посла об отсутствии у Германии враждебных замыслов против СССР? Затем он дал понять, что Советское правительство не верит в заверения гитлеровцев относительно Польши. Мирное решение польского вопроса, сказал он, зависит прежде всего от германской стороны.

В целом заключение Шуленбурга об этой беседе с наркомом, относительно которой у немецкого руководства имелись определенные планы, оказалось крайне необнадеживающим для немецкой стороны. «Мое основное впечатление, — писал посол в своем отчете, — таково, что Советское правительство в настоящий момент полно решимости заключить соглашение с Великобританией и Францией, если они пойдут ему навстречу».

Таков вывод немецкого посла на 3 августа 1939 года, который решительно перечеркивает все потуги буржуазной историографии представить дело таким образом, будто в это время Советское правительство, ожидая прибытия в СССР военных миссий Англии и Франции, встало «на путь сговора» с Берлином. Москва все еще надеялась на то, что удастся создать блок против агрессоров. Зато нервозность германской дипломатии заметно возрастала. 3 и 5 августа Шнурре навязчиво ставит перед Астаховым вопрос об отношении Советского правительства к немецким предложениям. 5 августа Астахов ответил Шнурре в самом общем плане, указав, что он не имеет никаких полномочий вести такого рода переговоры, а может лишь изучать точку зрения Берлина по данному вопросу. Советское правительство по-прежнему надеялось на возможность заключения англо-франко-советской военной конвенции.

Уместно сказать несколько слов о позиции американской дипломатии в преддверии назревавшего вооруженного конфликта в Европе.

Германо-советские отношения в апреле — августе 1939 года имеют самых неумеренных и пристрастных критиков среди «советологов» и историков Соединенных Штатов Америки. История германского зондажа весной и летом 1939 года и ее освещение американской историографией самым неожиданным образом проливают свет на некоторые особенности внешней политики США этого периода.

В рамках единой стратегии «умиротворения» Вашингтон проводил собственную политику, и заключение англо-франко-советского соглашения летом 1939 года не входило и в «собственные» планы Белого дома, который, по всей вероятности, имел также свое мнение по поводу начала европейского конфликта. Политика «баланса сил» в Вашингтоне явно расходилась с «балансированием» Лондона, и, поскольку Лондон против воли британских стратегов утрачивал роль европейского «балансира», эта роль постепенно переходила к Вашингтону.

7

Как с восточных, так и с западных рубежей Советского Союза в Москву стекались тревожные сведения. Мировой пожар, в центре которого в любую минуту

мог оказаться СССР, готов был вспыхнуть со дня на день. 2 августа 1939 года советский временный поверенный в делах из Берлина сообщал о «перебросках германских войск в направлении восточной границы, особенно в Силезии». Фашистские главарь не особенно скрывали свои планы относительно Польши. По данным советского военно-воздушного атташе в Лондоне, военные приготовления Германии должны были быть закончены в основном к 15 августа. «Призыв резервистов и формирование частей резерва, — отмечалось в его телеграмме в Генеральный штаб РККА от 12 августа, — проводятся в широком масштабе и замаскированно».

Все ожесточеннее становились бои в районе реки Халхин-Гол. В Японии милитаристские круги упорно ратовали за заключение военного союза с Германией и Италией. Такой союз в условиях агрессии Германии в Европе мог означать для СССР вступление в войну в неблагоприятной обстановке борьбы на два фронта, о чем постоянно мечтали правящие круги Англии и Франции. 11 августа Отт обратился из Токио к нацистскому руководству с призывом поддержать милитаристские круги Японии. «Так как армия, — писал он, — является главным проводником политики военного союза, задачей громадной важности для нас должно стать укрепление ее позиций внутри страны». Дворцовые и финансовые круги Японии в тот момент, как отмечалось в телеграмме и. о. военного атташе СССР в Японии, «пойдут на заключение военного союза только против СССР, но не против всех демократических государств, чего требуют Германия и Италия». В начале августа ТАСС констатировал новые наглые вылазки японской военщины.

В этой атмосфере предгрозовых разрядов медленно, со скоростью 13 узлов, как бы вопреки самой логике истории, бороздил воды Северного и Балтийского морей товаро-пассажирский пароход «Сити оф Эксетер», на борту которого находились английская и французская военные миссии. 5 августа делегации отплыли из Лондона и лишь 10-го прибыли в Ленинград. Тем временем в Данциге отряды эсэсовцев уже патрулировали улицы, в укромных местах тайно сосредоточивались прибывшие из Германии войска. 9 августа в «войну нот» между данцигским сенатом и польским правительством вмешалось правительство рейха. Гитлеровская печать и

радио изо всех сил нагнетали военный психоз. 10 августа английский военный атташе в Москве Файербрэйс в беседе с итальянским военным атташе поведал, какими доводами собираются оперировать западные военные миссии, с тем чтобы повлиять на возможное будущее решение советской делегации: Германия будет сохранять оборонительную позицию на западе, в то время как на востоке она атакует Польшу превосходящими силами, разобьет ее в течение одного-двух месяцев, и германские войска окажутся на советской границе. «Не исключено, что Германия в этом случае предложит западным странам сепаратный мир на тех условиях, что она получает свободу рук на востоке. А если Советское правительство не заключит теперь же договора с Великобританией и Францией, оно рискует изоляцией в случае войны». Ход рассуждений английского чиновника весьма показателен.

На первом совместном заседании военных делегаций 12 августа выяснилось, что советская делегация обладала полномочиями не только вести переговоры, но и подписать военную конвенцию между Англией, Францией и СССР. Полномочия французского генерала Думенка предписывали французской делегации лишь вести переговоры по вопросам о военном сотрудничестве, а глава английской делегации адмирал Дракс вовсе не имел никаких полномочий, зато обладал достаточно ценным с исторической точки зрения документом, в котором он уполномочивался фактически вести переговоры как можно медленнее и стараться свести соглашение к самым общим формулировкам.

События первой декады августа со всей серьезностью поставили перед Советским правительством вопрос: в каком положении окажется СССР с началом войны в Европе, если, несмотря на все усилия нашей дипломатии, англо-франко-советский союз не будет заключен?

Даже самый общий анализ положения вещей свидетельствовал, что приведенное выше «пророчество» английского военного атташе отнюдь не было лишено оснований. Речь шла о возможном антисоветском сговоре империалистов. Ряд обстоятельств обеспечивал в принципе такой разворот событий. Со времени обнародования евангелия германского фашизма «Майн кампф» коммунизм был и оставался для него главным

противником, а СССР являлся врагом номер 1. Это признавали все самые ярые противники коммунизма и злейшие недруги СССР. Показательно откровение министра иностранных дел Польши Бека, высказанное им 3 августа американскому послу в Варшаве Бидлу: «Для западноевропейских демократий было бы меньше сложностей в случае, если бы они искали взаимопонимания с державами «оси», стремясь приспособить свой образ мыслей к ним, чем это было бы в случае поиска взаимопонимания нацистами и коммунистами». После разгрома Польши направление агрессии с военно-стратегической точки зрения ставило вопрос о дальнейшем ударе Германии против СССР. Недаром в первую и вторую декады августа английское правительство прилагало максимум усилий для конкретизации условий сделки с Германией. Еще 25 июля лорд Кемсли встретился в Байрате с Гитлером, Геббельсом и Розенбергом и обсуждал с ними широкий круг проблем. 3 августа Вильсон откровенно, и не в первый раз, «объяснил» немецкому послу, что «английская политика окружения» упадет в результате заключения с Германией договора о ненападении».

Еще показательнее заявление, сделанное 10 августа Галифаксом Дирксену. «Если лед однажды будет сломан, с английской стороны пойдут очень далеко, чтобы достигнуть соглашения с Германией». Вырисовалась крайне неблагоприятная перспектива: со дня на день СССР мог оказаться в смертельной схватке с антисоветской коалицией ряда держав. С исторической точки зрения это и было целью «большой стратегии» империализма. В тех условиях Советское правительство на основе тщательнейшего анализа международной обстановки должно было как можно более точно определить внешнеполитический курс страны социализма.

По-своему любопытная характеристика этой дилеммы, стоявшей тогда перед Советским правительством, была дана в письме Шуленбурга от 7 августа. «Мне кажется, — сообщал он, — что мы действительно подкинули Советам нечто такое, над чем стоит задуматься. На каждом шагу и в каждом слове можно почувствовать сильное их недоверие к нам». 10 августа Шнурре с нескрываемым беспокойством вновь обратился к Астахову, пытаясь выяснить отношение Советского правительства к польско-германскому конфликту и цели, пре-

следуемые СССР в англо-франко-советских переговорах. Г. А. Астахов писал в Москву: немцев «явно тревожат наши переговоры с англо-французскими военными, и они не щадят аргументов и посулов... Они готовы сейчас на такие декларации и жесты, какие полгода тому назад могли казаться совершенно исключенными». Упомянутое заявление нацистского дипломата было примечательно тем, что идея договора о ненападении, звучавшая в речах берлинских дипломатов и ранее, приобрела здесь более определенные очертания. Однако советская дипломатия и теперь никак не реагировала на авансы Шнурре, а также на запросы Шуленбурга.

Вопрос о польско-советских отношениях был важной частью возможного англо-франко-советского антигитлеровского соглашения. Ведь без допуска советских войск к немецкой границе с прохождением их через Польшу реальная борьба СССР против Германии посредством вооруженных сил практически исключалась. Польское же правительство на протяжении всех англо-франко-советских переговоров демонстративно придерживалось традиционной для буржуазно-помещичьей Польши антисоветской линии. Польское правительство 11 мая отвергло советские предложения о двустороннем взаимном сотрудничестве в случае германской агрессии — обстоятельство, которое тут же было зафиксировано немецкими дипломатами в Варшаве. В ходе англо-франко-советских военных переговоров позиция Польши стала ключевым моментом всей системы коллективной безопасности в Европе.

Посол Польши в Москве Гржибовский успокоил фашистских главарей, заявив итальянскому послу Росо, что «отношение Польши к переговорам о пакте остается неизменным. Польша ни при каких обстоятельствах не разрешит советским войскам вступить на ее территорию». Позиция польского руководства, подобно бумерангу, наносила удар по национальным интересам самой Польши. В Берлине все более утверждались в мысли, что «изоляция (Польши) усиливается изо дня в день». С другой стороны, именно вследствие недальновидной политики правительства Польши германский МИД стал еще настойчивее предлагать СССР заключить договор о ненападении.

В Берлине тем временем росло беспокойство, по-

сколько, как отмечает в своем дневнике от 7 августа весьма информированный германский дипломат фон Хасель, «ничего серьезного в области отношений с Россией не произошло». 14 августа Риббентроп поручил Шуленбургу высказать эту идею более откровенно. Содержание инструкции, данной послу, было таково: несмотря на различие идеологий, жизненные интересы СССР и Германии, соприкасаясь во многих точках, тем не менее не противоречат друг другу; исходя из этого, германское правительство высказывает готовность решить удовлетворительно ряд вопросов, прямо затрагивавших безопасность Советского Союза.

Атмосферу тревожного ожидания в Берлине передает в своих воспоминаниях Вейцзекер: немецкое посольство в Москве получало из Берлина одну за другой телеграммы с требованием дать подробный отчет о ходе переговоров военных миссий. 15 августа Шуленбург посетил В. М. Молотова. Приветствуя немецкие намерения улучшить отношения с СССР, советский нарком отказался тем не менее дать конкретные ответы на вопросы Риббентропа и обсуждать вопрос о визите последнего в Москву.

Очередные три дня переговоров военных миссий в Москве ни на йоту не приблизили их к решению коренного вопроса о пропуске советских войск через территории Польши и Румынии для противоборства немецкой агрессии. 14 августа в конце совместного заседания советская делегация, соглашаясь и с дальнейшим обсуждением вопросов о военной конвенции, резонно заявила, что «без положительного решения вопроса» о пропуске советских войск «все начатое предприятие о заключении военной конвенции... заранее обречено на неуспех». Британский адмирал Дракс бросил фразу: «Я полагаю, что на этом нашу миссию можно считать законченной».

Понимали это и профессиональные политики в Лондоне и Париже. Но последовавшие затем переговоры с польским правительством убедительно показали, что даже в те критические предвоенные дни чувство реализма никак не могло возобладать в Варшаве. Легенды об «отчаянной борьбе», которую якобы вели дипломаты Лондона и Парижа, с тем чтобы добиться согласия Польши на проход советских войск, поныне бытующие в буржуазной литературе, убедительно опровергнуты. «Добиваясь» от Варшавы согласия на проход советских

войск, Боннэ дозировал свою настойчивость с таким расчетом, чтобы не получить никакого согласия. Политическое ханжество буржуазных исследователей, утверждающих, что английское и французское правительства не могли-де повлиять на суверенную Польшу в силу морально-правовых соображений, по существу, ниспровергается не кем иным, как У. Черчиллем. 28 марта 1940 года на заседании верховного военного совета в Лондоне им было высказано следующее суждение: «Если Германия вторгнется в Бельгию, союзные войска должны немедленно вступить на территорию этой страны, не дожидаясь официального приглашения». Истина заключалась в действительных замыслах правительства Чемберлена и Даладье: Польша приносилась в жертву главному стратегическому расчету империалистов Запада — максимальному приближению фашистской угрозы к границам СССР и провоцированию войны Германии с Советским Союзом.

Всякая неопределенность в вопросе о путях и средствах военного взаимодействия могла обернуться для СССР опасной провокацией со стороны англо-французских «умиротворителей», поскольку на этот счет имелся печальный опыт. Еще в сентябре 1938 года в связи с назревающим кризисом в Чехословакии румынский министр иностранных дел при прямой поддержке Боннэ многозначительно намекнул, что, несмотря на то, что его правительство не даст согласия на проход советских войск, «пролет самолетов через территорию Румынии не вызовет ничего, кроме формального протеста». Впоследствии выяснилось, что приблизительно в это время другой румынский министр посвятил в этот «хитроумный замысел»... германского посланника. Нетрудно себе представить, как обернулись бы события, если бы Советское правительство последовало этому «совету». В августе 1939 года похоже было на то, что английское и французское руководство готово были предложить СССР подобную модель политики «закрытых глаз».

8

Между тем Берлин формировал контакты с Москвой. Шквал срочных депеш обрушился на немецкое посольство в Москве.

15 августа в дневнике того же Хасселя записано, что

он получил «сенсационную новость от человека, который лично видел инструкцию, посланную Шуленбургу, о том, чтобы он предпринял новую попытку к достижению соглашения с Молотовым... Гитлер сам готов ехать в Москву». 16 августа Берлин подтвердил желание заключить пакт о ненападении с СССР, гарантировать вместе с СССР суверенность Прибалтийских государств и даже оказать влияние на Японию в смысле улучшения японо-советских отношений. Риббентроп опять настойчиво изъявил готовность прибыть в Москву немедленно после 18 августа. В ответе Советского правительства от 18 августа вновь напоминалось об укоренившемся антисоветизме во внешней политике «третьего рейха». Улучшение советско-германских отношений должно осуществляться посредством «ряда серьезных и практических шагов», приезд немецкого министра «требует тщательной подготовки». Таким образом, Советское правительство до предела использовало все возможности на пути создания системы коллективной безопасности, вновь предоставляя западным странам время для радикального изменения своих позиций в ходе переговоров с СССР.

20 августа Гитлер обратился с личным посланием к И. В. Сталину, предложив принять 22 августа министра иностранных дел Германии, который «будет облечен всеми чрезвычайными полномочиями для составления и подписания пакта о ненападении».

Перед Советским правительством встала дилемма: отклонить германское предложение или принять его. В первом случае Советскому Союзу угрожала неминуемая война с Германией на западе и с Японией на востоке, причем нельзя было исключить возможности того, что враждующие империалистические группировки попытаются разрешить свои противоречия за счет СССР, и в этой ситуации Советскому Союзу предстояло бы бороться против единого империалистического блока. Во втором случае создание такого блока, хотя бы временно, исключалось и СССР получал определенный выигрыш во времени для лучшей подготовки к войне. Третьего пути просто не было, ибо вечером 19 августа польский министр иностранных дел Бек, сославшись на решение своего президента, сообщил Франции об окончательном отказе пропустить советские войска через территорию Польши для удара по Германии.

Классовый характер стратегии «умиротворения» не претерпел изменений. С одной стороны, Лондон и Париж, несмотря на известное отрезвление от эйфории антисоветизма перед лицом неминуемой войны с гитлеровским рейхом, так и не смогли в мирных условиях выйти за рамки стратегии «умиротворения». Внутренний конфликт военно-политических доктрин Англии и Франции, о котором мы говорили ранее, вылился в их полное банкротство на переговорах военных миссий 11—14 августа 1939 года. 17 августа посол Великобритании в СССР Сиидс получил инструкцию Галифакса, которая свидетельствовала о таком вопиющем незнании обстановки переговоров в Москве, которое ставит под сомнение профессионализм английской дипломатии тех дней. «Теперь, когда военные переговоры успешно продвигаются вперед (?!), — писал министр, — желательно обсуждение первоочередных политических вопросов». Ни один исследователь проблемы на Западе не может решить дилемму, поставленную лордом Галифаксом.

С другой стороны, германская дипломатия, действуя также в рамках единой империалистической стратегии и окончательно определив направление первого удара в пользу войны против Запада, вынуждена была предложить СССР подписать договор о ненападении. Идея эта разрабатывалась в Берлине в том или ином виде с мая — июля 1939 года и в различных вариантах предлагалась Советскому правительству, пока не была со всей полнотой выражена Шнурре 26 июля 1939 года. Тем, кто склонен приписывать инициативу заключения пакта советской дипломатии, нелишне напомнить, что «авторство» этой акции оспаривал сам Риббентроп. «Я подготовил по дипломатическим каналам, — писал Риббентроп, — заключение пакта о ненападении между Германией и Россией. В ответ на телеграмму Гитлера Сталин пригласил полномочного представителя в Москву».

Международные события августа 1939 года в целом и англо-франко-советские переговоры в частности показали, что к середине августа Советское правительство исчерпало *все без исключения* возможности для создания системы коллективного отпора агрессору. Политика Запада торпедировала все попытки Советского правительства воплотить в жизнь идею коллективной безопасности. И. В. Сталин несколько позднее говорил юго-

славскому послу: «В силу позиций Англии и Франции всякое заключение пакта с союзниками привело бы к тому, что Советскому Союзу пришлось нести все бремя германского нападения в момент, когда Советский Союз еще не был к этому готов». История полностью подтвердила такой анализ Советского правительства.

Советско-германский договор был подписан в Москве 23 августа 1939 года. Его содержание советская дипломатия разработала с особой тщательностью. Статьи договора с исчерпывающей определенностью и абсолютной ясностью отнимали у агрессора всякую возможность оправдать чем-либо нападение на СССР в будущем. Обе договаривающиеся стороны обязались воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая договаривающаяся сторона не должна поддерживать ни в какой форме эту третью державу. Правительства обеих договаривающихся сторон будут информировать друг друга по вопросам, затрагивающим их общие интересы. Ни одна из договаривающихся сторон не станет участвовать ни в какой группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны. В случае возникновения споров или конфликтов между договаривающимися сторонами по вопросам того или иного рода обе стороны согласны разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем, в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта. Договор заключался сроком на десять лет.

Оперативное значение договора состояло в том, что он серьезно подорвал единство внутри блока агрессоров, что не могло не сказаться на ходе подготавливавшейся войны. 4 мая 1939 года в инструкции Муссолини для Чиано относительно встречи последнего с Риббентропом подчеркивалось: «Что касается России, то желательно предотвратить объединение ее с западными странами, но не более того; любого рода соглашение с ней... ослабило бы тем самым структуру «оси».

Оба других члена фашистской «оси» не рассчитывали ни на что большее, как на простое заигрывание Гер-

мании с СССР с целью предотвращения создания союза держав, выступающих против агрессии. Таковы были первоначально, как мы могли убедиться, расчеты и Берлина. Однако советская дипломатия сорвала тактические замыслы врагов СССР. Что касается Японии, там подписание советско-германского договора о ненападении произвело эффект разорвавшейся бомбы. 25 августа на заседании кабинета премьер Хиранума заявил, что «заключение пакта о ненападении между СССР и Германией противоречит антикоминтерновскому соглашению. Правительство решило прекратить линию на усиление антикоминтерновской «оси» между Японией и Германией... и ликвидировать прежние планы». 28 августа кабинет Хиранумы подал в отставку.

Если сейчас, спустя десятилетия после подписания договора, полистать страницы книг западных историков, мы найдем множество советов и рекомендаций, как следовало себя вести, чего нужно было избегать Советскому правительству в те трудные предвоенные месяцы. Но последуй советская внешняя политика руслом, прочерченным западными «радетелями», и задолго до 22 июня 1941 года советскому народу пришлось бы столкнуться с врагом на полях сражений, возможно, с объединенными силами международного империализма. «Вторая мировая война, — пишет известный немецкий историк Норден, — началась 1 сентября 1939 года не вследствие заключения германо-советского пакта о ненападении, а вследствие отказа Англии и Франции заключить с Советским Союзом честный союзный договор. Ненависть лондонского и парижского правительств к Советскому Союзу стала решающим фактором в разрывании второй мировой войны».

Таковы поучительные уроки истории.

ГЛАВА
ПЯТАЯ
ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ
И БУДУЩЕЕ

Хотя прошли десятилетия со времени подписания советско-германского пакта о ненападении, но время не притупило остроту борьбы вокруг этого вопроса. В многочисленных и многообразных работах, вышедших на Западе, так и не видно принципиального подхода к вопросу о развитии международных отношений марта — августа 1939 года вообще и к вопросу о причинах, побудивших Советское правительство пойти на этот шаг. Нет на Западе и сколько-нибудь объективной и комплексной оценки этого важнейшего события.

Позиция идеологов «умиротворения» 1939 года довольно четко отражалась в двух основных положениях, которые несут в себе элемент саморазоблачения. Первое положение, наиболее рельефно выраженное французской газетой «Эпок» 25 августа 1939 года, выражало пропагандистский стержень проблемы, на который и сегодня нанизывается аргументация противников советско-германского договора. «С первого взгляда видно, — писал известный буржуазный комментатор А. Кериллис, — что в договоре Москва — Берлин дело идет не о договоре о ненападении... но о настоящем союзном договоре... Другими словами, СССР дал Германии во всех случаях карт бланш против Польши». Второе положение выразила другая французская газета, «Пти Паризьен», которая рассматривалась в те годы как официоз МИД Франции.

Газета утверждала, что, «будучи далеким от простого пакта о ненападении, он (то есть советско-герман-

ский пакт) оказывает влияние *на всю систему европейского баланса сил* (подчеркнуто мной. — И. А.)... и будет, конечно, иметь последствием известную перегруппировку среди народов, видевших в Германии державу, в первую очередь антикоммунистическую». Итак, два важных признания: пакт расценивается как логическое завершение двух изначальных импульсов политики «умиротворения», о чем и шла речь в нашей книге — антикоммунизм во внешней политике и политика «баланса сил». Иными словами, то было чувство глубокого разочарования, выраженное под влиянием момента с предельной ясностью, разочарования в том, что рассчитанная «по часам» большая стратегия империализма терпела глубочайшее поражение в силу объективной непримиримости интересов партнеров в единой империалистической стратегии, а также в огромной степени потому, что Советское правительство на основе внимательного изучения двух тенденций в международной политике империализма сумело своевременно рассмотреть особенности курса западных стран, тщательно закамуфлированного под политику «коллективной безопасности».

Понимание позиции Советского правительства в этот самый сложный период истории международных отношений находится за пределами социальных возможностей буржуазной науки международных отношений и потому приводит буржуазных журналистов и историков к одинаково вульгарному толкованию сложнейших явлений в сфере международных отношений. «Ближайшие дни покажут, в добром ли еще разуме находится канцлер Гитлер, или советский яд, привезенный Риббентропом из Москвы, спутал ему мысли до того, что он бросится в катастрофу, сценарий которой (все доказывает теперь это) правители Москвы приготовили с дьявольским искусством» — так отзывалась «Нти Паризьен» об успехе советской дипломатии.

Это высказывание свидетельствует и о том, что на Западе не избавились от иллюзий относительно новой «перегруппировки среди народов» на антисоветской основе. Здесь суть оценки предвоенных событий международной жизни современной буржуазной наукой международных отношений, которая зачастую критически относится к курсу «умиротворения» в прошлом, но при рассмотрении сегодняшнего мира проявляет в различной степени как рецидивы антикоммунизма, так и ре-

цидивы силового подхода. Между тем строгий учет уроков истории является органическим компонентом политического реализма.

Доктрина «баланса сил» не имеет и не может иметь универсального характера и в сфере внешней политики. Противоречия, порождаемые империализмом, значительно сложнее и многообразнее тех его противоречий, которые так или иначе преломляются в сфере международных отношений. Любая попытка формализации международных отношений обречена на провал, имея целью анализ надстройки, связи которой с социально-экономической основой широки, многообразны и исторически поступательны в своей динамике.

Концепция «баланса сил», игнорируя глубинные, коренные процессы в социально-политическом базисе, склонна абсолютизировать рост военной и политической силы. Поскольку буржуазное классовое мышление ограничено при оценке роли силы в международных отношениях лишь такими признаками, как военная мощь государства, его политическое и экономическое влияние, то и неуклонное изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социализма воспринимается буржуазной наукой о международных отношениях лишь как рост экономического, политического и военного могущества СССР и его союзников, а огромная, всевозрастающая морально-политическая сила и влияние Советского Союза, его миролюбивой внешней политики явно недооценивались политическими теориями Запада.

Антисоветизм, привнесенный в сферу внешнеполитического мышления, а затем и в сферу внешней политики империалистических держав, не только нарушил строй этого мышления, но существенно ослабил политическое и военное планирование. Анализ уроков истории убедительно свидетельствует о том, что привнесение антисоветизма в сферу внешней политики на различных этапах изменения соотношения сил в мире в пользу социализма влечет за собой углубление кризиса соответствующих внешнеполитических доктрин. Рассмотренные нами военно-политические просчеты западных «умиротворителей» в канун второй мировой войны исторически подтверждаются просчетами военно-политических доктрин империализма в период «холодной войны». Наглядный и весьма убедительный урок несостоятельности антисоветизма как внешнеполитической доктрины был

дан именно в августе 1939 года умелым использованием нашей дипломатией межимпериалистических противоречий.

Эффективность советской дипломатии в конечном итоге черпала силы в том, что стратегическое направление внешней политики СССР всегда и неизменно выражало в конкретных внешнеполитических программах основополагающие принципы ленинской внешней политики. Идеи коллективной безопасности, неделимости мира были оптимальным выражением этих принципов в условиях нарастающей агрессии со стороны фашистских держав, являлись выражением демократизации международных отношений, начало которой положила победа Октября. Именно общедемократическое начало советской программы сделало ее популярной в среде самых широких народных масс, определило ее международное влияние и необходимость считаться с ней в столицах стран Запада.

Последовательная борьба СССР за создание системы коллективной безопасности и за систему коллективного отпора агрессорам является действенным и убедительным свидетельством того, что классовые позиции СССР на мировой арене непосредственным образом отвечали интересам народов других стран. Линия водораздела в предвоенный период проходила именно здесь: с одной стороны — классовая внешнеполитическая позиция СССР, которая охватывала самые широкие интересы народных масс, их стремление к прочному миру, с другой стороны — единая империалистическая стратегия «умиротворения», антисоветская и антинародная по существу.

Крах империалистической стратегии «умиротворения» и успех советской дипломатии, не допустившей втягивания Советского Союза в войну в крайне неблагоприятной для него обстановке, вполне закономерны. Они были подготовлены всем ходом исторического развития более чем за двадцать предшествовавших лет.

Естественно, что внешнеполитические концепции как Советского Союза, так и противостоящих ему империалистических держав выражали государственные интересы своих стран и представляли собой как бы квинт-эссенцию господствующего в них классового мировоззрения, определяемого, в свою очередь, характером стоящих у власти социальных и политических сил.

В этом плане вполне закономерна победа внешне-политической стратегии Советского Союза, которая в отличие от внешнеполитических концепций империалистических держав объективно, с позиций марксистско-ленинской науки подходила к пониманию экономических и социально-политических реальностей и потребностей развития международных отношений. Коммунистическая идеология в целом, внешняя политика и дипломатия социализма в частности одержали убедительную победу, избежав войны с объединенными силами империализма.

«История, — говорит Л. И. Брежнев, — жестоко наказала «умиротворителей», которые отвергли все предложения Советского правительства о коллективном отпоре фашистским агрессорам. Вопреки прогнозам и надеждам, господствовавшим тогда в Лондоне, Париже и Вашингтоне, фашистская Германия начала вторую мировую войну нападением не на СССР, а на капиталистические страны Европы»¹.

Избавив СССР от войны с объединенными силами империализма, советская внешняя политика полностью выполнила свой долг перед советским народом. Заключив пакт о ненападении с Германией, Советское правительство осуществило акцию большого международного значения. Москва в сложнейшей международной обстановке августа 1939 года до конца выполнила свой международный долг перед международным пролетариатом. Обеспечение безопасности Страны Советов было надежной гарантией дальнейшего социального прогресса народов, закладывало основы для создания в будущем во главе с Советским Союзом мощной антифашистской коалиции стран и народов, победа которой над силами империалистической реакции во второй мировой войне открыла для всего человечества перспективу развития по пути мира и социализма.

Эти уроки, однако, игнорируются на Западе. В современных условиях влиятельные силы мира капитализма вновь пытаются прибегнуть к той же стратегии «баланса сил», которая в 1939 году навлекла беду на Запад. Только вместо «германской карты» делаются попытки разыграть «китайскую карту». Вновь делаются экскурсы в «политическую геометрию», строятся произ-

---

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1, с. 122.

вольные «треугольники» и прочее. Эти занятия в наше время ракетно-ядерных вооружений неизмеримо, несопоставимо опаснее, чем на подступах к второй мировой войне. Тем не менее делаются подсчеты размеров ракетно-ядерного потенциала Китая, причем с легко различимой тоской. О чем?

Исследовательская группа пресловутой трехсторонней комиссии, представляющей коллективную «мудрость» современного Запада, заключила в конце 1978 года: «Нынешняя степень китайско-советской враждебности на советско-китайской стороне глобального силового треугольника, делающая отношения на ней куда менее нормальными, чем на советско-американской стороне, выгодна Западу. Запад должен содействовать тому, чтобы такое положение представлялось ценным для Китая. В особенности совершенно очевидно, что в интересах Запада предоставить Китаю благоприятные условия в экономических отношениях». Знакомый язык и почерк! Разве не слышался мир подобного в двадцатые и тридцатые годы применительно к нацистской Германии? Но разве можно забыть о том, чем кончилось «умиротворение» для самих инициаторов этой политики?

Некоторые на Западе все же не забыли. В июле 1978 года маститый американский теоретик международных отношений Г. Моргентау предупредил Вашингтон: «В то время как Соединенные Штаты воображают, что играют китайской картой, Китай намеревается использовать американскую карту против Советского Союза». Такого рода игра, подчеркнул Г. Моргентау, «чревата риском» для Соединенных Штатов. Один из западных апостолов концепции «баланса сил», Г. Моргентау высказал, безусловно, квалифицированное суждение.

Тот факт, что с прояснением гегемонистских и экспансионистских тенденций в политике Пекина мир становится свидетелем не только рецидива, но, пожалуй, «ренессанса» этой доктрины, лишней раз свидетельствует о духовной нищете политической мысли Запада. Никакой «баланс сил», где теперь вместо гитлеровской Германии подставляется Китай, не откроет никаких перспектив на будущее. Кроме одной — политика эта таит в себе громадную опасность для самого Запада: как бы нынешнее опьянение его и гигантское самообольщение не обернулось горьким похмельем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> Лабиринты британской дипломатии . . .	9
<i>Глава вторая.</i> «Дранк нах Остен» и система «баланса сил»	38
<i>Глава третья.</i> Советская дипломатия: теория и практика	109
<i>Глава четвертая.</i> Канун войны: на перекрестке трех стратегий	129
<i>Глава пятая.</i> Взгляд в прошлое и будущее	176

- Андросов И. Ю.**
А66 На перекрестке трех стратегий. — М.: Мол.
гвардия, 1980. — 182 с., ил.
35 к., 50 000 экз.

В книге рассказывается о событиях, непосредственно предшествовавших началу второй мировой войны. В сложном комплексе международных отношений того периода, характеризовавшихся нарастающим стремлением фашистской Германии к пересмотру итогов первой мировой войны, четко проявилась позиция Советского Союза, направленная на предотвращение военного пожара. Диаметрально противоположной была позиция Запада, пытавшегося развязать тугой узел межимпериалистических противоречий «канализацией» фашистской агрессии против СССР. В «схватке умов» в самый канун войны победила советская дипломатия, расстроив планы руководителей западных держав. Написанная на основе широкого круга источников и литературы, книга живо воссоздает предгрозовую атмосферу лета 1939 года и помогает уяснить суть международной политики на крутом повороте истории нашего века.

А 11101—010 Без объявл. 0801000000
078(02)—80

ББК 66.4
327

ИБ № 2473

Игорь Юрьевич Андросов
НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТРЕХ СТРАТЕГИИ

Редактор **С. Глушно**
Художник **О. Володина**
Художественный редактор **Н. Коробейников**
Технический редактор **Е. Михалева**
Корректоры **Н. Павлова, А. Долидзе, В. Авдеева**

Сдано в набор 12.11.79. Подписано к печати 24.12.79. А00276.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 9,66. Уч.-изд. л. 10. Тираж 50 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 2013.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

35 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ